

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Н.А. ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ЮБИЛЕИ

Вячеслав БОГДАНОВ
«Я, Россия, твой сын и боец!» 4

Николай КУЗИН
«Я работал в цехе Россия,
В синем цехе красоты и добра» 23

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
«Дождём умыт и пятерней причёсан...» 26

Николай ГОЛОВКИН
«Поэт, распятый на кресте прозы» 79

ПАМЯТЬ

Инна МУХИНА
Страсти по охоте.....31
Забайкальские рассказы.....36

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ
Школа.....141

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА
«И мне на родине не холодно...» 43

Николай РАЧКОВ
«Очарованный Русью...» 57

Константин СПАСКИЙ
«Надо жить...» 96

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
«У мольбертов в часы вдохновенья...» 114

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(24) 2017
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 10.07.17.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ D-4977

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2017
© Авторы, 2017

- Тамара ПОТЁМКИНА*
«А, может, каждому с себя начать?...».....120
- Алеся МИХОЛАП*
«И образы, кружась, смеялись...» 138
- Инна ЯСКЕВИЧ*
«В стране поселилась бессовестность...» ...163
- Ольга ГУСЕВА*
«Ко мне спускалась муза с облаков...».....177
- Фёдор ВОСТРИКОВ*
«Не отрекусь...» 185

ПРОЗА

- Расул БАГОМЕДОВ*
Рассказы 46
- Александр АНДРЮШКИН*
Полковник Вершинин. Отрывок
из романа «Банкир» 105
- Игорь ШУМЕЙКО*
Расписание бабочек 126
- Евгения ПИЦУЛИНА*
Лэсси 168

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Прошедшая половина текущего года характеризуется крайней нестабильностью жизни. Ощущение некоего междувременья пронизывает общество. Активизировалась так называемая «либеральная оппозиция», почувствовав, что судьба даёт ей шанс, возможно, последний. Ненавидящая Россию, не способная ни на что созидательное, окончательно дискредитировавшая себя продажностью, склочностью и хамством, она даже и не пытается скрывать своего истинного лица и своих намерений. Потерпевшая историческое поражение, но всё ещё рассчитывающая на «либеральный реванш», она делает ставку на низменные инстинкты наиболее доступной для манипуляций социальной среды – молодёжи, точнее, её части, сформировавшейся под влиянием антироссийского агитпропа, живущей либеральными мифами и при этом не нашедшей себя в реальной жизни. И хотя в масштабах страны эта «оппозиция» составляет жалкий процент, но за ней – вся мощь западных спецслужб и стабильные источники поддержки. Эта проблема будет проявляться всё сильнее, по мере приближения очередных выборов.

Многочисленные задержания и аресты по коррупционным делам чиновников разного уровня, произошедшие за относительно небольшое время, вызывают воодушевление и поддержку народа, и в то же время поражают и пугают выявляющимися масштабом коррупции и высокими должностями привлекаемых к ответственности чиновников. В сфере культуры происходит примерно то же самое, но, как положено, с ярко выраженными признаками фарса. Всё это, а так же многое другое, в целом очень похоже на кризис, преодолеть который возможно будет только чрезвычайными мерами.

Перемены, о которых так много говорилось в последнее время, похоже, приблизились совсем вплотную. Хорошего впереди, судя по всему, будет мало. Но избежать неизбежного невозможно. Остаётся сохранять выдержку и достоинство, свойственные нашему народу, и готовиться к грядущим испытаниям. Журнал ВЕЛИКОРОССЪ продолжает публиковать произведения, способствующие развитию литературы, а также исторической и общественно-политической мысли России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

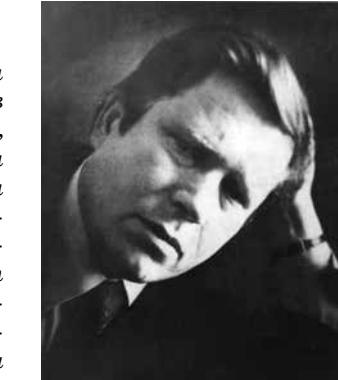

ЮБИЛЕИ

Вячеслав БОГДАНОВ

К 80-летию со дня рождения

Вячеслав Алексеевич Богданов (1937-1975) – один из ярких, талантливых русских поэтов. Родился в д. Васильевка Мордовского района Тамбовской области, в семье потомственных крестьян. Отец погиб на фронте под Курском в 1942 г. Мать одна растила троих детей. В 1953 г. В.А. Богданов обучался в фабрично-заводском училище в Челябинске, где познакомился с В.В. Сорокинским. В 1957 г. вместе с ним пришёл в литературное объединение «Металлург», где встретился с поэтами М. Львовым, Л. Татьянической, Б. Ручьёвым. Богданов проработал 15 лет на Челябинском металлургическом заводе. Стихи начал писать ещё в школе, первые публикации – в газете «Пионерская правда», затем в 1957 г. в газетах «Комсомолец» и «Челябинский рабочий». В 1966 был участником Кемеровского семинара писателей, организованного ЦК ВЛКСМ и СП России. Семинар вёл В.Д. Фёдоров, который рекомендовал его в члены Союза писателей СССР (принят в 1969). Он был литературным наставником Богданова, оказал большое влияние на поэта. В 1972 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького (семинар А. Межирова). В 1964 году в Южно-Уральском книжном издательстве вышел его первый поэтический сборник «Звон колосьев». Всего он выпустил семь сборников стихов в издательствах Москвы и Челябинска. Стихи и поэмы поэта публиковались в журналах: «Сибирские огни», «Урал», «Уральский следопыт», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Огонёк»; в различных сборниках и альманахах. Творчество Богданова высоко оценили Л. Татьяничева, С. Наровчатов, Б.А. Ручьёв, В.Ф. Боков и др. Был членом редколлегии журнала «Урал». С 1965 г. и до конца своей жизни руководил литературным объединением «Металлург». Став уже известным поэтом, Вячеслав Богданов часто приезжал на родную Тамбовщину, принимал активное участие в литературных праздниках. Трагически погиб в Москве 11 июля 1975 года. Похоронен в Челябинске. В 1978 г. при Челябинской областной организации Союза писателей СССР был создан поэтический

клуб «Светунец» имени Вячеслава Богданова, который работает и ныне. В Челябинске регулярно проводятся поэтические фестивали, посвящённые памяти поэта. С 1997 г. на Тамбовщине проводятся Богдановские чтения. Администрация Мордовского района учредила в 1998 г. премию «Светунец» имени В.А. Богданова. В п. Мордово создан музей поэта, установлен его бюст, его имя носит местная библиотека. Тамбовские композиторы О. Егорова, Л. Казанков написали музыку на стихи земляка.

Вячеслав Богданов с мамой Пелагеей Михайловной

«Я, Россия, твой сын и боец!..»

Я живу

Я живу на озёрном Урале,
Ты живёшь на великой реке.
От моей полуночной печали
Почернело кольцо на руке.
Упаду, как ослепшая птица,
Путеводной не видя звезды.
Из какого резного копытца –
Выпить мудрость волшебной воды?
Доживу без любви и без ласки
И тебя никогда не дождусь.
Всё равно, как царевич из сказки,
Я однажды тебе пригожусь.
Ты очнёшься, но будет уж поздно,
Слишком жизнь у людей коротка.
Укачает упавшие звёзды голубая речная тоска.

Начало биографии

Поклонясь деревенской избе,
Где нужды пережито немало,
Я ушёл из тамбовских степей
Под железное пламя Урала.

Был мне страшен огромный завод,
Где грохочет железная лава.
Ну а мастер из ФЗО
Говорил: – Зря пугаешься, Слава,

Не уралец и я – сибиряк,
Сын потомственного хлебороба,
А с заводом сдружился, да так –
Что уже не расстанусь до гроба.

О мартенах рассказывал мне,
Как он строил завод на болотах.
И пошёл я в монтажном ремне,
Наступая на горло высотам.

Под ключами стонали болты,
Покоряясь напористой силе,
И порой до хмельной темноты
Мы по трапам баллоны носили.

И ругались тогда сгоряча,
 Что нам доля такая досталась.
 Всё ж, довольный, я нёс на плечах
 В общежитие наше усталость.

Пахло терпко от вешней земли.
 По проспекту ватагой весёлой
 Мне навстречу ровесники шли
 Из манящей до слёз меня школы.

Хоть и знал я – они ни при чём,
 Взглядом смерив по-взрослому строго,
 Задевал их мазутным плечом: –
 Дай рабочему классу дорогу.

Вера

Сын земли российской по закону,
 Приученный с юности к труду,
 Я, военным детством закалённый,
 По деревне с песнею иду.
 Тем, кому по сердцу моё пенье,
 Тот со мною рядом становись!
 Пусть слова бросают, как камень,

Вячеслав Богданов

Нытики, не верящие в жизнь.
 Я вовеки песню ту не брошу.
 И пойду, уверенный, в дела,
 Как идёт разгневанная лошадь,
 Закусив стальные удила.

Во Владимире

С. Никитину

Здесь Русь моя на все четыре стороны
 В зелёной вьюге
 Вешнего огня.
 Зубчатыми лобастыми соборами
 Устало смотрит древность на меня.
 Пусть опустели башни колокольные,
 И ржавь легла от вековых ветров.
 Но слышу я – идут на битву воины
 Под перезвон седых колоколов.
 Лежат равнины,
 Росами омытые,
 И Русь моя огнём озарена.
 Дрожит земля под конскими копытами,
 И на крестах распята тишина.
 Я слышу гром
 И стон за перелесками,
 А у Кремля
 Рыдающий народ.
 О, дайте мне
 Доспехи князя Невского
 И верный ключ
 От Золотых ворот...

В синем цехе

Только утро разбрезжится синью,
 Торопливо уйду со двора.
 Я работаю в цехе Россия,
 В синем цехе красы и добра.
 Пусть дороги круты,
 Словно года.
 Глубине поучусь у сохи.
 Мне,
 Рабочему парню завода,
 Так нужны до зарезу стихи.

Петь так петь!
 Чтобы слабый с постели
 Встал
 И небо подпёр головой,
 Чтобы люди от песни добрели,
 Заполнялись глаза синевою.
 Но пока только вёрсты да вёрсты,
 Да горит мой дорожный костёр,
 Да летят полуночные звёзды
 В голубые ладони озёр.
 И дрожит молодая осина,
 Что погреться пришла у костра,
 Я работаю в цехе Россия,
 В синем цехе красы и добра.

Отгуляет зима по Уралу...

Отгуляет зима по Уралу,
 Даль разбудят ручьи ото сна.
 И опять
 Как ни в чём не бывало
 Заторопится в гости весна.

Вячеслав Богданов

Заторопится дождиком,
 Громом,
 Майским лугом взойдёт надо мной...
 И под парусом белым
 черёмух
 Поведёт стороною родной.
 Поведёт по равнинам,
 Озёрам,
 Тишиной приласкает в краю,
 Где о наши
 Скуластые горы
 Точит молния
 Саблю свою.
 Там рога запрокинули лоси,
 Шаг далёко слышит чужой...
 По озёрам
 Прошедшая осень
 Карасиной рябит чешуёй...
 Там,
 Тревожа окрестные сёла,
 Зазывает огнями завод.
 И в чащобах,
 Как мудрый геолог,
 Ищет клады уральские крот.
 Тянут ветры сквозные из леса
 Запах липы в озёрную синь.
 Здравствуй, край
 Красоты и железа –
 Молчаливая гордость Руси!

Памяти поэта

*И пускай я на рыхлую выбель
 Упаду и зарююсь в снегу...
 Всё же песню отмщенья за гибель
 Пропоеют мне на том берегу.*

Сергей Есенин

Улеглась в гостинице гульба,
 Жёлтый мрак качался в коридоре.
 Как смогла ты,
 Подлая труба,
 Удержать такое наше горе?!
 Не вино сдавило вдруг виски,
 Не метель,
 Что выла, словно сука, –
 Это пальцы подлостей людских
 Прямо к горлу подступили туго.

Спал подлец,
 Напившись в кабаке,
 Над поэтом зло набалагурясь...
 Смертный миг...
 Лёд треснул на Оке...
 Только мать на всей Руси проснулась...
 Что же ей почудилось тогда?
 Может быть,
 Взаправду увидала,
 Как с небес
 Горючая звезда
 На крыльцо морозное упала.
 И зажгла зарю в селе звезда.
 Мать у русской печки суетилась.
 По снегам глубоким,
 Как беда,
 Весть на санках к дому подкатилась.
 Рухнул месяц с голубых высот.
 И берёзы
 В дымной круговерти,
 Словно петлю,
 Рвали горизонт
 И стонали голосом бессмертья.

Вячеслав Богданов

Дума

Среди лугов река уходит криво.
 Листает волны ветер – суховей.
 Приду к реке и сяду у обрыва,
 На краешке у памяти своей.
 По-над водой осока дремлет остро.
 И ласточки пронырливо снуют.
 И окуни мелькают, словно вёрсты,
 И полосатой думою встают...
 ...Ценою рук, а не ценою злата,
 Из темноты я выбрался на свет...
 И рад тому, что, словно эскалатор,
 Меня не вёз чужой авторитет...
 Ещё мне рано подводить итоги.
 И впереди: и солнце, и гроза...
 Я так хочу, чтобы мои дороги
 Не засорили путникам глаза.
 Река, река – степное откровенье,
 Круты, как жизнь, излучины твои.
 Я жду в судьбе великого мгновенья,
 Вложи мне в грудь извечное стремленье
 И луговую ширью напои...

Озеро

Откипело озеро степное,
 Синевой пронизано насквозь,
 В берега,
 Оплавленные зноем,
 Присмирив на время,
 Улеглось.
 Что его нежданно
 взъярило?
 Не бывает бури
 без причин!
 И какая
 Зоревая сила
 Вырывала камни из глубин?
 Озеро бунтует
 не впервые,
 Раздвигая берега,
 Как тьму.
 Назвенели воды дождевые
 Про свободу-волюшку ему...
 Потому металось так мятежно!

Может быть,
 Поднявшись на дыбы,
 Океан увидело безбрежный
 Из своей
 Кольцованной судьбы!
 Но ему
 Из берегов разбитых
 В океан прорваться не дано!
 И крутые камни,
 Как обиду,
 Засосало илистое дно.
 Всё равно при утреннем тумане
 Забунтует озеро насквозь.
 Пусть оно не выйдет к океану,
 Но зато к великому рвалось.

Агава

Расцвела агавы в южном парке,
 Цвет фонтаном заструился ярким.
 Тридцать лет живёт всего агавы
 И цвести лишь раз имеет право.
 Только раз –
 Цвести высоким цветом,
 Увядая навсегда при этом.
 Как её возвысила планета –
 Умереть от собственного цвета!..

Стог

– А какой тебе годик?
 – Шестой миновал.

Н.А. Некрасов

Тяжёлый год. Нетопленная печь.
 Глухая ночь,
 А в доме – ни полена.
 Над стогом месяц висится,
 Как меч,
 Крадусь в степи,
 Как будто бы из плена.
 Огонь в избе объездчика потух...
 И не страшны мне ни погост,
 Ни волки...
 Лишь скрип салазок напрягает слух,
 Торчит стерня,
 Острее, чем иголки...
 Я стогу в бок вогнал железный крюк,
 Обучен рано ремеслу такому...

Но только стог упрям, как жадный друг,
 Мне по клочочку выдавал солому.
 И дёргал я солому сколько мог,
 Искал места, где легче подступиться.
 Вгонял я крюк.
 И, оседая, стог
 Стонал в ночи, как раненая птица.
 И я, мальчишка десяти годов,
 По-взрослому,
 Совсем не без опаски,
 Между чужих запутанных следов
 Тянул домой с соломою салазки.
 Такая даль искрилась впереди!
 Такие звёзды крупные сияли!
 Хотелось всю деревню разбудить,
 Но брёл тайком,
 Чтоб люди не видали...
 Я отдохнуть присел на бугорке, –
 Спасителем от всех морозных бедствий
 Колхозный стог виднелся вдалеке,
 Раздёрганный кругом,
 Как наше детство.
 Я это все запомнил и сберёг.
 И сердце оттого не каменеет...
 И душу мне,
 Как тот колхозный стог,
 Никто вовек раздёргать не сумеет!..

В Тамбове. В. Богданов читает стихи. Слушают (слева направо) поэт Н. Глазков и писатель А. Старыгин.

Я, Россия, твой сын и боец

Вам об этом расскажут века,
 Каждый город, село
 И станица...
 Пуля-дура –
 В руках дурака,
 Пуля –
 Разум в руках у провидца.
 Был на свете слепее свинца
 Кто,
 Как робот,
 Стоял в карауле.
 И в бессмертное сердце певца
 Злобно выплюнул
 Царскую пулю.
 Билось сердце поэта не зря!
 Славлю пулю я –
 Острую веру.
 Что в провидческий час Октября
 Нам открыла
 Великую эру.
 Я, Россия, твой сын.
 И боец.
 И стою на твоём карауле.
 Я вложил свою веру
 В свинец
 И отлил для врага её
 В пулю.

Русь

Обжитый мир под солнцем, под луной
 И под лучами звёздными косыми,
 Где дух веков кружится надо мной
 И распахнулся далями России.
 И я иду навстречу тем векам,
 Голубоглазый, русский, коренастый.
 Колосья прикасаются к рукам,
 Озёра колыхаются глазасто.
 Земля вовсю вращается, кричит
 Холмом, золой, что с ней на свете было...
 Роняет солнце тихие лучи на обелиск,
 На братскую могилу,
 И кланяюсь я прошлому опять,
 Родной земле за все крутые были.
 Я в мир пришёл – творить, а не рыдать,
 Века и так к нам на слезах приплыли...

Нам пришлое сегодня, как броня,
 И в нас живут его земные боли.
 Не потому ль мы встали у огня,
 Не потому ль мы распахали поле?!
 И, вглядываясь в лица наших дней,
 В лицо огня и пашни, неба, пущи...
 Мне каждый раз становится видней
 Прямая связь меж прошлым и грядущим.

Светунец

Ходят ветры вечерние кротко.
 Гнутся травы от росных колец...
 Новый месяц обрамился чётко,
 – Наполняйся огнём, светунец!
 Восходя из росистой низины,
 Из простора лугов и полей,
 Зачерпни свет серебряно-синий
 И обратно на землю пролей!
 И замечутся тени в тревоге,
 Слеплённые острым огнём,
 И никто не собьётся с дороги
 В неподкупном свеченье твоём.

На Бородинском поле

*Недаром помнит вся Россия
 про день Бородина!*

М.Ю. Лермонтов

По жгучим волнам ветра и зари
 Былого эхо возвратилось с болью.
 И в небе соколом парит,
 А я иду на праведное поле.
 Здесь предок поле сердцем распахал
 И кровью полил,
 Ожидая всходы...
 За все потери, Русь,
 Твои невзгоды –
 Высокий дуб ветвями замахал.
 И как стрела пронзает тишина,
 И звёзды взвились,
 Словно стук копытный...
 Но мне не битва смертная страшна, –
 Ведь тишина – страшнее битвы!..

Здесь славой русской ветер напоён,
Он входит в грудь.
И пахнет вечность – лесом...
Не страшен, Русь, тебе Наполеон,
Страшней они – заезжие Дантесы!..
...Ушла заря.
И сполз туман с холмов,
И дуб обнял соседские берёзы.
И мужики так звонко у домов
По всей округе отбивают косы!..

Неповторимость

Я молодость, как буйного коня,
Всё гнал,
Всё гнал по кручам
И долинам.
И не вгляделся на пути недлинном
В ночную мглу,
В простор зелёный дня.
Мы в молодости временем щедры.
Бросал я дни налево и направо.
Безумно жёг высокие костры,
Беспечно падал в луговые травы.
Судить себя за это не берусь.
Всему свой час,
Всему земные сроки...
И счастлив я,
Что под звездой высокой
Она всегда неповторима – Русь!
И день ко дню склоняет время плотно,
И удаляет молодость мою.
Где раньше я промчался мимолётно,
Теперь в большом раздумии стою.
Из мглы ночной продвинулись ко мне
Высокой тайной вековые сосны
В игольчатой сквозной тишине
Ушедшие кольнули в сердце вёсны.
И увели в простор зелёный дня,
Где даль встаёт дымами и стогами...
Земля качнулась тихо под ногами
И понесла – усталая – меня.
К раздумиям о буйствах тишины,
О тишине кипенья грозowego...
А для чего мы в мире рождены
И для чего родятся люди снова?

Им снова жить бездумно до поры
И дни бросать налево и направо...
И разжигать высокие костры,
Беспечно падать в луговые травы...
И к ним придут раздумья – жизни груз,
Всему свой час,
Всему земные сроки...
И скажут вновь,
Что под звездой высокой –
Она всегда неповторима – Русь!

У летней воды

Сижу над летнею водою,
Пью охмеляющее пиво.
А берег пахнет лебедой,
Бегут часы неторопливо.
Но не вперёд бегут – назад...
И путь указывают стрелки
Туда,
Где срублен старый сад,
Где лебеда горька в тарелке...
Где среди дум и бедноты
Я от бесхлебья изнываю.

А на окне стоят цветы,
 Цветут и к жизни призывают.
 А за окном закатный мрак
 И, не по-детски злой и мрачный,
 Иду я поливать табак,
 Презрев навеки дым табачный...
 ...Сижу над летнею водой,
 Пью охмеляющее пиво.
 А берег пахнет лебедой,
 Бегут часы неторопливо.
 Волна седая, что ковыль,
 К ногам ласкается печально.
 И хмель – не хмель,
 И быль – не быль,
 Лишь речка летняя реальна.
 Да сад реален молодой,
 Да луг в ромашковой пороше...
 И хорошо, что лебедой
 Здесь берег пахнет,
 Словно прошлым,
 Что нет в деревне бедноты
 И что о ней не забывают.
 А на окне стоят цветы,
 Цветут и к жизни призывают.

Желание

В. Сорокину

За какими делами захватит
 Час последний в дороге меня?
 Я б хотел умереть на закате
 На руках догоревшего дня.
 Я с рожденья не верю в беспечность.
 И за это под шум деревень
 Впереди будет – тихая вечность,
 Позади – голубеющий день...
 Вам на память оставлю заботы,
 Я не шёл от забот стороной.
 И покой на земле заработал –
 День последний остался за мной!
 И за мной – отшумевшие травы
 И железных цехов голоса...
 А во мне эту вечную славу
 Приютили душа и глаза.
 Приютили, взрастили, согрели
 Всем, чем мы и горды и сильны...

И вплели в полуночные трели
 Соловьиной сквозной тишины.
 По дорогам нетореным,
 Тряским
 Из-под рук моих песня и труд
 Далеко уходили,
 Как сказки,
 И, как сказки, со мною уйдут!..

Заводская дорога

Осветился зарёю завод,
 Корпуса возвышаются строго.
 Пролегла к проходной на восход
 Вдоль берёз заводская дорога.

Заводская дорога... На ней
 Породнился с монтажной судьбою.
 Сколько дум я пронёс над тобою
 По вершинам размашистых дней.

Заводская дорога, ты мне
 Открывала желанные двери.
 Никакой тебя меркой не смерить,
 Не поставить ни с чем наравне!
 Ты меня уводила на высь,
 Ты меня опускала на землю.
 Как наследство, тебя я приемлю
 И цену, как нелёгкую жизнь.

Не кончаешься ты у цехов,
 Под огнём своих плавок искристых.
 Ты – начало судьбы и стихов,
 Всех дорог моих дальних и близких.

Мне судьба подарила пока
 Тридцать семь сентябррей серебристых...
 Я по-прежнему в жизни неистов,
 Голова от работы крепка!

Если что-то случится со мной,
 Вдруг в пути заплутаю немного,
 Оглянусь – у меня за спиной
 Свет несёт – заводская дорога!

Железо

Я гнул его,
 Рубил зубилом
 Под сводом заводских небес.
 С железом я к высотам лез,
 Когда плечом своим нехилым
 Познал его удельный вес.
 Оно покорно,
 Словно глина.
 Его секреты я постиг.
 Оно певуче,
 Словно стих.
 А чья в нём гибкость?
 Балерины.
 Чья стойкость?
 Рук мастеровых
 В январский день,
 Когда и птицы
 К плавильной жмутся духоте...
 Железом грелся я в труде,
 Хоть примерзали рукавицы
 К обледенелой высоте...
 За то всегда,
 Зимой и летом,
 В час перекура с высоты
 Я видел:
 Шли за мною следом
 Цехов железные скелеты,
 С монтажной выправкой мосты...
 Была и стужа, и жара,
 И вспомнить радостно и лестно,
 Как покорялось мне железо,
 И что меня бесполезно
 Учили делу мастера!

Научитесь понимать...

Над мартеном искромётный шар
 Поднимался в дымке расписной.
 Говорил подручным сталевар
 Про секреты плавки скоростной.

В тесноте широкополых шляп
 Говорил он, выбросив ладонь:
 – Нет, огонь бушующий – не раб,
 Научитесь понимать огонь!..

Горизонт от солнца серебрист,
 Борозды пригрелись на боку...
 Говорил у пашни тракторист
 Про секрет земли ученику.

Говорил, в ладонях землю тряс
 И глядел на полевою гладь:
 – Нет, удачи не покинут нас,
 Научитесь землю понимать!..

...В борозды сворачивались дни,
 Вспыхивали всходами весной...
 Над мартеном прыгали огни,
 Вспугнутые плавкой скоростной...

Победа

*Памяти отца,
 погибшего на фронте*

На рубеже войны и мира
 Солдатам в касках боевых,
 Как невзорвавшаяся мина,
 Она казалась в первый миг.
 Ещё рейхстаг дымил кудлато,
 В глаза лез пепел,
 Словно страх...
 Ещё к горячим автоматам
 Цепляли диски вгорячах.

Ещё в прифронтовом санбате
 Кричал в бреду сержант:
 «Вперёд!»
 Ещё, как чёрное проклятье,
 Фашистский падал самолёт.

Ещё не высохли чернила
 Победной маршальской руки...
 Ещё стволы не зачехлили
 В победный миг фронтовики, –

Победа!
 Вот она, Победа!
 Прими её, солдат-герой!..
 Ты начиналась от рассвета
 Июньской страшною порой.

От снов отцов непробудимых
И величавой славы их,
От глаз прощальных и любимых
На всех перронах горевых.
Ты начиналась долгожданно
И увлекала за собой,
Как лейтенант,
Срывая раны,
Ведёт солдат в неравный бой...

Была ты верой всенародной
От первой
Огненной
Черты.
Чем дальше ты уходишь в годы,
Тем всё ясней твои черты...

Все фото – из архива В.М. Сошина, двоюродного брата В.А. Богданова.

ЮБИЛЕИ

**К 80-летию со дня рождения
Вячеслава БОГДАНОВА**

**«Я работал в цехе Россия,
В синем цехе красоты и добра»**

Вячеслав Богданов заявил о себе первой книгой «Звон колосьев», вышедшей в Челябинске в 1964 году. Затем издал при жизни в Челябинске и Москве ряд книг, среди которых «Голубой костёр», «Перезвон», «Гость полей», «Светунец», «Избранная лирика». Уже первые сборники со всей очевидностью свидетельствовали о влиянии в поэтический хор Урала интересного и темпераментного голоса. Стихи молодого поэта были замечены критикой, пришлось по душе читателям. Добрую оценку первым поэтическим шагам его дал известный русский поэт Василий Фёдоров, отметивший социальную чуткость молодого автора и его яркую поэтическую одарённость.

Шестнадцатилетним юношей приехал Вячеслав в Челябинск, где закончил школу ФЗО и около двух десятков лет проработал на Челябинском металлургическом заводе. В индустриальный город он приехал из деревни Васильевка Тамбовской области, где родился. Память о родном крае, о трудном детстве военных лет и первых послевоенных годах поэт хранил в своём сердце всю жизнь, свидетельством чему многие его стихи.

У Вячеслава Богданова острее и ярче, чем у кого-либо из других уральских поэтов, прозвучал мотив неделимого родства деревни и города, неделимости, опирающейся на трудовые истоки («Но однажды в июльскую ночь разглядел я до радостной дрожи: сталеварские руки точь-в-точь, как у пахаря в трещинах тоже...»).

Это и придаёт его стихам масштабность мировосприятия, исключает тематическую ограниченность.

*Хоть живу я под уральским небом,
У огня людей мастеровых,
Но когда я прикасаюсь к хлебу,
Вспоминаю земляков своих.*

(«Родство»)

Николай КУЗИН

Николай Григорьевич Кузин (1941 - 2008) – российский критик, литературовед, публицист. Член Союза писателей России. Родился в деревне Александровка Кутузовского района Куйбышевской области, в семье фронтовика-разведчика. Окончил филологический факультет УрГУ им. А.М. Горького и Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. В течение многих лет являлся секретарём и членом правления Союза писателей России. Автор многочисленных статей, книг и стихотворных сборников, которые выходили в Москве и Екатеринбурге (Свердловске). В поле его профессиональных интересов – творчество А. Платонова, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина, В. Лихоносова, В. Богданова... Долгие годы жил и работал в Свердловске (Екатеринбурге). Похоронен в Екатеринбурге на Широко-реченском кладбище.

И всей кажущейся «гегемонии» в поэзии В. Богданова картин сельской жизни, его никак не назовёшь певцом деревни, ибо ему одинаково дороги и близки как просторы дающих стране хлеб степных полей, тревоги яблоневого сада, неукротимо радостный говор рек и ручьёв, так и упругая неподатливость железа, становящегося покорным в крепких рабочих руках человека.

*Только утро разбрезжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе Россия,
В синем цехе красы и добра*

Эти звонкие и величавые слова можно произнести, когда ты действительно преисполнен гордостью за свою Родину, «любовью к ней – не показной», а искренне выстрадавшей, по-сыновнему преданной.

Вообще надо сказать, что патриотические раздумья в поэзии В. Богданова совершенно лишены риторизма и дидактики – они органичны во всех стихах, как органичен и целостен его поэтический мир, вмещающий в себя и эмоциональную насыщенность чувств, и напряжённую порывистость размышлений, и густую метафоричность ассоциативного видения. Художнический нерв в стихах В. Богданова не задавлен книжными реминисценциями, в его обнажённой пульсации отчётливо ощущается плоть жизни подлинной, жизни, в которую автор вошёл уверенно хотя бы потому, что «по дорогам нетореным, тряским из-под рук моих песня и труд далеко уходили, как сказки...» И горделивые слова, что у него «завод – отец, деревня – мать. И чёрный труд – учитель!» – не декламационное заявление, а неотъемлемая часть биографии трудовой и биографии творческой.

Триединство, провозглашённое поэтом как магистральная основа становления его характера, проявляется в творческих исканиях В. Богданова по-крупному весомо и зримо. В стихотворении «Заводская дорога» поэт так говорит о значении в его судьбе рабочей дороги:

*Не кончаешься ты у цехов,
Под огнём своих плавок искристых,
Ты – начало судьбы и стихов,
Всех дорог моих дальних и близких.
...Если что-то случится со мной,
Вдруг в пути заплутаю немного,
Оглянусь – у меня за спиной
Свет несёт заводская дорога.*

Благодарное чувство к заводу, высказанное уроженцем деревни, как нельзя лучше характеризует тот гигантский социальный сдвиг, который происходит в нашем обществе, трансформируя психологию труженика: и для выходца из села город может стать ничуть не менее дорогим и близким, чем отчий край, если ты не просто приновился к новым условиям, а прошёл в них настоящую школу жизни.

О земле родной В. Богданов написал немало прекрасных стихов большого лирического накала («Дорога», «Стог», «У летней воды», «День встаёт и высок и размашист», «Наедине с полями», «Голубой костёр» и многие другие). Смее утверждать, что лучшие стихи В. Богданова этого цикла можно поставить в авангард отечественной лирики наших дней – рядом с поэзией Н. Рубцова,

А. Жигулина, В. Соколова. В этих стихах – глубина мысли, яркая образность, одухотворённость, точное чувство многоцветности и многомерности русского слова проявились со своей незаурядностью.

Но В. Богданов – не певец-пейзажист. Деятельному и энергичному мироощущению его чужда эстетствующая созерцательность. Он видит землю не столько дарительницей красоты, сколько труженицей, кормилицей, и потому всегда в его стихах слышится рабочее дыхание земли и людей, берегущих это дыхание («Воды», «Вдова», «Яблоня», «Засуха», «Забывтый брод», «Древняя степь» и др). И всюду – неукротимое желание помочь своей матери-земле, даже чувство огорчения и вины и даже страха в том, что он, возмужавший в заводских цехах, нечаянно оказался «ничем не причастным» к родной земле (поэма «Звено»). Но сомнения эти временные, и они рассеиваются, когда поэт обретает мудрое понимание третьей жизненной опоры – «чёрного труда» – учителя, объединяющего завод и землю в единый и непоколебимый организм бытия. И тогда рождаются зрелые и точные строки:

*Не хлебороб я – заводчанин,
Но мне деревня дорога.
Пусть на колхозных этих полях
Не сеял хлеб я, не растил,
Но знаю, плуг из нашей стали
Вот эту землю бороздил.*

И приходят те уверенно-прочные обобщения своей жизненной программы, своего предназначения, как в стихотворении «Наедине с полями»:

*Судьбой мне вверено до гроба,
По праву сердца и сельчан,
Земную славу хлеборобов
Роднить со славой заводчан!*

Здесь ключ к своеобразию поэта Вячеслава Богданова, сумевшего соединить в себе и певца индустрии, и певца полей, и одинаково горячо, взволнованно и талантливо показать нерасторжимость деревенской и рабочей жизни, слить их в единую тему народа, Родины. В «Руси» В. Богданов говорит:

*Я вглядываюсь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,
Неба,
Пуши...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.*

Историзм мышления, чёткость позиции, от года к году крепнущее мастерство, глубокое сознание важности и нужности поэтического слова народу («Добывая слово, словно – честь... чтоб его, как яблоко в ладони, в час усталый людям преподнести») – все эти качества начинали разворачиваться в полную мощь в последние годы жизни В. Богданова и обещали поэта крупного масштаба.

К 80-летию со дня рождения Вячеслава БОГДАНОВА

«Дождём умыт и пятернёй причёсан...»

Господи, обереги его слово на путях грозных!
В.В. Сорокин

Жизнь Вячеслава Богданова (1937–1975) – точно полёт кометы: яркая, завораживающая и – увьи! – недолгая. Он закончил всего четыре класса средней школы. Но не потому, что не хотел учиться – учёба в школе в послевоенные годы стала для него непозволительной роскошью. И не пролетело ещё безотцовское, полуголодное, но всё же детство, как пришлось покинуть родимый дом, чтобы, получив специальность, самому кормить овдовевшую мать. Из Тамбовской деревни отправился он на Урал, в челябинскую школу фабрично-заводского обучения. Здесь в Челябинске на металлургическом заводе проработал Вячеслав Богданов пятнадцать лет. Только спустя годы окончил он школу рабочей молодёжи. А вскоре, по рекомендации поэта Василия Фёдорова, был принят в члены Союза писателей СССР, а чуть позже – на учёбу на Высшие Литературные Курсы. Ещё через несколько лет Вячеслав Богданов трагически погиб в Москве...

Рассвет его творчества пришёлся на 60–70-е годы, когда «деревенская» тема если и не господствовала в русской литературе, то уж, во всяком случае, была одним из главных художественных мотивов. Возникнув, эта тема довольно скоро превратилась в моду, вызвав к жизни волну подражательства, результатом чего стало появление авторов, не знающих народной жизни (а может, не любящих её в должной мере, чтобы писать о ней?), но, однако же, хватающихся за перо и охотно создающих псевдодеревенские идиллии или пасторали. Вячеслав Богданов принадлежит плеяде художников, чей творческий гений заставил городскую Россию вспомнить о России деревенской.

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота».

Живёт в Сергиевом Посаде.

И не просто вспомнить, но учиться воспринимать её без высокомерия, учиться болеть её болью и радоваться её радостью. Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Вячеслав Богданов – такие разные и непохожие в частностях художники, похожи и близки в главном – в ведении, в безупречно-точном восприятии писательским чутьём настоящей, подлинной России, её народа, её правды, её тревог и чаяний.

Мы говорим о любви русских поэтов к России не потому, что любовь эта есть благо, долг гражданина и державные скрепы. Но потому, что всякое подлинное искусство только тогда подлинно, живо и сильно, когда оно национально, то есть образно и формально связано с традицией народа, породившего художника. Так, человек может свободно расправить плечи и многое объяснить в самом себе, когда знает, кто он, какой народ его породил, каким наделил характером, как научил смотреть на мир, воспринимать вещное и живое.

Вячеслав Богданов не стремился к новаторству. Как всякий большой поэт он понимал, что нарочитый поиск новых форм – это удел бездарности, силиющейся выделиться среди себе подобных. Произведение же истинного таланта обречено на самобытность. В руках мастера оно либо само каким-то чудесным непосредственным образом примет новые, небывалые формы, либо, сохранив привычные внешние очертания, осветится гением творца и, заиграв, окажется непохожим ни на что, бывшее прежде. Художественно близок Вячеслав Богданов предшествующему поколению «деревенщиков» (назовём так вышедших из народа поэтов, чьё творчество – не в силу модных тенденций, а в силу причастности, предопределённой рождением – было крепко связано с народной жизнью). Это, прежде всего, Сергей Есенин и Сергей Клычков. Близок их стихам стих Вячеслава Богданова и метрически:

*Не видать за туманною далью,
Что там будет со мной впереди,
Что там... счастье, иль веет печалью,
Или отдых для бедной груди...*

(С. Есенин, «Не видать за туманною далью...»)

*Ржавый берег травой окутан,
Были – не были чьи-то следы.
Я не знаю, он взялся откуда,
Этот камень у чёрной воды.*

(В. Богданов, «Камень»)

*Там над садом луна величавая,
Низко свесившись, смотрится в пруд, –
Где бубенчики жёлтые плавают
И в осоке русалки живут...*

(С. Клычков, «На чужбине далёко от родины...»)

*Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутся травы от росных колец,
Новый месяц обрामился чётко, –
Наполняйся огнём, светунец!*

(В. Богданов, «Светунец»)

и образно: «Месяц синим рогом / Тучи прободил...», «Золотую лягушкой луна / Распласталась на тихой воде...», «Тихо в чаще можжевеля по обрыву. / Осень – рыжая кобыла – чешет гриву...» (С. Есенин); «Лишь вдали на скале, как рыбак / Наклонился над озером месяцу...», «Ой ты, осень, золотая быль! / Вышел месяц, сгорбился, бобыль. / Он глядится старчески в реку, опершись на жёлтую клюку...», «О зелёный пламень сосняка / Чешут клёны рыжие бока...» (В. Богданов); «Я окрепну и духом, и речью / За трудом и за чёрным куском...» (С. Клычков); «Отмахнешь кувалдой пудовой, / Будет легче казаться перо...» (В. Богданов).

Любовь к родной природе, одушевление её и стремление к слиянию с ней роднит Вячеслава Богданова и с более ранними певцами природы – Ф.И. Тютчевым и А.А. Фетом. «Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле», – писал Ф.И. Тютчев. Это утверждение применимо и к творчеству Вячеслава Богданова, создавшего своими стихами картину настоящей «неряженной русской жизни». Его герой – крестьянин ли «большелобый, плечистый», рабочий «чуть сутуловатый, в грубой куртке», или старушка-мать, что одиноко доживает свой век в опустевшем доме и тоску «... лечит крепким чаем / И на заре уходит в огород» – это всегда человек из народа, наблюдения за которым почерпнуты не из газет и не из кино. Поэт, с честью отвечая на все вызовы судьбы, любовно слагал в сердце своём образы народного духа, чтобы однажды щедро рассыпать их перед читателем. И образы эти, вышедшие из сердца поэта, нашли путь к сердцу читателя и прочно укоренились в нём. Читателю сразу полюбились и мальчик, ищущий ночью отбившуюся от стада корову, и красавица-вдова, притягивающая к себе мужские взгляды, но сама после войны так и не взглянувшая ни на кого, и Петька «каменищик с пятой печи», днём вдыхающий мартеновский жар, а вечером с кровати в общежитии внимающий стихам приятеля-поэта, такого же рабочего парня. И точно следуя наставлениям Петьки, утверждавшего, что «В кладке каждый кирпич под нагрузкой, / Так и слово должно быть в стихах...», Вячеслав Богданов предельно точен в слове. Слово всегда стоит у него на своём месте, и едва ли отыщется неоправданная, натянутая рифма, разбивающая смысл и атмосферу стиха. Даже в «заводских» стихах, где «недаром» рифмуется со «сталевара», «поморщась» с «нормировщик», а «тропы» с «тикстропы», все рифмы и созвучия служат единой смысловой цели – создать атмосферу цеха, словом и образом передать жар печей, грохот, звон и скрежет металла, смежающую веки усталость в конце рабочего дня и сладость отдыха. И всё это без фальши, без литературщины, без эстетизации потных тел и грязных рук. Нет никакой позы, никакой фальши ни в чём. Всё просто, изящно, мужественно-красиво.

Человек самого простого происхождения и нелёгкой судьбы, Вячеслав Богданов всегда благороден, великодушен и изыскан. Мы не встретим в его стихах ни резкого слова, ни грубого суждения, ни мелочной мстительности, ни отталкивающего злопамятства, ни унижающей самого человека зависти к тем, кого судьба избрала в любимчики. Лишь однажды его юный герой-работяга позавидовал таким же, как и сам, мальчишкам, бегущим с уроков:

*Пахло терпко от вешней земли.
По проспекту ватагой весёлой
Мне навстречу ровесники шли
Из манящей до слёз меня школы.*

*Хоть и знал я – они ни при чём,
Взглядом смерив по-взрослому строго,
Задевал их мазутным плечом: –
Дай рабочему классу дорогу...*

(«Начало биографии»)

И, возможно, оттого, что наделён был поэт внутренней утончённостью и мудростью, чуткостью и к окружающим его людям, и к слову предков, запечатлённому в песнях и преданиях, застывшему в камне церковей и очертаниях изб, его герои зачастую так похожи на героев народных сказок. Потерялась кормилица Бурёнка («Корова»). Где искать её? Ночь застаёт мальчишку за поиском:

*Тьма легла в репейные низины
К берегам речной зелёной тины.*

А ночью страшно. Ночью мерещится кругом разная нечисть, что так и норовит уловить, обмануть, погубить. Нет кругом ни души. Только лягушки квакают, да «в небе звёзды вышли, как подружки». У кого просить помощи маленькому человеку, растерявшемуся, сбившемуся с пути?

*Тороплюсь, промокший, суетливый,
За корову принимаю иву.*

Как персонажи русских сказок обращались за помощью к печке, яблоне, месяцу, ветру, обращается он с вопросом к звёздам:

*Звёзды, звёзды, окажите милость,
Где Бурёнка наша притаилась?*

И сжалились звёзды:

*Вдруг звезда на небе замигала
И в овраг за вёслами упала.
Вылезла Бурёнка из оврага,
Вся в репьях рогатая бедняга.*

А когда привёл наконец-то Бурёнку домой, то «за помощь поклонился звёздам».

Так чисто и непосредственно переданы ощущения мальчика, его восприятие ночи, что мы невольно заражаемся этим волшебным чувством слияния человека с окружающим миром, и хочется, сбросив с себя груз сует, носиться над землёй, упиваться свежестью ночи, захлёбываться её запахами, слушать пение лягушек и разговоры звёзд, гладить рогатую иву и похлопывать кнутом росистый вечер...

Воспоминания о бесхлебном, безотцовском детстве не пробуждают в поэте мрачного озлобления или малодушной жалости к самому себе. Поэт полон светлых, хотя порой и грустных воспоминаний о том, как

*...тайком, не веря извещению,
Ходил встречать на станцию отца,
Но все надежды были лишь затменьё,
И прояснилась правда до конца...*

(«О матери»),

как рано вышел работать в поле и работал наравне со взрослыми, а

...сено снизу подавала
Тридцатилетняя вдова.

(«Возы»).

О том, как «всей семьёю попеременно» мололи на ручной мельнице зёрна ржи, принесённые домой украдкой в карманах, и как после мать месила тесто, чтобы накормить детей испечённым караваем. И всё бы забылось, всё истёрлось бы из памяти, но однажды, спустя годы, приехав в деревню, герой стихотворения «Помол» (а нам представляется, что в этом стихотворении, как и в целом ряде других, за лирическим героем стоит сам автор)

...от мельницы домашней
Нашёл в бурьяне жернова.

Многое изменилось, стал русобровый деревенский мальчишка сталеваром-заводчанином и только в отпуск приезжает на родную землю. Но

... Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...

(«Древняя степь»).

Всё перегорает и отмирает, уверяет нас поэт. Проходит беспечность молодости, ей на смену приходят раздумья – «жизни груз». Но остаётся с русским человеком Русь – «нагруженные синью ковыли», «запах мёда от цветущих лип», «берёз зелёных хмель»... Навсегда остаётся, даёт ему силы, наделяет смыслом каждый прожитый день.

Значительная часть творчества Вячеслава Богданова посвящена теме единства, нераздельной слиянности русского человека с его землёй. Сегодня, забытый было в вихре суеты и погони за тленным, поэт возвращается к нам. «Возвращается, – по слову его друга и замечательного поэта В.В. Сорокина, – светлый, русский, добрый и неповторимый, как его отчий край, как его Россия, родина наша, зовущая и лебединая». И вслед за Валентином Сорокиным хочется воскликнуть: «Господи, обереги его слово на путях грозных!!! Сбереги и дай простора ему»...

ПАМЯТЬ

Инна МУХИНА

Страсти по охоте

Дочь охотника

*Мой отец исходил весь Уральский хребет.
Мне достался в наследство его патронташ
И охотничий нож, что служил много лет,
Да любовь к тем местам – самый ценный багаж.*

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель СССР, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение» (М., 2008), «Энергия речи» (в сборнике «Пятилирник» М., 2009), «На островах времени» (М., 2011). Победитель ряда литературных конкурсов, лауреат народной Литературной Премии имени Л. Кубасова, Литературной Премии имени А.С. Грибоедова. Награждена Золотой Есенинской медалью и Дипломом имени Н.С. Гумилёва, орденом В.В. Маяковского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

По распадам с бочагами
талой воды.

Изыскатели шли,
Утопали следы.
От руды тяжелей
Становился рюкзак,
Но он был им нужнее,
Чем спирт и табак.
И не жалко ни сил,
Ни простуженных снов,
(Он нашёл, что просил
У таёжных богов).
Железняк, манганит
Малахит и слюда –
Будут здесь рудники,
А потом города.
Будут плавить металл,
Будут лить и ковать.
А пока не устал,
Нужно дальше искать.
Может быть, потому
Меня манит Урал,
Что отец мой в наследство
Его завещал.
Слышу звоны тайги
Сквозь потоки времён.
В перекрестьях судьбы
Явь моя и мой сон.

Отец – Юрий Владимирович Мухин – геолог, изыскатель, доктор геолого-минералогических наук был страстным охотником волей божьей.

Дед его Герасим Васильевич очень любил охоту и много времени ей уделял, благо смоленские леса были его вотчиной. Видимо, поэтому интерес к охоте проявился у маленького Юры в раннем детстве. Ведь охота – это «врождённая склонность». Говорят, что охотничья страсть – это и огромное удовольствие и суровая любовь, единение с миром природы (а натура здесь не играет первые роли).

В день рождения, когда Юре исполнилось семь лет, видя его интерес к охоте, его отец Владимир Герасимович, служивший в это время главным инженером Криворожского железорудного и Никопольского марганцевого бассейнов, позвал сына в кабинет и вручил ему небольшое детское ружьё «Монтекристо», которое он специально выписал из Бельгии. Из этого ружья мож-

но было стрелять и дробью, и пулей. Восторгу не было конца, когда отец и сын вышли в дикую часть сада, а жили они в то время на Александровском руднике в местечке Сухая балка, и стали стрелять по мишени. С тех самых пор и начались в семье страсти по стрельбе и охоте. Наверное, это действительно наследственное: также и моя любовь к Уралу, и моя профессия – металлостроение и металлургия, и связанные с ней более 25 командировок независимо от погоды на Урал: в Нижний Тагил. Киров, Пермь и Прикамье: Березники, Соликамск, Чердынь, Кунгур.

Но Владимир Герасимович предупредил сына, что стрелять он сможет только в его (отца) присутствии. Самостоятельно будет разрешено стрелять, когда исполнится ему восемь лет и при условии хорошего отношения к учёбе. На скошенных полях и на дне глубокого оврага Сухой балки Юра научился стрелять в цель и добыл свою первую дичь. Уходя на работу, отец давал Юре только один дробовой патрон, чтобы тот мог подстрелить какую-нибудь хищную птицу: ястреба, ворона или сорокопуга. Если трофей был добыт, Юра получал ещё один патрон, чтобы побродить после обеда с ружьём. Голод был жуткий (1920 годы!), и Юра, уже повзрослев, как мог помогал семье своими трофеями. Несовершеннолетнего его брали на облавы, организованные местным обществом охотников. Так постепенно и он становился охотником, охотился уже подальше от дома – в плавнях. Стрелял только в сидячую дичь и только на «верный выстрел». В сезон охоты приносил домой диких уток, курочек, куличков и других съедобных птиц. Это было хорошим подспорьем,

Юрий Владимирович Мухин – геолог, изыскатель, доктор геолого-минералогических наук

т.к. пайка Владимира Герасимовича на всех домочадцев не хватало. У сверстников Юры уже были двуствольные отцовские ружья, на охоте часто бывает нужен второй выстрел, а значит и второй ствол. Приходя с охоты, Юра с сожалением рассказывал о таких случаях, и отец всё понял. Как-то приехав из командировки, он привёз Юре настоящее двуствольное ружьё со стволами из дамасской стали в хорошем состоянии, а к нему патронташ с 24 медными гильзами и машинку для зарядки патронов. Ружьё обладало отличным боем. Радости Юры не было границ, и он не знал, как отблагодарить горячо любимого отца. Старался учиться как можно лучше, помогал по хозяйству и только после того как выполнял все свои обязанности, отправлялся на охоту. Постепенно отец приучил Юру к горному делу, показывал, как залегает руда, водил с собой в забой и лабораторию, где делали химические анализы руды. Так возникло у Юрия желание стать горным инженером, как отец, несмотря на затопление шахты и разрушения после гражданской войны. Все его стремления сформировались в детстве под влиянием отца.

Охота была для моего отца вторым, а может быть, и первым главным занятием в жизни. Всё свободное от работы и науки время он посвящал своему страстному увлечению, стремился всегда в лес или на озеро. «Охота – это особенный дар Божий, это талант» – говорит охотник и писатель М.П. Вавилов. «Охота – утешитель вечно юный и живой» – писал страстный охотник русский писатель С.Т. Аксаков. «Охотничьи чувства – радость жизни и поэзия, свойственная охотникам» (М.М. Пришвин). Если удавалось отойти на 2-3 дня от повседневных забот и стресса, связанного с работой в непростое время конфликтных ситуаций, охота всегда обеспечивала Юрию Владимировичу заряд бодрости.

Отец умел читать лесную книгу. Он знал следы и повадки зверей и птиц, хорошо ориентировался в лесных угодьях. Мать-Природа до конца дней манила его, и он передал эту любовь мне. Если бы я была мальчиком, то научил бы меткому выстрелу, преодолению усталости от походов в лесу, горах, тайге. Он говорил мне, что в критической ситуации нужно вести себя так же осторожно как ведут себя звери. Нарядные куклы мало привлекали меня, да их у меня и не было. Маленький тряпчатый зайчик и медвежонок были моими друзьями. Но зато я с большим удовольствием играла с подсадными утками. Их было много: чирок, кряква, селезень. Я их водила на верёвке по дому, пускала плавать в ручей как водоплавающую дичь. При этом манок издавал настоящее «Кря-кря». Отец много времени, несмотря на занятость, проводил со мной. Он знал всё и обо всём. Учил меня плавать и стрелять. Летом я с нетерпением ждала его с работы, чтобы на велосипедах ехать на озеро купаться. Часто мы играли в охотников – индейцев. Посреди комнаты раскладывались шкуры косуль (диких коз), добытых отцом, делался шалашик, это называлось «вигвам», вокруг которого мы скакали и прыгали, охотясь друг на друга, убегая и прячась. Я, конечно, была в восторге. Зимой у нас были другие занятия. Отец был не только охотник и геолог, но и мастер спорта по стрельбе. На охотничий стенд я тоже с ним часто ездила. Стрелок кричал «Дай!», и в этот момент выбрасывались небольшие чёрные тарелочки. В них нужно было попасть в лёт, как в летящую птицу. Такие же тарелочки висели у отца в кабинете дома, прикрепленные к потолку, и мы с ним лупили по ним из духового ружья, а также по разным карточным мишеням. Кабинет запирался изнутри, чтобы никто ненароком не попал под выстрел. Мне нравилось заряжать патроны, когда отец готовился к открытию охоты. Позже, когда я подросла, отец

брал меня на тягу в лес – стрелять бекасов и вальдшнепов. Иногда, когда позволяли условия, он брал с собой маму, она собирала грибы и готовила дичь, я помогала ей ощипывать уток. Вообще тетеревов, рябчиков, уток, дупелей и даже зайцев она готовила мастерски всю жизнь, ведь муж охотник. Они прожили вместе 44 года.

Отец всегда был лёгок на подъём. Открытие охоты на дичь приходилось на начало августа, и это было святое дело. Валдайские, Костромские, Вологодские, Переславль-Залесские, Ярославские угодья, Плещеево озеро, Ока и Клязьма – те места, где он охотился. Возвращался он обвешенный зайцами, утками, тетеревами и дичью помельче: бекасами, дупелями, вальдшнепами невероятно вкусными. Всё это великолепие мы с мамой садились ощипывать, опаливать и готовить особым образом.

Рассказывали, что когда отец работал в шахтах Забайкалья, а позднее на Урале, его увлечение охотой спасло семью от голода. Скитаясь сутками по тайге, он приносил косуль, зайцев, горных коз, шатаясь от усталости и голода, но страшно довольный своей добычей. У меня даже была детская шубка – малица из шкуры косули и заячьей шапка. Помню, как я играла с замороженным зайцем, одевала его в своё платьице, усаживала на свой стульчик, не понимая (о ужас!), что это охотничий трофей, а не игрушка. Потом у меня этого зайчика отбирали, а мне давали играть только хвостик, белый меховой. Зайчатину готовили и говорили, что очень вкусно. Я зайцев никогда не ела принципиально, хотя их перебивало множество, считала их своими друзьями.

Ниже публикуются стихи и охотничьи рассказы моего отца Мухина Юрия Владимировича под моей редакцией.

На тетеревином току Лесная былль

Рассвет сереет. Чутко дышит
Весенний тёплый ветерок.
Он ели тонкие кольшет,
Алеет радужно восток.

И яркий тетерев мохнатый
К турниру брачному готов,
Зовёт соперников крылатых.
Пришла весенняя любовь.

И на заветную поляну слетелись.
Всё им нипочём!
Пронзить соперника когтём,
Ударить клювом и крылом.
Зачем? А дело здесь в другом.

Тот бой спокойно наблюдали
Тетёрки серые – они
Здесь самых сильных выбирали.
Но чтоб вмешаться – нет. Ни-ни!

Они на рыцарский турнир
Слетелись, чтобы развлекаться,
Ну и, конечно, разобраться,
Кого позвать к себе на пир.

Вот этот самый дерзкий в стае,
Неотразимый. Очень мил!
И он весенний бой бросает
И вместе с нею улетает
Подальше от бойцовских крыл.

На зорьке Утиные страсти

Заря алеет, занимаясь,
И меркнет жёлтый лик луны.
Вот кряква серая взлетает,
Её манит разлив весны.

Она летит над водной гладью.
Здесь камыши, здесь бережок.
А там, за этой длинной падью,
В низине тянется лужок.

И ей придётся терпеливо
Построить свой утиный дом.
Светлеет зеркало залива,
Утятя будут плавать в нём.

Красавец селезень зелёный
По зову сердца. Да, весна!
Взмывает ввысь, глядит влюблённо,
Он ищет, где сидит Она.

Тревожен путь его опасный,
Охотник выстрелом грозит –
Чуть зазеваешься, и баста!
Ты будешь ранен, иль убит.

Но тихо всё вокруг, спокойно,
И он пускает позывной:
«Жвьяк-жвьяк. Моя любовь достойна.
Лечу к тебе. Жвьяк-жвьяк, я твой».

Ответ её его тревожит:
«Лети ко мне. Лети ко мне».
В пике он входит, крылья сложит,
Садится рядом на волне.

Забайкальские рассказы

На звериной тропе

Вечерело. С топографом вдвоём мы спускались по небольшой пологой пади вниз, где нас ждали проводник и лошади. У меня за плечами болтался зауэровский «Ястреб», мой неразлучный спутник, побывавший со мной в Кольской тундре, дебрях Урала, в степях Казахстана, а теперь вот в Забайкалье. У моего напарника была ижевская одностволка. Оба мы, московские охотники, попали в тайгу впервые и не знали неписаных законов тайги в том, что хотя бы в одном стволе ружья, а лучше в обоих, нужно иметь картечь вместо патронов с мелкой дробью. Целью наших изысканий было водоснабжение одного из предприятий, выросших в тайге. Задача была не из лёгких, но мы её уже почти решили, найдя природный источник, по местному – ключ. Топограф делал наброски, а я немного поотстал, но вдруг краем глаза увидел трёх косуль (диких коз), мчавшихся прямо на нас, не разбирая дороги. Инстинктивно я вскинул свой Зауэр, но, вспомнив о патроне с мелкой дробью, с досадой опустил ружьё. Пока я менял патроны, косули уже были вне выстрела и редкая добыча была упущена. Но мы всё равно были довольны тем, что нам удалось увидеть настоящих косуль в природной обстановке.

Прошёл почти год, проведённый в этих суровых, своеобразных, красивых местах. Теперь, медленно идя по тайге, я разбираю следы: вот паслись косули, вот пробежал заяц, вот прыгала белка, вот тропа – переход косуль из одного урочища в другое.

Охота на дикую козу очень трудная. Нужно знать все излюбленные места и все повадки животного. Косули обладают очень острым слухом, хорошим зрением и тонким обонянием. Подойти к косуле на лёжке или во время кормёжки на дробовой выстрел практически невозможно, она уходит раньше, чем её можно увидеть. Поэтому только на тропах, по которым они ходят на водопой или солонцы, охота может быть успешной. Но троп в тайге великое множество, и какая из них может быть главной, толком никто не знал. Однако был охотник, который редко возвращался из тайги без добычи. Это был начальник изыскательской партии Василий Чумаков, который работал в этих местах не один год. На все вопросы местных охотников, где он добыл зверя, он только улыбался, отвечая: «Там, в тайге». И это интриговало ещё больше. Как же прочесть книгу тайги, чтобы она открыла свою тайну?

Однажды я сидел на солонце в карауле и ждал косуль. Река здесь делала крутой поворот, почти под прямым углом прижимаясь к сопкам и прорезая базальт узким глубоким каньоном. Вдруг вдалеке прогремел выстрел. Стрелять, собственно, было некому. Охотников в посёлке было мало, все мы знали друг друга и охотились в одиночку. Было известно, кто куда пошёл, чтобы не мешать и не нарваться на чужой выстрел. Я насторожился – значит, стрелял кто-то чужой. Тайга говорит, что всякий в ней находящийся должен вести себя строго, знать и понимать окружающую обстановку, чтобы не получить ненароком или, наоборот, специально выстрел в спину. В этих глухих местах бывало всякое. Я не заметил никаких следов неизвестного человека, но если бы он оказался на моём пути, не знал, каковы его намерения и как можно общаться с ним: как с другом или с врагом. Я поднялся с солонца и пошёл домой, чтобы не подвергать себя неизвестной опасности. На следующий день выяснилось, что приезжал Чумаков, он спрыгнул с машины за перевалом и ушёл в тайгу. Вернулся он очень поздно расстроенный и даже злой. Рано утром он уехал и поэтому узнать, что случилось, не удалось.

По узкой крутой звериной тропке, пролегающей в начале каньона к воде, я поднялся на базальтовую террасу, где был солонец, на котором я услышал чей-то вчерашний выстрел. Медленно пробирался я вдоль каньона, предвзительно пробуя ногой устойчивость отдельных камней. Валежник и бурелом свешивались над самым обрывом и сильно затрудняли передвижение. Собака следовала за мной. Внизу бурлил стремительный поток, омывая чёрные глыбы базальта, свалившиеся в русло. Вид каньона был загадочен. Чёрные столбы базальта образовывали почти отвесную вертикальную стену. Между столбами были широкие трещины, из которых близ русла реки вытекала чистая прозрачная вода. Кое-где виднелись причудливые каменные фигуры, их чёрный цвет придавал каньону мрачный облик. У местных это место пользовалось дурной славой. Эта мрачность отразилась и на мне, и на собаке. Собака жалась к моим ногам и, видимо, не собиралась идти в поиск. Так мы прошли, вернее, проползли километра полтора, когда близ обрыва появилась хорошо натоптанная звериная тропа. На ней были видны свежие следы косули. Тропа уходила к главному перевалу. Здесь базальтовое плато кончилось, и река, вырвавшись из каньона, стала петлять по долине, образуя излучины и заводи. Тропа спускалась к реке, это и был звериный брод и водопой.

Повсюду были видны следы косуль и диких кабанов, на поваленных деревьях – клочья шерсти. Было ясно, что это и есть главная звериная тропа, в которую вливалось множество мелких троп. Наконец-то я её нашел! Звери выбрали её как самую крутую и безопасную. Вдруг, наклонившись, я увидел бумажную гильзу с блестящей латунной шляпкой. Как попала она сюда? Все местные охотники стреляли латунными гильзами. Бумажные были только у меня, я их берёг для дальних выстрелов, заряжая дальнобойными зарядами, и был практически монополистом. Калибр гильзы соответствовал калибру моего Зауэра. Сомнений не было, это была моя гильза! Но я здесь никогда не был, я не знал этой тропы. Как попала она сюда? И вдруг я вспомнил – некоторое время назад я дал Чумакову десять бумажных гильз, привезённых мною из Москвы. Так вот оно что! Вот кто стрелял вчера, когда я кормил комаров на солонце. Это был он – Чумаков. И это была его заветная скрытая, магистральная тропа, по которой происходит движение зверей со всей округи! Я посмотрел, как он здесь охотился. Да, вот примятая трава, но что это – кровь? Растерзанная косуля, а в стороне от неё огромный волк с зияющей раной в боку. Передо мной была лесная трагедия. Чумаков хотел на этой тропе встретить косулю, но это была не его добыча. Очевидно, стая волков во главе с вожакom преследовали жертву. Охотник появился, когда они уже рвали её на куски. Темнело, и он не сразу оценил обстановку. Он был без собаки, которая, конечно, почуяла бы неладное. Волк, услышав чужака, бросился на него первым, защищая добычу. Оскал его был страшен и, если бы не мгновенная реакция охотника и выстрел, зверь разорвал бы его. Вот почему Чумаков вернулся в посёлок расстроенным, он даже не взял никакого трофея, оставил всё как есть и ушёл. И я поступил так же, накормил собаку, и мы ушли. Ведь волки могли в любую минуту вернуться за добычей, это была их тропа.

Сибирская лайка

«Волк» – чистокровная сибирская лайка – он обладает от природы прекрасным чутьём, незаурядной смекалкой и врождённой страстью к охоте. Его первый хозяин и воспитатель уехал из Забайкалья, бросив собаку на произвол судьбы, не сказав никому о его талантах, так как местные охотники не только не охотились с ним, но старались от него отделаться, если он шёл за ними заросшими и одному ему ведомыми тропками в тайге. Мало-помалу он превращался в бродячую собаку, не имеющую хозяина. Но страсть к охоте брала своё, и он ходил на охоту украдкой, следуя за охотниками на приличном расстоянии, чтобы его не заметили.

Как-то раз с одним из старожилков у нас зашёл разговор об охотничьих собаках, и он упомянул о Волке как о замечательной, но, к сожалению, погибшей для охоты собаке, с которой уехавший хозяин стрелял много всякой дичи и косуль. Меня это заинтересовало и, обладая некоторым опытом дрессировки легавых собак, я решил попробовать поохотиться с Волком. В один из свободных весенних вечеров я, собираясь в тайгу, кликнул лежавшую на соседнем дворе и гревшую на солнце собаку. Она охотно пошла за мной.

Я бродил по тайге, не обращая внимания на собаку, а она то появлялась, то исчезала где-то в таёжных зарослях. Присев на поваленное дерево, я закурил,

услышав песню глухаря. Вдруг я услышал цокот копыт, недоумевая, кто бы это мог быть. Неожиданно я увидел косулю, несущуюся мимо огромными прыжками. Она пронеслась от меня шагах в ста и скрылась в зарослях. Минут через пять появился Волк, бегущий прыжками по следу косули. Увидев меня, он сделал полукруг и скрылся. Через несколько минут снова раздался цокот копыт и появилась косуля, но в лесу уже стемнело и серый силуэт слился с фоном тайги.

На следующий день я снова взял Волка и пошёл на то же место. Собака, всё время следовавшая за мной, взглянула на меня и исчезла. Прошло полчаса, а может быть и больше. Я сидел и курил, вдруг до меня донёлся знакомый цокот копыт. Прямо на меня бежал самец косули, по местному гуран, с молодыми, покрытыми бархатистой шерстью рогами.

Раздумывать было некогда, я выстрелил на вскидку, но зверь продолжал бежать, после второго прицельного выстрела он свалился. Я бросился к нему, на ходу перезаряжая ружьё, но меня опередил Волк, это он выследил гурана и направил его на меня. Охота была закончена, мы отправились домой, собака не отходила от меня ни на шаг, следуя буквально по пятам. Так состоялось наше первое охотничье знакомство.

В следующий раз я взял Волка с собой на озеро. Мы пришли рано – ещё было темно. Я сел в приготовленную заранее засадку, предоставив собаку самой себе. Она устроилась рядом и сидела неподвижно. Стало светать. Всё моё внимание было поглощено утренней зарёй, но в пределах выстрела не было ни одного селезня. Когда рассвело, я увидел около противоположного берега озера стаю плавающих уток. Вдруг утки забеспокоились и полетели в мою сторону. Причиной была собака, бегающая с лаем по берегу. Два выстрела оставили лежать нескольких уток на глади озера. Собака очутилась там же и вынесла добытую дичь на берег, затем она стряхнула с себя воду и уселась около меня неподвижно. С новой стаей уток повторилось то же самое. Наша добыча увеличилась ещё на два селезня.

Не переставая удивляться работе собаки, я рассказал об этом жене. Было решено, что Волк будет жить у нас, и он стал моим незаменимым спутником и другом. В тайге нагонял на меня косуль, находил белок, рябчиков, тетеревов и глухарей, загонял на дерево рысь и извещал хозяина о своих находках коротким отрывистым лаем. Незаменимый спутник в моих скитаниях по тайге и добыче еды для семьи он оберегал меня во время сна на охоте, на которую я отправлялся часто после 2-3 суток работы в шахте.

Закон жизни

(Мать)

Начинался жаркий сентябрьский день. Косуля-мать была очень озабочена – после утренней кормёжки надо было подыскать тихое спокойное место для дневного отдыха. Она водила за собой двух козлят, а время как раз было такое, что укрыться было трудно: по лесу ходили двуногие звери-охотники, которые кричали и что-то собирали. В зарослях рыскали гураны (самец косули преследует самку во время гона, в сентябре), не дававшие косулям покоя, но самыми опасными были, конечно, двуногие, они подстерегали косуль повсюду, и их надо было избегать.

Наконец косуля выбрала место в небольшой берёзовой роще, расположенной в узком распадке, спускающемся в долину речки. Здесь было нежарко, тихо, и опасность можно было заметить и ускользнуть от неё или вверх на перевал, или вниз, в долину реки. Козлята улеглись, а мать осталась настороже. Но отдыхать пришлось недолго. Вскоре до её слуха донёсся лёгкий шорох, и затем она увидела чёрного зверя, похожего на волка, который спускался с хребта вниз. Надо было уходить, и косуля, дав сигнал козлятам следовать за ней, быстро спустилась в узкую долину речки. Здесь она рассчитывала, пройдя немного вверх по долине, подняться на противоположный берег и перелесками уйти в укромное место, но впереди в долине стали слышаться шум и голоса – это охотники – путь впереди был закрыт.

Положение становилось безвыходным: сзади чёрный зверь, впереди охотники, слева крутой отвесный обрыв речного каньона. Оставался свободен лишь один путь – вправо к воде. Опытная косуля понимала это очень хорошо. Конечно, если бы она была одна, ей бы ничего не стоило обмануть, провести всех противников и уйти от опасности, но теперь дело шло о спасении её неопытных детёнышей. Их надо было спасти во что бы то ни стало – это высший закон, закон жизни. И мать подала сигнал – козлята попрятались в кусты, а сама она вышла на открытое место и остановилась, отвлекая на себя опасность.

Козлята улеглись, а мать осталась настороже. Острая боль и сильный удар в предплечье – косуля упала и мутнеющим взглядом увидела, как её дети выскакивают из кустов и убегают.

Охотник остался доволен, он накормит потрохами своего помощника – верную собаку, принесёт добычу домой и ему будет чем кормить своих детей.

Мёртвая петля

В конце февраля солнце начало пригревать по-весеннему, и снег на убурах (южные склоны, лишённые древесной растительности) сошёл, обнажив прошлогоднюю сухую траву. Гуран возвращался с утренней кормёжки. Он плотно на убуре набил свой желудок сухой травой и теперь искал место для отдыха.

Продолжая соблюдать осторожность, к которой его приучил жизненный опыт, он всё время втягивал широко раскрытыми ноздрями воздух и прислушивался. Место для лёжки он выбрал в зарослях из молодых лиственниц близ верхнего перегиба склона таким образом, чтобы иметь хорошую видимость вокруг лёжки, оставаясь в то же время самому скрытым мелкими зарослями. В случае опасности гуран мог бы сбежать вниз по склону, или скрыться за перегибом местности на противоположной стороне.

Сделав ложную лёжку и полукруг вокруг неё, он разрыл снег и прошлогодние листья, улёгся и стал дремать с открытыми глазами, одновременно насторожив уши. В полудремоте он вспоминал события прошедшей суровой зимы и радовался, что это голодное, холодное и опасное время уже миновало. Он был уже немолод и хорошо знал, как трудно зимой добывать пищу.

Кроме волков, этих страшных серых зверей, он знал также и другого страшного «зверя», который ходит на двух ногах и носит с собой блестящую

чёрную палку, изрыгающую гром и причиняющую сильную боль. Это охотник, он очень опасен и от него надо всегда уходить как можно скорее. Гуран хорошо знал и сильный запах охотника.

Охотник ставит на тропах круглые прутья, очень опасные прутья, пахнущие железом, которые схватывают за шею, если их неосторожно задеть головой и не обойти стороной. Чтобы вырваться из железного плена, надо сейчас же чуть-чуть податься назад и, тихонько помотав головой, освободить её. Лучше всего, конечно, по тропам ходить осторожно, обходя все подозрительные предметы с чужими враждебными запахами.

Ещё есть один опасный зверь, похожий на кошку, который прыгает с дерева прямо на спину или бесшумно подкрадывается к лёжке – рысь. Так перебирал козёл в уме накопленный опыт, в то время как тело его отдыхало.

Он вспомнил о прошлогодней битве во время гона с двумя молодыми соперниками, которых удалось оттеснить из своих владений и так проучить, что вероятно они больше не осмелятся сунуть свой нос в его лес.

Вдруг его слух уловил лёгкий шорох. Зверь бежал с подветренной стороны и был, по-видимому, довольно близко. Вероятно, это молодой, глупый, подумал гуран, ну что он один может сделать мне теперь, когда зима уже прошла – только зря беспокоит – однако на всякий случай приготовился к прыжку.

Вскоре вдали показался и зверь, но был он не серый, а чёрный, с острыми ушами, длинным хвостом и белой мордой. Он бежал быстро, прыжками, рядом со следом, которым пришёл гуран сюда, на лёжку. Надо уходить – подумал гуран и, сделав большой прыжок в сторону противоположную бегущему зверю, мелкой рысцой обогнул сопку и направился к густым зарослям. У края зарослей он остановился, понюхал воздух и прислушался – зверь следовал за ним.

Тогда он большими прыжками бросился в заросли. Он был уже в зарослях и считал себя в безопасности, когда вдруг порыв встречного ветра донёс до его широко раскрытых ноздрей знакомый сильный запах двуногого охотника, находившегося где-то недалеко впереди.

Положение ухудшалось: сзади бежал по следу чёрный зверь, впереди – двуногий, справа – открытое место – и козёл круто повернул налево, к знакомой тропе, ведущей на сопку. Сердце его тревожно забило, он занервничал – это было похоже на окружение. Выскочив на тропу, он стремглав понёсся по ней большими прыжками, чтобы поскорей уйти от угрожающей опасности.

Но на бегу он не обратил внимания, что по обеим сторонам знакомой тропы выросли маленькие ёлочки, оставляя лишь узкий проход между ветвями. Внезапно он почувствовал сильный толчок с острой болью около ключиц и понял, что попал в ловушку, пахнущую железом.

Моментально он отпрыгнул назад, намереваясь освободиться. На середине прыжка он снова почувствовал резкий толчок, одновременно что-то сдавило ему горло, и силы начали покидать его.

В это время чёрный зверь подбежал к обессиленному гурану, прокусил ему горло и улёгся рядом с уже безжизненным телом. Собака поджидала своего хозяина.

Дружба

Стояла холодная декабрьская ночь. Мороз достигал 60-ти градусов по Цельсию. От холода над долиной навис белый густой туман, сквозь который едва просвечивал диск идущей на ущерб луны. Река, казалось, застыла. Мёртвая тишина ночи лишь изредка разрывалась потрескиванием лопавшегося от мороза речного льда.

В это время вниз по реке шёл человек. Шаг его был твёрдым и уверенным, он хорошо знал местность. Одет он был в лёгкие охотничьи унты из лапок козули, меховые штаны из шкуры гурана и белый полущубок, перепоясанный широким ремнём, на котором висели охотничий нож и патронташ. Большая беличья шапка закрывала уши, щёки, затылок и лоб, а на руках – меховые перчатки. На левом его плече висело ружьё, которое он время от времени осторожно поправлял и поддерживал левой рукой. Через правое плечо был перекинут ремень, на котором висела тяжёлая ноша – большой чёрный зверь с белой мордой, короткими острыми ушами и длинным хвостом. Это была его любимая охотничья собака – сибирская лайка по кличке Волк, теперь мёртвым безжизненным телом висевшая за спиной. В боку у неё зияла огнестрельная рана, вокруг которой запеклась кровь.

Не обращая внимания на мороз, человек размеренным шагом шёл вниз по реке. Время от времени он останавливался, поправляя на спине свою ношу, и шёл дальше. Крутые берега реки, сложенные базальтами и покрытые невысокими елями, суровым молчанием провожали его.

Он знал здесь каждую излучину, каждый выступ, каждое обнажение берега. Три года тому назад он приехал сюда, в тайгу, чтобы исследовать её богатства и направить их на службу Отечеству. Теперь дело подходило к концу, и возле небольшого посёлка, из которого он вышел, уже высились корпуса новостройки и дымились трубы электростанции.

А человек всё шёл и шёл твёрдым размеренным шагом, на обращая внимания ни на красоты зимнего пейзажа, ни на сильный мороз – он был поглощён своим горем – потерей любимого друга и помощника в скитаниях по тайге. Предательский ночной выстрел озлобленного врага нанёс рану, отнял жизнь у собаки. Человек знал, кто выстрелил, и чётко понимал, что выстрел этот – удар, направленный врагом против него самого, приехавшего в тайгу издалека.

Вот он миновал базальтовый каньон и свернул вправо, поднялся по еле заметной звериной тропе на террасу, вышел к озеру и, обогнув его, остановился около неглубокого старого шурфа, вырытого им же при изысканиях молибдена в базальтовых россыпях.

Здесь он снял свою ношу, бережно положил её на снег, отвязал ремень, на котором нёс её, погладил последний раз по голове собаку и осторожно опустил её в шурф. Отложив в сторону ружьё, он принялся заваливать шурф обломками базальта. Наверх он положил самую большую глыбу, которую только мог сдвинуть с места.

Затем он выпрямился во весь рост, поднял ружьё – два выстрела один за другим прозвучали в предрассветной утренней тишине.

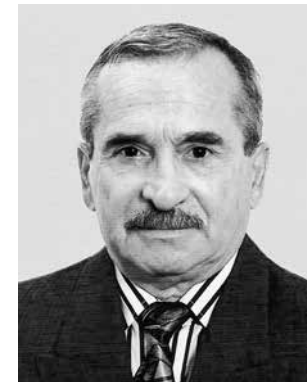
«Подлое охвостье! Вы побоялись направить свой выстрел в меня и выместили свою трусливую змеиную злобу на собаке, моём друге. Но всё равно, никакими выстрелами из-за угла не остановить вам развивающуюся в тайге новую жизнь, освоение найденных новых месторождений полезных ископаемых» – так думал он – изыскатель, геолог и охотник.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, лауреат литературнообщественной премии «Светить всегда», дипломант конкурса московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2011» за сборник «Песни старого шарманщика». Живёт в Москве.

«И мне на родине не холодно...»

«Ван Гог»

Пока не совсем ещё олух,
Хотя и бунтуют мозги,
Я – старый усталый подсолнух,
Хранитель семян и лузги.

Пускай в алкоголе и блюде
За тучами скрылась весна,
С охотой щёлкают люди
Созревших стихов семена.

Любимому делу и духу
Я честно отдал всё, что мог:
«Подсолнухи», сердце и ухо, –
Как нищий безумец Ван Гог.

Я не люблю...

Я не люблю, когда считая,
Что у богатых – свой статут,
Вору нотации читают,
Как повар – хитрому коту.

Я не люблю, когда пинают
Того, кто в Родину влюблён,
Хотя она напоминает
То Третий Рим, то Вавилон.

Мне ненавистны обыватели
В обличьи праведных судей
Своей усталой хворой Матери
За свод грехов её детей.

При всём радушии сердечном
Никто не вправе ожидать,
Что я со всяким встречным буду
Судьбу России обсуждать.

И мне на родине не холодно
От снежных и медийных пург...
Кому-то снится небо Лондона,
А мне – туманный Ленинбург.

Слово-ложь

*На русском, хинди и иврите,
На сотне разных языков –
Друг другу правду говорите
Без фальши и обиняков.*

Когда «хозяев» нанимаешь сам,
Хотя с достойным выбором – не густо,
Как хорошо, что только Небесам
Доступны наши помыслы и чувства.

Когда о долге совести трубят,
Цени благие истины, но помни:
Совсем не друг-приятель для тебя
Твой не всегда порядочный наёмник.

И сколько ни прельщал бы брата брат
Обряженными в нимбы головами,
Земля давно бы обратилась в ад,
Не прячь мы наши мысли за словами.

Когда на мир наложена печать
Коллизий в бездуховном «парадизе»,
Честнее любомудро промолчать,
Чем сыпать бисер в нравственном «стриптизе».

Творцы

Мы все – не «горцы», не Кощеи,
Не толстокожие слоны, –
Ложатся спудами на шею
Кресты осознанной вины.

К чему ночей бессонных пытки:
Распяты духа на мольберте
И безнадежные попытки
Стихами вымолить бессмертье?!

Иголку-смерть не спрятать в яйца,
Пусть даже в яйца Фаберже,
Мы в мире, склонном изменяться,
Не будем прежними уже.

Ведь нам даются не навечно
Лазурь небес и свет берёз...
...И с нас за каждое словечко –
На Небесах – особый спрос.

ПРОЗА

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Расула Багомедова
с 85-летием!

Рассказы

Ласка

Знаете ли вы, что ласка – небольшой красивый, проворный зверёк?

Она, наверное, легко подпрыгивая, не раз переходила вам дорогу. Или же, не дав рассмотреть себя, терялась в куче камней. Однажды увидев ласку, вряд ли кто-нибудь оставался равнодушен к её красоте! Но я до сих пор сокрушаюсь, что однажды встретил её.

Это случилось осенью. Я, тогда ещё мальчик лет двенадцати, пас овец на нашем поле после жатвы; снопы ещё не были вывезены на ток. Вдруг я услышал какие-то странные звуки: «Цив-цив, цив-цив! Ких-ких, ких-ких!». Оглянувшись – недалеко от меня идёт поединок между лаской и змеей! Меня заинтересовало другое: как только змея кусалась, ласка каждый раз подбегала к лопуху, грызла его листья и опять нападала на противника. Я мысленно рассуждал: «Если наложить мятый лист лопуха на свежую рану, она быстро заживает. А ласка почему грызёт его после укуса змеи?». Решил проверить. Набросив на лопух пиджак, я отошёл в сторону: что будет делать ласка?

Ой, какую глупую ошибку я совершил тогда! Когда очередной раз змея укусила ласку, она опять побежала к лопуху. Не найдя его, она немного повертелась вокруг и упала замертво.

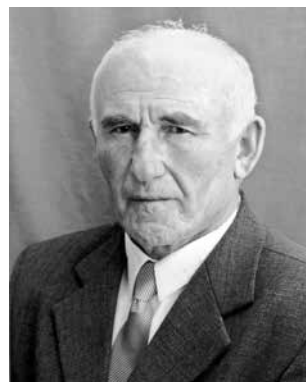
Когда мы позднее вывозили на ток снопы, моё горе вновь ожило во мне: под кучей сена я обнаружил много задушенных лаской мышей. Оказывается, она охраняла наши зерновые от вредителей.

Киргу

На склоне горы, напротив села, Мухтар пас агнят до возвращения из школы старшего брата.

Вдруг с неба упало что-то чёрное и, взмахивая

Расул БАГОМЕДОВ

Расул Мусаевич Багомедов – педагог, писатель, фольклорист, родился в 1932 г. в с. Меусиша Дахадаевского района Дагестанской АССР. В 1951 г. окончил Сергокалинское педагогическое училище, в 1963 г. – историко-филологический факультет Дагестанского государственного университета. Произведения Р. Багомедова переведены с даргинского на русский, аварский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский и цахурский языки. Р.М. Багомедов – Заслуженный учитель Российской Федерации, Почётный работник общего образования РФ, член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан, победитель конкурса лучших учителей РФ, обладатель звания «Учитель-методист», ветеран труда. Живёт в Махачкале.

крыльями, скатилось по склону. Удивлённый Мухтар поднял взгляд на небо, но ничего не увидел, кроме дрожащих телефонных проводов. Он подбежал к колючему кусту: там взмахивал одним крылышком ещё не оперившийся чёрный птенчик. У него были большие когти, изогнутый клюв, как нос у дяди Мухтара, и кругленькие глазки с гордым взглядом. Это был птенчик орла.

– Если не умеешь летать, сидел бы в гнезде, – сказал Мухтар, сообразив, что птенчик при полёте налетел на телефонные провода.

Когда он решил поднять орлёнка, тот сделал попытку броситься на него, не смог даже подняться, но успел ударить человека когтем по руке.

– Я не боюсь тебя! – Мухтар втянул в рот выступившую у него на руке кровь, выплюнул её и решил взять птенчика за шею.

Орлёнок клюнул его в руку; стало очень больно, но мальчик не заплакал.

– Неужели я не смогу победить тебя? – сняв с себя пиджак, Мухтар набросил его на смельчака и осторожно завернул его в ткань; нельзя же обижаться на несознательность малышей!

Дома Мухтар предложил «гостю» разные продукты: хлеб, молоко, жареную картошку и многое другое. Но дикая птица не прикоснулась к еде, даже не посмотрела на неё.

– Орлы, сынок мой, любят сырое мясо, – подсказал отец, когда узнал о переживаниях сына.

Вместе с Мухтаром они соорудили на чердаке гнездо.

– Ты правильно поступил, что принёс его домой: он мог бы умереть на поле. Теперь орлов мало осталось, их надо беречь. Без них и горы не горы. Да и село не село, если над ним не парят эти птицы: ведь это значит, что в таком месте нет ни кур, ни запаха свежего мяса.

...Насадив на ветку кусочек сырого мяса, Мухтар угощал Киргу (так он назвал птичку), но упрямец ничего не ел.

– Так не приучишь его, – опять вмешался отец. – Положи перед ним большой кусок мяса, сам уходи, а потом – утром, в обед и вечером – в уставленное время делай так снова и снова. Только так орлёнок привыкнет ждать тебя.

Действительно, к утру птенец съел кусочек мяса; через несколько дней он уже начал есть при мальчике. Постепенно Киргу привык брать пищу из его рук, а спустя месяц уже ждал появления своего кормильца. Когда Мухтар приходил с чем-нибудь съедобным, орлёнок садился на его плечо, вытягивал шею и ел прямо с его ладони.

Изо дня в день крепла дружба гордой птицы и подростка, но к Мухтару приходили тревожные мысли: «Заживает рана на крылышке; когда я сниму повязку, орёл улетит. А если оставить повязку?».

Отец, видимо, догадался о сомнениях сына. Однажды он сказал:

– Орёл – птица свободолюбивая. Отпусти его! Ведь рана зажила.

– Ещё немного подожди, папа, не будь таким жадным! Когда я вырасту, куплю вам свежее мясо, – неверно понял его сын.

Отец ничего не сказал, только улыбнулся. Сколько бы дней ещё продолжалось это «немного», только одному Аллаху известно, если бы с Мухтаром не случилось следующее. Однажды, проснувшись утром, он обнаружил, что в комнате никого нет, дверь снаружи закрыта. Одному взаперти не было желания ни позавтракать, ни поиграть, было очень грустно и скучно.

«Орёл – птица свободолюбивая», – вспомнил Мухтар слова отца и вдруг понял их смысл. «Как только придёт мама, отпущу Киргу на свободу», – решил он.

Был осенний прохладный день, над селом навис густой туман. «Ладно, отпущу, но куда он полетит, у него ведь нет тёплого жилья? Пусть, что хочет, делает, я дам ему свободу».

Мухтар освободил от повязки крыло орлёнка, взял его на руки, приласкал и подбросил в небо. Киргу, уже окрепший, взмахнул своими длинными крыльями и полетел. Полетав немного, он вернулся и сел на дерево у самого дома Мухтара. Увидев своего друга на балконе, стал кричать: «Чяв-чяв, чяв-чяв!». Потом, легко взмыв вверх, затерялся в окутанных туманом горах.

Грустно было в этот день Мухтару. «Пусть живёт на свободе!» – успокаивал он самого себя.

Утром следующего дня случилось неожиданное: с макушки огромного тополя, что рос перед их домом, раздался крик Киргу: «Чяв-чяв, чяв-чяв!».

– Киргу! Киргу! – радостно вскрикнул Мухтар.

Орёл поднялся в воздух и стал парить над головой друга, потом сел рядом с ним.

– Ко мне вернулся, мой дорогой! – радостно повторял Мухтар.

Он взял птицу на руки и приласкал, потом отрезал кусочек мяса от туши барана, которая сушилась на балконе, и угостил гостя. Киргу будто поблагодарил в ответ: «Чяв-чяв, чяв-чяв!».

...Орёл не бросил своего друга: на макушке того самого тополя свил он себе гнездо и стал там жить. Охотился Киргу в горах и на полях, ежедневно парил над селом, но никогда не нападал на местных кур.

Вскоре уже все сельчане знали чёрного, как смола, орла Мухтара, и с любовью смотрели на его чудесные игры в воздухе.

Из цикла «Юмор меусишинцев»

Предзнаменование

Сходя с ослон на поле за травой, Набси вернулся радостный, потому что нашёл скошенную кем-то провяленную траву и сделал большую ношу для осла.

Его дом находился на очень крутой местности, и вдобавок проход к нему был очень узкий: с одной стороны были стены домов соседей, с другой – ровные глиняные крыши других односельчан. Одним словом, дома располагались на разной высоте, как террасы.

По улице шёл знакомый, и Набси остановился поздороваться с ним, а тем временем осёл пошёл домой один. Когда Набси отправился догонять его, то увидел интересную картину: ноша оказалась на крыше сарая соседа, а осёл исчез, как капля воды в море.

Бегая вокруг домов, Набси сильно устал. На крыше сарая одного из соседей он неожиданно обнаружил рассыпанную траву, и, взглянув вниз, во двор, оцепенел от изумления: перед дверями сарая стоял его осёл!

«Не предзнаменование ли это?! Ведь туда нет тропинки! Не мог же осёл полететь вниз! Или это кара Аллаха за то, что я забрал чужую траву?!» – испугался Набси.

На самом деле случилось вот что: животное забрело на нетвёрдое покрытие соседского сарая и провалилось сквозь неё, а его ноша так и осталась наверху, на крыше.

Густая сметана

Желая продать свою корову, Набси хвастался на годекане:

– Честное слово, братья: сметана над молоком моей коровы бывает толщиной в две ладони.

Сельскому балагуру не понравилось его хвастовство, и он сострил:

– Это ерунда, Набси! Вот слой сметаны на молоке моей коровы такой толстый бывает, что, даже наступив на него, не проваливаешься.

Печь

Набси в который раз хвалился на годекане:

– Честное слово, братья, у меня дома бесподобная печь: когда горят поленья, их аж засасывает тягой в трубу!

Балтанов, подмигнув сидящим на годекане, сказал:

– Э-э, Набси, это что?! Твоя печь моей в подмётки не годится! Как-то подошёл я к ней, когда она горела, и меня тягой как засосало! Хорошо, что плечи у меня широкие: застряли в дверях печки! Еле-еле остался в живых.

Дядя Гамзат на соревнованиях

Дядя Гамзат – любитель лошадей. Сам выращивает их, обучает, готовит к соревнованиям. Хотя он в годах, но принимает участие во всех состязаниях и занимает призовые места, и об этом вспоминает с удовольствием, поглаживая пальцами правой руки свои поседевшие длинные усы.

– Однажды, – рассказывает, бывало, он, и в его глазах видны искры радости, – я скакал первым, до финиша оставалось совсем мало. Вдруг резко седло ушло назад, и я – вместе с ним. Лошадь убавила шаг. Поправить седло не было времени: догоняли другие всадники. Я, соскочив с лошади, побежал к финишу, сзади – моя лошадь, дай Аллах ей здоровья!

– А потом что? – спросил я с любопытством.

Дядя Гамзат благодушно улыбнулся, толстыми пальцами пригладил усы:

– Как, что? За то, что мы с лошадей первыми пришли, нам дали два приза: один – мне, другой – ей.

Дядя Гамзат сломал ногу

Один раз лошадь сбросила с себя дядю Гамзата, и он сломал ногу.

– Когда я правой рукой приподнял сломанную левую ногу, – начал рассказывать дядя Гамзат о случившемся, – моя ступня свесилась в другую сторону.

Увидев, что он упал с лошади, подбежали к нему сёстры и жена, начали голосить.

– У меня всего лишь нога сломалась, вы почему плачете? – спрашивает Гамзат. – Лучше дайте мне ту дощечку, – он указал рукой на кусок доски.

Дядя Гамзат поставил ступню на место; с треском и остальные кости вернул в нормальное положение. После этого привязал доску к ноге.

Смахнув большой ладонью крупные капли пота со лба и глубоко вздохнув, он обратился к сёстрам и жене, которые с болью смотрели на него:

– Ну, как видите, и дело с концом! А вы воете, как будто что-то непоправимое случилось!

Совет дяди Гамзата

Легко разбогатевший в последние годы, молодой человек построил в городе огромное красивое здание.

Как-то у него в гостях оказался дядя Гамзат. Хозяин встретил его, как положено, и спрашивает:

– Пожалуйста, внимательно осмотрите мой дом: может, я что-то упустил при стройке? Если что-то подобное обнаружите, скажите: обязательно доделаю.

«Властелин» был уверен, что дом построен по всем правилам, на высшем уровне, и добавить просто нечего: он просто напрашивался на похвалы.

Дядя Гамзат, со всех сторон осмотрев дом, хмуро заметил:

– Да, дом хороший. Но кое-что не учли.

– Как?! – удивился хозяин, который не без гордости смотрел на своё творение. – Что же это может быть? Почему до сих пор никто этого не замечал, и никто мне ничего не посоветовал? В доме даже бассейн построен, чтобы можно было поплавать там после всех развлечений.

– Да, бассейн – это хорошо! У тебя, наверное, любовниц столько же, сколько овец в отаре. Но к дому нужно было приделать четыре колеса, как у вездехода.

– Вы что?! Зачем нужны колёса, да к тому же, как у вездехода? – округлились глаза у хозяина.

Дядя Гамзат, пальцем указав на кладбище, находящееся неподалёку, ответил:

– Чтобы смог и дом забрать с собой, когда будешь уходить «туда».

Задержавшийся гость

Гасантая сельчане знали как шутника «в свою пользу». Трудно было порой отличить его шутки от серьёзного разговора.

Однажды дошла до него очередь пасти овец.

Стояла осень, веяло холодом и сыростью. Кто захочет в такую погоду пасти? И Гасантай говорит своим соседям, которые по установленной в ауле очереди должны были пасти овец после него:

– Ко мне приехал гость, поэтому сегодня идите вы, а завтра пойду я.

Соседи поверили ему, пошли пасти овец. Но и на следующий день погода не изменилась, было так же холодно и сыро. Опять пошёл Гасантай к соседям и говорит:

– Мой гость ещё не уехал, поэтому и сегодня замените меня, пожалуйста!

И на третий день такая же картина. Зато на четвёртые сутки погода стояла отменная: небо было голубое-голубое, освещённое тёплыми золотистыми лучами солнца.

– Сегодня наконец уехал мой гость, и я пойду с отарой, – заявил шутник соседям.

– Послушай, Гасантай, – откликнулись те, – мы почему-то не видели твоего гостя.

– Э-э, дорогие мои соседи, – подмигнул он, – тот холодный, сырой туман и был моим гостем!

Однажды в Калмыкии

Этот случай был с Гасантаем, когда он чабанил в Калмыкии.

В своё время его коровы потравили совхозные посеы зерновых, которые находились вокруг фермы, где он работал.

– Если ещё раз на посевах обнаружу вашу скотину, – говорит ему разгневанный директор совхоза, – составлю акт, и всю вашу семью прогоню с фермы!

– Клянусь Аллахом, больше ноги моих коров там не будет! Простите меня на этот раз! – попросил Гасантай директора.

Прошло несколько дней. Гасантай сидел в тени, под деревом, и мирно пил чай, когда увидел, что директор совхоза ведёт его живность с полей. Он быстро крикнул жене:

– Беги в ту сторону, откуда ведут наших коров, и кричи: «Спасите! Помогите!»

Жена, хорошо знавшая все хитрости своего мужа, послушно побежала с криками в сторону директора совхоза. Гасантай с угрозами погнался за ней:

– Я тебя, дура, убью! Неужели нельзя посмотреть за скотиной, чтобы не ходила на посеы, хотя бы тогда, когда я занят работой?! – и он кинул топор в сторону жены, – разумеется, так, чтобы не попасть.

Испуганный директор начал успокаивать Гасантая:

– Нельзя же из-за такой ерунды кидаться на жену! Успокойся, дядя Гасантай!

– Нет, я её убью! – продолжал изображать ярость хитрец. – Она прекрасно знает, что я давал честное слово глубокоуважаемому мной директору. Почему же она выставляет меня на посмешище?!

Забыв про обещанное наказание, оглушённый криками Гасантая, директор поспешил уехать.

Подрезанные крылья

Жена жаловалась мужу:

– Большие неприятности доставляет нам наш петух: что посеяно на грядках, всё выклеывает. Все прорехи в заборе заделаны, но он перелетает через забор.

Ежедневные жалобы жены надоели мужу: поймав петуха, он подрезал ему крылья.

После этого петух не то, что перелететь через забор, – даже с курицами не мог сладить. Если даже это ему как-то удавалось, он не мог удержаться и падал как брошенный камень. В результате, куры стали плохо нести яйца.

И это не всё. Потом выяснилось нечто интересное: жена несколько раз сажала наседок на эти яйца, но они ни разу не вывели цыплят.

Подумать только!..

Маленькая ошибка, которая дорого обошлась

Был прохладный осенний день. До Набси дошла очередь пасти овец. День клонился к обеду, и «чабан» решил пересчитать овец. Вдруг он обнаружил, что среди них нет трёх: «В отаре нет моих овец, как мне идти домой, что сказать?! Всё село будет надо мной смеяться».

Оставив отару без присмотра, он начал искать своих овец. Как назло, в это время густой туман заволок горы. Встревоженный Набси метался из стороны в сторону: «Чёрт возьми, как капля воды в знойный день, пропали овцы!» – в отчаянье думал он.

С такими мыслями и переживаниями Набси вернулся на место лежбища отары и увидел страшную картину: более тридцати овец были изодраны волками, а остальные как сквозь землю провалились.

...Пришедшие на зов сельчане к вечеру кое-как собрали остаток отары и пригнали в село.

– О, Аллах! Позор на мою голову! – встретила их с криками жена «чабана». – Я ведь забыла утром выгнать своих овец в отару!

История Тузика

Тузик – маленькая красивая собачка; такой крохи в нашем селе раньше не было. Её привёз из города Мажар Гаджи.

Однажды рано утром Мажар Гаджи вышел во двор. В это время подбегает к нему Тузик, держа в зубах пачку денег достоинством 5 тысяч рублей, – пачку новенькую, нераспечатанную.

Тузик ласково залаял и прыгнул на колени к хозяину. Мажар Гаджи посмотрел вокруг – никого нет.

– Откуда эти деньги? Возьми и отнеси их на место, где взял, быстро! – твёрдо приказал хозяин.

Тузик взял пачку денег и выбежал на улицу, за ним последовал и Мажар Гаджи. Дойдя до конца улицы, он увидел толпу людей, среди которых разразился скандал.

– Только что у меня были пятьсот тысяч рублей, а теперь – нет! Как вам не стыдно?! Сейчас же верните! – обиженно и сердито кричала молодая женщина, которая раздавала пенсии.

– Ты, что, нас за воров принимаешь? – ещё громче кричали оскорблённые пенсионеры.

...Спорщики были очень удивлены, когда неожиданно подбежал Тузик и, виляя хвостом, положил к ногам кассирши пачку денег.

Лягушачий концерт

Один человек, который жил недалеко от пруда, постоянно злился на нескончаемое лягушачье кваканье. «Что за напасть такая?!» – в сердцах думал он.

В конце концов, решил он вспугнуть лягушек и для этого закинул в пруд чурку.

Сначала лягушки притихли, но, убедившись, что чурка им не опасна, они взобрались на неё и начали квакать пуще прежнего.

Мораль здесь такова: не делай того, что тебе не под силу.

Гасбулла на годекане

Гасбулла всю жизнь был не только чабаном, но и большим шутником.

Когда он рассказывал какую-нибудь смешную историю, мимика его соответственно менялась, и от этого ещё интереснее и смешнее было его слушать.

Как-то на годекане кто-то поведал историю, как в поле остановилась машина, и в кабине обнаружили большую змею, свернувшуюся в клубок.

Гасбулла тут же добавил своё:

– Однажды в степи я пас отару, и вдруг вижу, на меня надвигается большая змея. Я начал убегать, но змея преследовала меня. Ах, проклятье! – от страха я забыл и свой посох. Глазами я искал хоть что-нибудь подходящее и, увидев в траве маленькую змейку, схватил её за хвост и начал лупить ею догнавшую меня гадюку.

Армейский друг

Этот случай с Гасбуллой произошёл в степях Калмыкии в зимнее время. Как-то он пас отару овец. В сильные морозы и в большой снег отару обычно не выгоняют пасти, но в надежде хоть немножко сэкономить корм Гасбулла всё-таки выгнал овец в поле. В этом году корма заготовили очень мало.

Вдруг он услышал шум, смотрит – в его сторону летит вертолёт. Не понимая, что сам делает, он сорвал с головы папаху и начал махать. Вертолёт начал снижаться и сел неподалёку. Из него вышли трое опрятно одетых мужчин, и один из них сделал знак рукой, чтобы Гасбулла подошёл к ним.

Он остолбенел: «Что же я наделал?!».

– Израсти, – сказал он, подойдя к ним с ёкающим сердцем.

– Здравствуйте! – ответили ему. – Что случилось? Почему вы просили нас сесть?

Гасбулла сразу смекнул: «Это, наверное, большие начальники: вдруг чем помогут?». Вслух он сказал:

– Вот совхозная отара, а вот я. В кошаре кончился корм, и никому до этого нет дела. Когда я увидел вертолёт, то подумал: раз по земле никто не идёт ко мне на помощь, может, прилетит по воздуху!

– Какой совхоз, номер фермы, ваша фамилия? – коротко спросил старший. Рядом стоящий записывал ответы Гасбуллы.

Скоро они улетели. На следующий день на ферму прибыло несколько машин с кормом.

– Почему ты раньше не говорил, что знаком с первым секретарём нашего обкома? Откуда ты его знаешь? – спросил у Гасбуллы директор совхоза, лично привезший корм для отары.

Гасбулла серьёзно ответил:

– Тридцать лет тому назад мы вместе служили в армии, и он меня с вертолёта узнал и спустился на землю. Сказал, если что нужно будет, сообщать ему.

Директор совхоза только молча посмотрел на него и вскоре уехал.

Состязание двух рассказчиков

— У моего прадеда был громадный двор, — начал первый рассказчик. — Пока из одного угла двора скакун галопом скакал в другой угол, другая лошадь успевала ожеребиться.

— Э-э! — говорит второй спорщик. — В этом нет ничего интересного. А вот мой прадед веником от звёзд прогонял облака.

— Это неправда, — возразил первый, — такой веник нигде не уместился бы.

— Кстати, он умещался во дворе твоего прадеда, — иронично парировал второй.

— Пусть будет по-твоему, ты победил, — согласился первый. — Теперь ты рассказывай.

— Хорошо, слушай. Мой отец был очень высоким: он всегда ходил с опущенной головой, боясь задеть звёзды.

— А что говорил твой отец насчет звёзд: они твёрдые или мягкие?

— Честное слово, он всегда утверждал, что они мягкие, — нисколько не смущаясь, заявил лунишка.

— Значит, мой дорогой, то, что твой отец задевал головой, были не звёзды, а полы шубы моего отца, — рассмеялся торжествующе первый.

Шутки шайтана

Был декабрь. Несколько дней подряд шёл большими хлопьями снег. В ту пору выл холодный ветер как голодный волк, и всё живое спряталось от стужи. Именно в такой ненастный день я вынужден был идти в соседнее село.

Знаменитый колхозный конь Синий с лёгкостью преодолел сугробы и догнал необычного путника, который заставил мои мысли закружиться, как в водовороте.

Ведя под уздцы лошадь с дорогим седлом, то падая в снежные сугробы, то вставая, почти полз как черепаха хромой человек средних лет, одетый в добротную меховую шубу и в папаху.

«Хотя иссякли его силы, почему же он идёт пешком? Может, он сидеть не в состоянии из-за раны?» — терялся я в догадках.

— Ассаламу алейкум! — поздоровался я, останавливая коня.

— Ваалейкум салам! — хромой остановился, снял папаху, и с его головы поднялся пар пота, как туман.

— Друг, почему не едешь верхом?

— Ш-ш-ш, — чтоб его никто не услышал, мужчина поднёс ко рту указательный палец и не ответил на мой вопрос.

Я удивился и посмотрел в его маленькие зелёные глаза: у глупого взгляд бывает тупой, а глаза — безжизненные. Но в его лице не было ни одного такого признака.

Мы шли вместе молча. Видимо, ему надоела тишина, и он посмотрел на меня, будто хотел сфотографировать.

— Наверное, ты ревизор, едешь проверить колхоз? — спросил он.

— Нет, я не ревизор, а учитель.

— Колхозные фермы не отремонтированы, коровы мёрзнут. Хотел поехать к районному начальству с жалобой, но этот случай помешал.

— Да, наверное, тяжёлый случай, раз он не позволяет тебе ехать верхом.

— Тьфу, даже слова, как на лугу непослушная овца, не слушаются хозяина, — огорчился он, что произнёс слово «случай», и замолчал.

— Вы, наверное, пастух? — предположил я.

— Нет, приятель, коровы не любят хромых. Я сторож кутана. Этот слу... — опять запнулся он на полуслове.

— Оставьте в покое свой «случай», о котором нельзя забыть и нельзя говорить, и сядьте на моего коня, если нельзя сесть на своего, — предложил я, пожалев этого хромого, который запутывался в сугробах, как курица в пряже.

Он снял папаху.

— Сегодня категорически запрещается садиться верхом на эту лошадь или отдавать её другому. Поэтому ты скачи на своём скакуне, а я уж как-нибудь доковыляю дальше...

Возвращаясь домой на следующий день, я был удивлён, увидев такую картину: вчерашний хромой путник бодро въезжал на своей лошади в село. Я узнал, что мать его умерла накануне, и не мог понять его весёлости. Вчера только нельзя было ему садиться на лошадь, а сегодня он летел как стрела, сидя верхом; вчера был таким молчуном, а тут, при виде меня, вдруг разболтался:

— Сегодня, мой друг, самый счастливый день в моей жизни, — воскликнул он, поприветствовав меня. — Грош цена нашим врачам! Десять-пятнадцать дней моя мать лежала в больнице, и врачи были не в состоянии ей помочь... Если только в голове не солома, как можно дать согласие, чтоб разрешили живот и сделали операцию, как предлагали моей маме!? Вот я и пошёл к знахарке Хазабе, и она сразу определила болезнь матери, дала наставления по поводу её лечения.

— Правда?! — изумился я.

— Клянусь, да! Вчера, когда я встретился с тобой, я вёз на лошади Шайтан Ахмеда, поэтому я не мог ехать верхом на лошади. Хазаба меня предупредила: «Смотри, мой Шайтан Ахмед быстро обижается. Ни в коем случае не говори никому, что ты везёшь его, и не передавай лошадь другому. Если обидится, он не поедет с тобой». Именно поэтому, мой приятель, я не мог вчера рассказать тебе о случившемся.

— Кто это — Шайтан Ахмед? Я его не видел, — не понял я.

— Ты, что, с ума сошёл? Кто видит шайтанов? Раньше он был мужем Шайтан Хамис, а после её смерти Шайтан Ахмед женился на Хазабе и научил её всему. Теперь нет ничего на свете, чего бы не знала Хазаба: она весь земной мир видит как на ладони. Да, об этом знахарка сама сказала мне. Сейчас я возвращаюсь от неё: отвёз обратно Шайтан Ахмеда. Под ступенькой нашей каменной лестницы он нашёл талисман, который был написан нашими недругами, чтобы умерла моя мать. Этот злосчастный талисман Хазаба сожгла при мне и сказала, что опасность уже миновала. Вчера ночью в воде семи колодецев, добавив жёлтую воду знахарки, мы искупали маму. И ей стало лучше.

— Говорят, Хазаба не отказывается от большой цены за своё «лечение». Сколько же она взяла с тебя? — поинтересовался я.

— Её цена, как в магазине, не меняется: я отдал ей три тысячи рублей, метр бархата, на халву для шайтана килограмм топлёного масла и одну мерку белой муки. «Если не приготовлю халву, то шайтан начнёт меня щипать и не даст покоя», — объяснила она мне.

— Эй, почтенный, никаких шайтанов не бывает, потому никто их видеть не может. Над такими дураками, как ты, смеются знахари и шарлатаны! — воскликнул я.

Хромой возмутился:

– Скорей попроси смилостивиться Аллаха, а то накличешь на себя беду:
Хазаба услышит твои слова и покарает тебя!

– Ты сам попроси милости у небес и не допускай больше таких глупостей.
А теперь спеши домой, твоя мать при смерти.

О том, что его мать уже умерла, я умолчал: зачем сыпать соль на рану?!

Перевод с даргинского языка Марьям ХАЛИМБЕКОВОЙ

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ

Николай Борисович Рачков – родился 23 сентября 1941 г. в с. Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Работал учителем в сельской школе, журналистом. Автор многих поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России (АЛРОСа), литературных премий имени А. Твардовского, «Ладoga» имени А. Прокофьева, «Имперская культура» имени Э. Володина, имени Александра Невского, «Золотое перо России». Член Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Живёт в городе Тосно Ленинградской области.

«Очарованный Русью...»

***

Тихой речки
прозрачное устье.
Городок на горе. Купола...
Столько счастья,
и боли,
и грусти
Ты мне, Родина,
с детства дала!

С детства
жить привыкал я Тобою.
Знал,
что многое сдюжу, снесу,
Если сердце
в ненастье любое
Будет чистым,
как ландыш в лесу.

Мне чужие
не надобны сани.
И душа оттого
не пуста.
Я все песни Твои
и сказанья
Не забуду
уже до креста.

И усну,
очарованный Русью.
Ведь была она в сердце,
была!..
Тихой речки
прозрачное устье.
Городок на горе.
Купола.

Цветёт черёмуха

В дневник звонкам прощальным вслед
Летят последние отметки.
По вечерам уже – привет! –
Пучок черёмухи на кепке.

И чёлка вьётся на ветру,
И песня юности не спета.
Черёмухой украшен руль
Бывалого велосипеда.

Почистив щёткой пиджаки,
Мы нажимаем на педали.
Летим, как майские жуки,
В окрестные хмельные дали.

Нам старших прописи – пресны,
И – дети верные природы –
Мы опьянели от весны,
Мы захлебнулись от свободы!

Цветёт черёмуха!
И в грудь –
Такая томная прохлада.
И хочется чего-нибудь,
И ничего ещё не надо...

Хват

Глянет бабонька: «Ой, мама!»
И за сердце: «Ну и хват...»
Не один уж обломала
Об него жена ухват.

Он твердил своей Варюхе:
«Нет дыма без огня.
Липнут все они, как мухи,
На ядрёного меня.

Ты же сушая диета, –
Говорил. – К тому же – лёд.
Захочу – и та, и эта
За меня сейчас пойдёт...»

Знали тоньки, верки, любки
Да колхозный сеновал,
Сколько их он в спелы губки
Крепко перецеловал.

А Варюхе – оплеуха.
Не позорь, мол, не кричи.
Сколько раз его Варюха
Горько плакала в ночи.

Где тот мак, что летом ало
Озарял счастливо нас?
Отцвела она. Увяла.
Как-то тихо.
Как-то враз.

Не сумел унять он дрожи,
Поглядев в могильный мрак:
«Варя, Варя, это что же,
Это как теперь же так?..»

«...Не косую,
не рябую,
Ты ещё, едрёна вошь,
Чай бы взял себе любую,
За тебя пойдёт кто хошь.
Всё, поди, не одиноко.
Тут и ласка, и привет...»

Но оставит
в землю
око:
«Нет Варюхи – света нет».

***

Уж новый полыхнул Везувий,
А мы души не бережём.
Земного, бренного взыскуя,
Всё копим скарб,
лукавим,
лжём.

Уж близко огненная лава,
Уж кочергой шурует бес,
А мы бормочем: «Власть и слава...»,
Не слыша грохота небес.

Утихнет боль. Уймётся пламя.
Ни слёз. Ни званий. Ни имён.
Лишь блеск остывший
в звёздной яме.
Лишь тайна.
Лишь песок времён.

Открою дверь...

Открою дверь – а сад в огне,
Весь в золоте и оловире.
И красоты отградней
  мне
Уж не увидеть в целом мире.

Открою дверь – в моём саду
Как будто кто играет в гусли.
И знаю я, что пропаду
От этой радости и грусти.

Открою дверь – и ты стоишь
В багряной тишине заката.
И я сгорю, и ты сгоришь,
Но это осень виновата.

***

– Серебряной вьюги колючко
На палец надену – носи!
– Зазябнет, мой милый, сердечко,
Ведь вьюга люта на Руси...

– Я радуги полушалок
На плечи накину – носи!
– Сгорю я... Немыслимо жарок
У радуги цвет на Руси.

– Чего ж тебе всё же охота?
Проси чего хочешь,
проси!
– Любви я хочу,
  без неё-то
Какая и жизнь на Руси...

Крымская элегия

Словно горькую, славную, жгучую былль
Мы вдыхали с тобой инкерманскую пыль.

Любовались горами и грусть об ином
Запивали массандровским красным вином.

И смотрели, как месяца белый венец
Надевал по ночам Воронцовский дворец.

Там зелёное море резвилось у скал,
Где я крабов в расщелинах скользких искал.

И смеялась волна, и ласкалась волна,
И лукаво со мной целовалась она,

И шептала в лучах заходящего дня,
Что лишь море одно не разлюбит меня...

***

Лиде

Ты помнишь, ты помнишь, как счастливы
  были в Крыму?
Прибой рассыпался, как бисер, в лазурном дыму,
И звёзды цвели, как в саду золотые черешни,
И ты улыбалась, ты верила мне одному.

Ты помнишь, ты помнишь, любимая, цокот цикад
И розовый парус, летящий вдали на закат?
И руки твои, словно волны, меня обнимали,
И был я тогда, как купец киммерийский, богат.

Да, был я богат! И тебе говорил я: постой!
Ресницы твои блещут пылью алмазной густой.
Я знал, что и море, и горы в зелёном самшите
Не стоят и пряхки твоей босоножки простой...

***

Дай твои отогрею ладони,
Дай прижму их крепче к лицу.
Были б кони, ах, были бы кони,
Подогнал бы я тройку к крыльцу.

Все поэты чуть-чуть скоморохи,
Бесшабашны, как сотня гусар.
Я украл бы тебя у эпохи,
Где в чести и торгаш, и завгар.

И умчал бы тебя, и отныне
Был другой бы у песни финал.
Ведь на снежной на русской равнине
Нас никто бы уже не догнал.

Ты поймёшь ли, что это так много
После стольких нелепых потерь:
Божий храм впереди и дорога,
И метель, и метель, и метель...

Проводы

«По вагонам!» –
  хлестнуло по нервам.
Лица сразу – как серый свинец.
Ты от нас молодым
в сорок первом
Навсегда уезжаешь, отец.

Мама смотрит почти отрешённо,
Мама мною беременна, мной.
Эх, отец,
из того эшелона
Никому не вернуться домой.

Ты последним усилием воли
Крикнул сквозь нарастающий гул:
«Будет сын – назови его Колей,
Будет дочь...» –
  и рукою махнул.

И с разгона пошёл,
и с разгона
Эшелон в предназначенный бой.
...Добежать бы, отец, до вагона,
Хоть бы взглядом проститься с тобой.

Похороны

Хорошее сыскали место
Ей под рябиновым кустом.
Хоронят бабку без оркестра
На сельском кладбище простом.

Ещё на той неделе, вроде,
Она сгоняла кур в сарай,
Полола грядки в огороде:
«Да нынче жизнь –
Не жизнь, а рай...»

Поставьте гроб.
Конец дороге.
Конец... Таким вот, как она,
Упасть бы виновато в ноги...
Ну что могла без них страна?

Когда фашистская орава
Нам навязала смертный бой,
На плечи их легла держава
С её великою бедой.

В тот год
в то пекло проводили
Они мужей и сыновей
И здесь, в тылу, опорой были
Земле измученной своей.

Впрягались в плуг,
да так, что грудью
В натуге рвали и ремни.
Скажите, кто работать будет
Так, как работали они?

Все слёзы позади. Все муки.
Её душа в иных мирах.
Лица не видно,
только руки
В кручёных жилах и буграх.

Все в чёрном тихие старушки
Ей память вечную поют...
В честь этой бабки
я из пушки
Велел бы дать тройной салют!

***

А в России
звенит на лугах сенокос,
И девчата
платки надвигают на брови.
Я всё думаю:
сколько рассыпано рос,
Сколько света сияет
в единственном слове!

У тамбовских колодцев,
кубанских криниц
Неожиданно,
жаркой зарницы короче,
Из-под долгих, как сон,
византийских ресниц
Обожгут
васильково-славянские очи.

И замрёшь.
И душа устремляется ввысь.
И живёшь,
и глотаешь невольные слёзы,
Чтобы видеть в тумане
озябшую кисть
Вологодского кружева
бедной берёзы...

Ничья

И хотел забыть бы я об этом,
Только как? И можно ль жить потом?
Помню, как однажды тёплым летом
Мы с концертом прибыли в детдом.
Пляски и стихи – чего же проще!
Песни про счастливую страну...
А потом пошёл я шумной рощей
И увидел девочку одну.
Запахами клевера и мяты
Был настоян воздух у ручья.
«Девочка, – спросил я тихо, – чья ты?»
Тихо мне ответила: «Ничья».
С тихую печалью посмотрела,
Тихо улыбнулась издали.
«Вы к кому? – с надеждою, несмело, –
Вы к кому? – и замерла, – пришли?»

Отвернулась, думая о чём-то,
И пошла травой сквозь птичий гам.
Ситцевая синяя юбочка
Прижималась к худеньким ногам.
Я-то перед ней невиноватый,
А стоял понурый у ручья.
Птицы вслед ей
спрашивали: «Чья ты?»
И звенело из кустов: «Ничья...»

В окружение лесов

Сколько спелой брусники на светлой узорной опушке,
А какие встречают гостей у тропинки грибы!
В окружение лесов, в этой тихой, как сон, деревушке
После всех перестроек осталось четыре избы.

Сколько всяких нашествий они на веку пережили,
Утопали в грязи, а душа оставалась чиста.
Два часа от райцентра доехать сюда на машине.
Дверь толкнёшь – и такая дохнёт на тебя нищета.

Деревенская Русь! Здесь темно, неудобно и сыро.
Отзвенели во мгле молодые твои голоса.
Встанет бабка с печи, как виденье далёкого мира:
«Уж не внук ли приехал?..» Не видят больные глаза.

Деревенская Русь! Пропивали тебя, продавали,
Добивали тебя, выдирая устои твои.
...Кто проснётся теперь на горячем, как пух, сеновале
И кого расстреляют на вешней заре соловьи?

***

Геннадью Rogozному

Утром глянул в окно: на моём берегу
Все деревья стоят по колено в снегу.

Тихим звоном дрожа и на солнце горя,
Листья, листья лежат, как куски янтаря.

Вдоль аллеи притихшей до самой воды
Золотые следы, золотые следы.

То ль жалея себя, то ли плача о ком,
Это осень ушла от зимы босиком...

Вспомни слова Мономаха

Всё в этом мире безумно старо.
Вспомни слова Мономаха:
Зла сторонись и делай добро,
Чтоб не испытывать страха.

Всё-таки больше пекись о душе
И не кичись, если в силе.
Ныне ты в силе, а завтра уже
Все о тебе позабыли.

Жизнь – это света и тени игра,
Всё в ней идёт чередою.
Вечером – плач, а назавтра с утра
Радость уже с тобою.

Крепче старайся держаться в седле,
Как бы судьба там ни мяла.
Разве впервые мы здесь на земле?
Разве на небе нас мало?

Князь Святослав

Николаю Мартынову

Ликуй, шуми, продажный Киев,
Гнездо неистребимых змиев, –
Мой череп выскоблен врагом.
Не будет больше Святослава.
Страшись! И честь твоя и слава
Под вражьем всплачут сапогом.

Когда б я знал, на что решится
Так скоро русская столица
И что свершится после там,
Клянусь огню и небу синю:
Я не отдал бы Берегиню
На небывалый глум и срам.

И – кровный сын степи и леса –
Не променял бы я Велеса
На всю тщету победных битв!
Одно я чувствовал со страхом:
В конце концов всё станет прахом
Без наших жертвенных молитв.

Когда б я знал, что ждёт Перуна
Среди днепровского буруна, –
Мне ль было не устроить лад?
Навёл бы я порядок дома
И не повёл дорогой грома
Свои дружины на Царьград.

Не зря, не зря кичливый Куря
В степи таился, брови хмуря, –
Он знака ждал, поганый тать.
Не зря мне помощь не поспела
И близкая рука посмела
Меч перед битвою умело
Вонзить в меня по рукоять...

Последний кулик

Позабросив стихи и гармошку,
В отцветающем грустном селе
Вот опять я копаю картошку,
Чтобы выжить на этой земле.

На земле, где мои коростели
Отзвенели в покосах вчера,
Где такие сегодня метели
И такие шальные ветра.

Где рыдает родная долина,
Осыпается роца во сне...
Нет покоя теперь, всё едино,
Ни в душе, ни в дому, ни в стране.

Здесь помрёшь в безысходной простуде,
Упадёшь средь картофельных гряд.
Здесь какие-то хмурые люди
Много умных речей говорят.

Сколько их, волевых, непохожих,
За удачею вдаль унесло.
Хорошо-то как, Господи Боже, –
Сытно там и тепло, и светло!

Я копаю картошку и внемлю
Только ветру, чей яростен крик.
Я продрог... Но люблю эту землю,
Как болото последний кулик.

Дуня

Как торопилась нынче Дуня!
Посуду мыла, пол мела,
И в самовар заглохший дула,
Кого-то, видимо, ждала.

Она с такою пышной чёлкой,
С такой пленительно-льняной.
И в юбке выглаженной, чёрной,
И в кофте новой, шерстяной.

Ах, Дуня, ты других не хуже,
Тебе уже под тридцать пять.
Вот только б мужа надо, мужа.
Да где хорошего-то взять?

А этот... Смеркнет – мокрым лугом
Приходит, грузен и небрит.
Он дышит водкою и луком,
Он так, примерно, говорит:

«Ты, Дунька, брось, такое дело,
Царевну из себя ломать.
Тебе ж за тридцать полетело,
Давно бы надо понимать.

Не бью я выпимши посуду
И у народа на виду.
Я, Дуня, бить тебя не буду,
Я завтра жить к тебе приду...»

И Дуня тихнет,
Дуня никнет,
И к сердцу кулачок прижат.
И губы красною брусникой
На белом стыннут и дрожат.

Не разнимая рук

Лиде

Пусть ветер бьёт порывами
И замерзает луг.
Под золотыми ивами
Ещё тепло, мой друг.

Под полосой закатною
Преобразился вмиг
Твой светлый, неразгаданный,
Иконописный лик.

Со всей сердечной силою
Хочу сказать одно:
Ещё не поздно, милая,
Ещё не так темно.

Ещё чуть-чуть счастливыми,
Не помня слёз и мук,
Мы постоим под ивами,
Не разнимая рук.

Сохраните себя

Сохраните себя в неустроенном мире,
Не меняйте лицо своё, жизнь торопя.
В новой должности, в новой уютной квартире,
И в бесславье, и в славе –
храните себя!

Сохраните себя, если вам изменили.
Ничего, что не выбились вы в короли.
Сохраните себя, если вас уронили,
Сохраните себя, если вас вознесли.

Пусть удачливый друг, даже если он гений,
Помогает во всём, вас по-братски любя.
Никогда, никогда перед ним на колени
Не вставайте, друзья, –
сохраните себя.

Сохраните себя, своё сердце и слово
В этом мире – иного не будет в судьбе.
Это страшно: прожить за кого-то другого
То, что было отпущено только тебе.

И платок её...

В тёплых мальвах и в черёмухе ограда,
Плющ зелёной занавеской у окна.
Пропадаю – никакого с сердцем сладу,
Прихожу сюда, когда цветёт луна.

Прихожу сюда, когда плеснёт в колодце
Золотым хвостом упавшая звезда.
Дверь откроет, обомрёт и улыбнётся –
Кареглаза и нежна, и молода.

Как поют в ночи невидимые трубы,
Как взлетает моё сердце и парит!
И она мне что-то тихо, губы в губы,
Что-то ласково и сладко говорит.

И всё ярче, всё пышней в оконной яме
Неба звёздного полночная парча.
И платок её с кистями и цветами
На пол падает с округлого плеча.

В тёплых мальвах и в черёмухе ограда,
В тонких пальцах только ласковая дрожь:
«Не ищи другую, милый мой, не надо,
Ты другой такой вовеки не найдёшь...»

Не нашёл. И эта встреча не вернётся.
Оттого в душе такие холода.
Не плеснёт уж мне таинственно в колодце
Золотым хвостом упавшая звезда.

Соловей

О чём он,
маленький, невзрачный
Поёт в кустах
в округе дачной?
А он в черёмуховой снежности
Сгорает
от любви и нежности.
Поёт,
как могут только гении.
И все внимают
в удивлении.
Так раздробится,
так раскатится,
Что жизнью, может быть,
расплатится.
Поёт,
в любви не притворяется,
И никогда
не повторяется.

1812 год. Царское село

Вы помните: текла за ратью рать...

А. Пушкин

Он жарких слёз не прячет,
Душа любви полна.
Стоит с друзьями мальчик
У царского окна.

Стоит, шепча молитву,
Глядит из-под руки.
Идут, идут на битву
Гвардейские полки.

Идут на смерть, на славу,
Волнением горя,
За русскую державу,
За русского царя.

Немногим – мальчик знает –
Вернуться суждено.
Уже Смоленск пылает,
Грядёт Бородино.

Лавиной непреклонной
Течёт за ратью рать.
Колонна за колонной
Уходит умирать.

Целуя крест нательный,
Готов сейчас на бой,
Взывает юный Дельвиг:
«Возьмите нас с собой!..»

«Возьмите!» – просит следом
Курчавый мальчуган.
Играет «Гром победы...»
Оркестр под барабан.

«Прощайте!» – кто-то машет
Им кивером слегка.
Благословляет Сашу
Солдатская рука.

И внятен стал до дрожи
В тот час завет благой:
Нет ничего дороже
Отчизны дорогой!

Услышь другого человека

Среди вселенской суеты,
В крутой неразберихе века
Ты слушаешь себя. А ты
Услышь другого человека.

Услышь его немую боль,
Почувствуй каждой клеткой, жилкой.
Страшна на этом свете роль
Прохожего с кривой ухмылкой.

Услышь сквозь яростный прибой
Всей этой жизни бестолковой,
И он, услышанный тобой,
Надеждой озарится новой.

Он человек. Он не чужой,
В нём сердце бьётся так похоже.
Услышь другого всей душой,
И он тебя услышит тоже.

***

Обожаю и землю и высь я,
И как всякий живой человек
Я люблю, когда кружатся листья,
Я люблю, когда падает снег.

Золотая метель хороводит,
Я грущу, заходя в листопад.
Всё проходит, шепчу, всё проходит,
Мир всему уходящему, брат.

Под серебряный звон снегопада
Хорошо у крыльца постоять.
Сердце свежем, чистому радо,
В теле чувствуешь бодрость опять.

Жизнь ты наша... И слёзы, и чудо.
Всё нам в радость и всё не навек.
Есть нам время подумать, покуда
Листья кружатся,
падает снег...

Не убивал!

Оно далеко-далече
То время и тот туман...
Не убивал царевича
Грозный царь Иоанн.

Чужой нам
вот эту скрепину
В «Историю» крепко вбил.
Не верьте художнику Репину,
Он тоже обманут был.

Ртутью да злыми травами
(Преступен боярский план), –
Но был царевич отравлен,
Как после и сам Иоанн.

Доказано это наукой –
В костях обнаружен яд...
Каким безумьем
и мукой
Исполнен отцовский взгляд!

Вот это сумел на картине
Художник нам передать.
А всё остальное отныне –
Забвенью, как ложь, предать.

Слово скажи, история,
Честно и без прикрас:
При нём возросла территория
Почти в восемнадцать раз.

Нельзя кому-то в угоду
Чернить государев лик.
В ту грозную непогоду
Он был в деяньях велик.

Наверное, и в коварстве, –
Не ангел воссел на трон.
Но мы живём в государстве,
Которое создал он.

***

Это только в России издревле осталось,
Чтобы плакала радость, а горе смеялось.

Это только в России, на подвиги громкой,
Вечно ходит надежда с сиротской котомкой.

Это только у нас смастерили царь-пушку
Не для дела, а так, напоказ, как игрушку.

И такой изготовили колокол медный,
Чтоб и рта не раскрыл он, царь-колокол бедный.

За такое могли только мы лишь и взяться...
Но зато все другие стоят и дивятся.

Все другие глядят и завистливо судят:
Никогда-то у них вот такого не будет...

***

Весело жили и грустно,
Было и пусто и густо,
Вдоволь всего, по края.
Что там осталось? Немножко.
Кончится наша дорожка.
Где ты? И где буду я?

Может, фиалкой ты будешь,
Ты их так трепетно любишь.
Тучкой средь летнего дня
От одиночества тая,
Буду я звать, пролетая:
«Милая, помнишь меня?..»

Ты не ответишь... Ну, что же,
Ты всё равно всех дороже,
Вот ведь какие дела.
Вспомню тебя я былую,
Дождиком став, поцелую,
Чтоб ты подольше цвела...

***

Ты женщина, ты много значишь,
Ты из особенных пород.
Порой ты всё переиначишь,
Всё сделаешь наоборот.

Не объяснить умом логичным
Твоих причуд, твоих затей.
Легко ли быть самокритичным
При нетерпимости твоей?

И вновь захлёбываться болью,
И воскресать, весь мир любя?
И невозможно жить с тобою,
И невозможно без тебя.

Как в сорок первом

Нет, не кино, не спектакль, не игра.
С маху – по нервам.
На Украине такая жара,
Как в сорок первом.

Как в сорок первом – в огне и в пыли,
В страшном июле.
Как в сорок первом снаряды легли,
Бомбы и пули.

В доме родном убивает фугас,
В школьном спортзале.
Кровью окрашен отважный Донбасс,
Залит слезами.

Вновь обнаглев и не устращась
Кары Господней,
Вылезла к свету нацистская мразь
Из преисподней.

Миру грозит неизбывной бедой,
Нет ей запрета.
Это не просто сраженье, а бой
Мрака и Света.

Встала и бьётся за Родину рать
Тем же манером.
Беженцы, беженцы всюду опять,
Как в сорок первом.

Вновь среди пепла, огня и свинца,
Адского грома
Где же ещё и стоять до конца,
Если не дома...

Преображенцы

Часто слышу, как кто-то поет,
А порой кричит в рупора:
«Русь была бы совсем иною,
Если б не было в ней Петра!

Итальянцы, голландцы, немцы...
Разве надо их было звать?
А уж эти преображенцы,
Вся потешная эта рать.

Наплодили и накосили
Столько бед,
что просто беда.
Убеждали всех, что Россия
Станет заново молода.
Нет, уж лучше бы почивала
Старой, кроткой средь отчих стен...»

Что бы с Родиной нашей стало,
Если б не было перемен?!

Нарастал справедливый ропот,
Но и жить ведь нельзя, как встарь, –
Слишком рядом гремит Европа,
Это понял наш государь.

Чужеземный камзол, коса ли...
Может, это с большой тоски?
Для великих дел подрастали
Молодые его полки.

Ну, какого ещё вам беса!
Нет и не было им цены,
Этим воинам политеса,
Этим труженикам войны.

Осиянные вечной славой,
Не щадя животов своих,
Били шведов и под Полтавой,
И на Балтике били их.

И сошли с пьедестала шведы...
Под восторженное «Виват!»
Пётр выковывал дух победы,
Дух Отчизны в сердцах солдат.

Пусть и ноги до крови стёрты,
Но была нерушимой связь:
Императорские ботфорты
Вместе с ними месили грязь.

Взяли всё, что когда-то сдали,
Выпив пламенное вино.
Одолели столько баталий,
Прорубили своё окно.

Это их потомки былинно
Силе траурной вопреки
До Парижа и до Берлина
Пронесут сквозь огонь штывки.

Чтобы вновь из седого пепла
Встали веси и города.
Чтоб Россия цвела и крепла
И всегда была молода.

Церквей шеломы золотые

Растут, растут по всей России
От гор, равнин и до морей
Церквей шеломы золотые,
Святая твердь монастырей.

И если все их цепким взором
В одно единое собрать,
Узрим, как строится собором
У нас архангельская рать.

Не ведаем, какие сечи
Возьмут нас снова в оборот,
Но чем молитвенней,
тем крепче,
Несокрушимее народ.

***

*В Горненском монастыре на территории
Израиля выставлен крест IV века, на котором
написано: «Сила не в силе, сила в любви».*

Ты уповаешь на силу свою,
Думаешь: силой всё возьмёшь.
Друг мой хороший,
не утаю:

В этой бравате кроется ложь.
Ты обмануть себя не вели.
Сильный был слабым не раз сражён.
Сила – не в силе,
сила – в любви.
Это известно с древних времён.

Может быть, мы и остались людьми
Лишь потому, что изведали вдруг:
Сила – не в силе,
сила – в любви,
В радости встреч, в печали разлук.

Шествует век, и в огне и в крови,
Тяжко от ядерных бомб и ракет.
«Сила – не в силе,
сила – в любви!» –
Каждому знать бы этот завет.

ЮБИЛЕЙ

Николай ГОЛОВКИН

**К 125-летию со дня рождения
классика русской литературы,
«последнего романтика XX века»
Константина Георгиевича Паустовского
(1892-1968)**

«Поэт, распятый на кресте прозы»

*Истинная любовь к своей стране
не мыслима без любви к своему языку.
Человек, равнодушный к родному языку – дикарь.
Он вредоносен по своей сути, потому что
его безразличие к языку объясняется полнейшим
безразличием к прошлому, настоящему и
будущему своего народа...*

Константин Паустовский

*Творчество Паустовского само по себе
есть проявление огромной, неистребимой любви
к русской земле, к русской природе...*

Владимир Солоухин

«Думаю, Ваш удел, Ваша настоящая поэзия – в прозе...»

Тончайший стилист, мастер чеканной прозы, Иван Алексеевич Бунин, как утверждают критики, был очень скуп на похвалы.

В 1947 году Паустовский неожиданно получил письмо от того, кого никогда не переставал считать своим любимым учителем. Штемпель на конверте – парижский:

«Дорогой брат, я прочитал Ваш рассказ «Корчма на Брагинке» и хочу Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа («под занавес»), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго. Ив. Бунин. 15.09.47».

Паустовского и Бунина, увы, разделила Октябрьская революция. Как же попало на глаза Бунину, который незамедлительно отозвался добрым словом, это произведение Паустовского?! До Парижа, как оказалось, дошёл журнал «Вокруг света», популярный не только у нас, в Советском

Николай Алексеевич Головкин – поэт, эссеист, публицист. Член Союза писателей России. Член Международного клуба православных литераторов «Омилия» (Украина). Родился 4 ноября 1954 г. в Ашхабаде (Туркмения) в семье потомственных москвичей. Литературной деятельностью занимается с 1968 г. В 1977 г. окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Автор книг: «Поэтическое излучение» (стихи, 1994), «Свет в конце тоннеля» (стихи, эссе, рассказы, 1999), «Иванчай. Диалоги о России» (публицистика, эссе, рассказы, 2005), «Февральская лазурь» (стихи, 2010), «Троицкий иконописец» (эссе, рассказы, 2010), «Рябина» (стихи и поэма, 2013).

Живёт в Москве.

Киев. Гимназист Константин Паустовский

Союзе, но и на Западе. В этом журнале, ещё до выхода в свет первой книги автобиографической повести Паустовского «Повесть о жизни», была напечатана одна из её глав – «**Корчма на Брагинке**».

А тридцать лет назад, в переломном для России 1917-м, Костя Паустовский осмелился послать на отзыв самому Бунину, которого читала вся Россия, 19 стихотворений. Тогда он видел себя именно поэтом.

И Иван Алексеевич ответил неизвестному молодому автору, причём ответил на удивление быстро. В его письме были слова, которые могли обидеть, но, к счастью, не обидели его будущего «дорогого собрата»: «*Думаю, Ваш удел, Ваша настоящая поэзия – в прозе...*».

Так сбылось предсказание Бунина, обладающего редкой прозорливостью и чутьём: поэзией Паустовского стала его проза.

Благодаря величайшему дару человеческого сознания – поэтическому восприятию действительности, проза Паустовского, выдающегося мастера лирической прозы, наделена романтикой и по праву называется «поэзией в прозе».

Он стал, по образному выражению другого своего старшего современника Михаила Михайловича Пришвина, – «*поэтом, распятым на кресте прозы*».

«Муза дальних странствий»

Каждый год в день рождения Паустовского на его могиле в Тарусе появляется корзина с еловыми шишками. Одна из лучших лирических новелл писателя о встрече в лесу знаменитого композитора Эдварда Грига с девочкой Дагни, дочерью лесника, так и называется «**Корзина с еловыми шишками**». Эта новелла, как и всё творчество писателя, наполнена музыкой

и красотой, чистотой и радостью, и открывает перед нами «*то прекрасное, чем должен жить человек*».

...Константин Георгиевич Паустовский родился в Москве в последний день весны 1892 года.

Семья Константина Георгиевича часто переезжала. В детстве и юности он жил и в Киеве, и в других городах Малороссии и центральной России, возвращался в Москву, и вновь жизненные обстоятельства звали его в дорогу. Менял профессии, очарованный «музой дальних странствий», набирался впечатлений, которые потом оченьгодились на писательской стезе.

Когда Паустовский стал журналистом и писателем, география его поездок ещё больше расширилась – он объездил почти весь Советский Союз, позже, уже хорошо известный за рубежами Отечества, бывал во Франции и Италии, Англии и Болгарии...

«...Почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга...», – напишет писатель в своей автобиографии.

Паустовский – автор произведений разных жанров: романы, повести, пьесы, очерки, сказки, эссе, статьи... Однако в любви чаще всего писатель признавался к небольшому по объёму, но нелёгкому жанру – жанру рассказа.

В его творчестве именно рассказу принадлежит центральное место (да и крупные произведения у писателя построены по мозаичному принципу!). Константин Георгиевич добился здесь особенно больших успехов, блестяще продолжая традиции в этом жанре И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, других мастеров русского классического рассказа.

Феномен Паустовского

Главным умением и достоинством писателя, по мысли Паустовского, было «*искусство видеть мир*».

Вдохновение неизменно дарил ему природа. Но завораживающие её описания в его произведениях – вовсе не самоцель для мастера. Через состояние природы Паустовский всегда пытался объяснить самое сокровенное в человеке – состояние души.

Именно так, по мнению Константина Георгиевича, можно было воспеть национальный характер, раскрыть мировоззрение, показать богатства родного языка.

Он не раз возвращается к мысли о том, что «*образность и волшебность (по словам Тургенева) русского языка неуловимым образом связаны с природой, с бормотанием родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдалённой песней девушек в лугах и тянущим издали дымком от костра...*».

Писатель видел основную цель своей работы в сохранении и приумножении богатств родного языка, а потом преподносил их как дар своему читателю.

Ему было доступно знание огромных возможностей слова, умение вскрывать нетронутые языковые богатства, почувствовать и передать поэзию, щедро рассеянную вокруг нас.

Паустовский считал, что «*многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск*».

Тонкий ценитель прекрасного в природе, людях, искусстве, писатель избрал это постоянным объектом своего внимания.

Мастер был убеждён, что существовала прямая связь между красотой русской земли и одарённостью её народа, богатством и силой русского языка и искусства.

Главное в пейзажах Паустовского – лиризм. Он вызывает в читателях живое ответное чувство. Константин Георгиевич мастерски владеет словом, чувствуя все его обертоны, краски и оттенки (во многом благодаря эпитетам!). Именно это, несомненно, даёт нам возможность представить изображённое почти как реальное.

«Обойдённый» всеми государственными премиями и наградами, «доктор Пауст» (так некогда первым назвал Константина Георгиевича Эммануил Казакевич по аллюзии с легендарным героем Гёте) и как потом мастера нередко называли другие – и коллеги, и ученики в Литературном институте, и читатели!), тем не менее, стал поистине живым классиком.

Что же породило феномен Паустовского?!

В 1960-е для многих советских читателей, на которых не действовали «идеологические инъекции», Константин Георгиевич был не только мастером слова, но и, что, безусловно, так важно в писателе – эталоном порядочности.

Когда в 1963 году в Советском Союзе проводился опрос о самом читаемом в нашей стране писателе, таковым, к радости его почитателей, был назван Паустовский.

Незаметно из выдающегося русского писателя, жившего в советскую эпоху, Паустовский стал величиной европейской и мировой культуры.

Поэтому и этот юбилей, верю, не пройдёт незаметно. И в нашем Отечестве, и за его рубежами.

«Вторая родина»

К югу от Москвы, на стыке трёх областей – Владимирской, Московской и Рязанской, раскинулся такой притягательный, по словам писателя, край лесов, озёр и тихих речек.

Эту удивительную страну Мещёру, которую он открыл, Паустовский называл своей второй родиной. Сюда писатель приехал впервые в 1930 году. Здесь он жил и работал (с перерывами, один или с друзьями-писателями – А. Гайдаром, Р. Фраерманом и др.) больше двадцати лет.

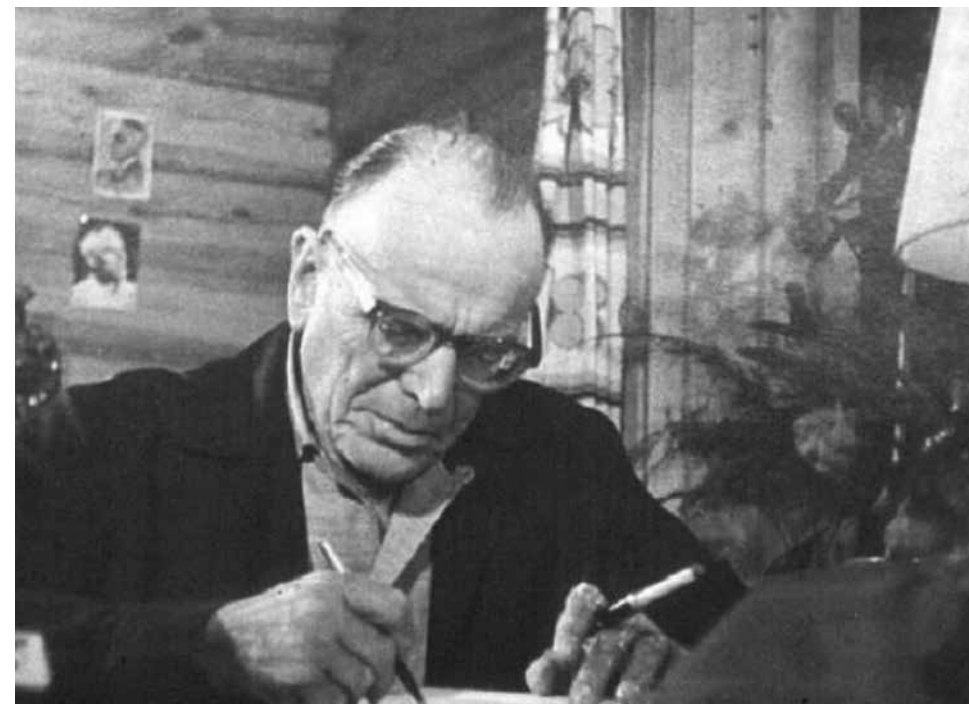
В Мещёре было всё, что привлекало писателя с самого детства, – «...лучшие леса, озёра, извилистые лесные реки, болота, заброшенные дороги и даже постоялые дворы».

Здесь, по словам Константина Георгиевича, он прикоснулся к народной жизни, к чистейшим истокам русского языка.

«Самое большое, простое и бесхитростное счастье я нашёл в лесном Мещёрском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряжённого труда. Средней России – и только ей – я обязан большинством написанных мною вещей», – признавался Паустовский.

После публикации в 1939 году повести «Мещёрская сторона», которую высоко оценила критика, Паустовского стали называть «лучшим пейзажистом в современной литературе».

Так, Александр Роскин считал:

Константин Паустовский в рабочем кабинете

«Многие произведения Паустовского – произведения живописи. Их можно было бы вешать на стену, если бы только для подобных картин существовали рамы и гвозди».

И действительно, пейзажи в «Мещёрской стороне» в пору сравнивать с классическими образцами, в том числе с Левитаном, во многом благодаря творчеству которого Паустовский «живописал словом, как кистью»:

«Путь в лесах – это километры тишины и безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие масляки, облепленные хвоей, жёсткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки».

«Крупинки золотой пыли...»

«Всегда следует стремиться к прекрасному» – этими словами Оноре Бальзака Константин Георгиевич предваряет «Золотую розу», одну из самых своих знаменитых книг, которой зачитывались и многие советские интеллектуалы разного возраста и профессий, и школьники моего поколения, раздумывающие о выборе жизненного пути.

И этот девиз «последний романтик XX века», который зовёт нас в удивительный мир, пронёс через всё творчество.

Мир Паустовского – мир, где в ручьях плещется горная форель, раз в сто лет расцветают зимой сады, сказочники роняют слова добрых предсказаний случайным спутницам в ночных дилижансах... В этом мире не гремят выстрелы и не идут войны.

Полноправный герой **«Золотой розы»**, как и других книг писателя, – природа:

«Пейзаж – не привеска к прозе и не украшение... Природу надо любить, и эта любовь, как и всякая любовь, найдёт верные пути, чтобы себя выразить с наибольшей силой».

Своеобразной «увертюрой» к **«Золотой розе»** стал рассказ-притча **«Драгоценная пыль»**.

Получив в одном из колониальных походов тяжёлое ранение, Шамет, бывший солдат, возвращается домой, во Францию. Да не один, а с очаровательной крошкой Сюзанной, с которой очень сдружился во время долгого пути на родину. Его бывший полковой командир попросил отвезти к тётке дочку – он воспитывал её один, без жены.

Неожиданно незамысловатая солдатская байка о золотой розе, которую Шамет рассказал Сюзанне и которая, по народной молве, приносит счастье, стала смыслом дальнейшей жизни двух этих столь разных людей. Оба поверили в сказку!

Григ в новелле Паустовского **«Корзина с еловыми шишками»** подарил дочери лесника Дагни к её совершеннолетию волшебную музыку.

Жан Шамет, который стал парижским мусорщиком, многие годы изо дня в день кропотливо собирает и просеивает пыль, собранную им в ювелирной лавке. И всё для того, чтобы сделать счастливой Сюзанну.

В конце концов Шамет смог из ювелирной пыли добыть крупинки золота, а затем отлить из драгоценного металла розу.

Так кропотливо, вдумчиво работал и мастер лирической, философской прозы Паустовский:

«...Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутливая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же, как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, – всё это крупинки золотой пыли. Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою "золотую розу" – повесть, роман или поэму».

«Золотая роза» – книга о писательском труде (и не только!).

По слову Паустовского, *«...книга эта не является ни теоретическим исследованием, ни тем более руководством. Это просто заметки о моём понимании писательства и моём опыте».*

Тема литературы и искусства рано вошла в творчество Константина Георгиевича.

И Максимов в **«Романтиках»**, и Берг в **«Блистающих облаках»**, и Гарт в **«Чёрном море»**, как мы видим, поглощены размышлениями о литературе, судьбе писателя и его ответственности перед своим талантом.

Рядом с ними – созданные Паустовским в биографических повестях образы Лермонтова, Кипренского, Левитана... Да, они, возможно, субъективны: показаны такими, какими видит их автор. Но эти образы – живые, яркие, запоминающиеся, поэтому и ныне привлекают внимание читателей.

Настоятельной потребностью собрать воедино, как *«крупинки золотой пыли»*, мысли о творчестве и поделиться этим неисчерпаемым богатством с читателями и была рождена **«Золотая роза»**.

Ярко проявляется здесь гражданская позиция автора:

«Голос совести, вера в будущее не позволяют подлинному писателю жить на земле, как пустоцвет, и не передать с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого».

«Повесть о жизни»

В одном из главных произведений мастера – автобиографической **«Повесть о жизни»** он осмысливает не только свою судьбу писателя, но и переломные для нашей страны события вековой давности – Февральскую и Октябрьскую революции...

Революционные события застали москвича, начинающего журналиста Костю Паустовского в Первопрестольной.

Символично, что спустя годы, после Великой Отечественной, Константин Георгиевич, писатель уже широко известный в нашей стране, будет работать над **«Повестью о жизни»** в Крыму.

Именно отсюда после трагического противостояния в годы Гражданской войны, так же как и русские революции ярко описанной в «Повести», многие наши соотечественники отправятся в эмиграцию.

Паустовский искренне объясняет, почему остался в стране, раздираемой Гражданской войной:

«Это – дело совести. Я считаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ...».

Выразительные названия шести частей **«Повести о жизни»** – **«Далёкие годы»** (1946), **«Беспокойная юность»** (1954), **«Начало неведомого века»** (1956), **«Время больших ожиданий»** (1958), **«Бросок на юг»** (1959–1960), **«Книга скитаний»** (1963) – помогают нам, читателям, представить, как складывалась жизнь Константина Георгиевича, его писательская судьба на тернистых дорогах-этапах отечественной истории.

«Без чувства своей страны – особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи – нет настоящего человеческого характера. В те годы, во время моей службы на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки» (**«Беспокойная юность»**).

Осенью 1917 года мать и сестра Паустовского жили на хуторе Копань под Чернобылем, куда он и отправился.

«Я ехал через Киев. Он, так же, как и Москва, ключом кипел на митингах. Только вместо "долой!" и "ура!" здесь кричали "геть!" и "слава!", а вместо марсельезы пели "Заповіт" Шевченко и "Ще не вмерла Україна"...» (**«Начало неведомого века»**).

«Скитальчество – это не болезнь, не страсть – это высшее и кристальнейшее выражение большой человеческой тоски по далёкому, по загаданному, по жизни, оваянной свежими ветрами, многогранной, ликующей, в которой поёт каждый миг, каждая почти не заметная минута...» (**«Книга скитаний»**).

Страсть к скитаниям, путешествиям сохранится у писателя до последнего вздоха.

Своей исповедальностью **«Повесть о жизни»** близка к таким произведениям русской литературы, как **«Жизнь Арсеньева»** И.А. Бунина или, скажем, **«Детство»**, **«В людях»**, **«Мои университеты»** А.М. Горького.

В **«Беспокойной юности»** Паустовский определил цель и смысл своей деятельности кратко и точно – найти отзыв в душе читателя:

К.Г. Паустовский на Южном фронте. 1941 г.

«В каждом сердце есть струна. Она обязательно отзовется даже на слабый призыв прекрасного».

Все его книги, как камертон, настроены на эту «струну».

«Повесть о жизни» была номинирована на Нобелевскую премию.

Не сложилось!

Премия была вручена не Паустовскому, а Шолохову...

Итак, к концу 1960-х Константин Георгиевич выпустил уже шесть книг «Повести о жизни». Хотел продолжать работу дальше, но...

Мы так и не увидели новых книг, где могли бы прочесть о путях-перепутьях писателя в годы Великой Отечественной, об «оттепели», альманахе «Тарусские страницы», заграничных поездках – да мало ли о чём ещё важном и интересном, на что «Муза дальних странствий» вдохновляла «доктора Пауста».

Дневники

Опубликованные в 2005 году дневники писателя начала XX века открыли для нас доселе потаённое.

Не будем из них выщипывать мотивы, созвучные «Окайным дням» Бунина, писателя-эмигранта. Они в переломную эпоху в ранних дневниках Паустовского тоже встречаются, но в целом не это определяет их общий тон.

Вот один из примеров – из одесского дневника Паустовского (декабрь 1920 года):

«Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому я – художник. Я остро чувствую краски и настроения дней, хотя близорук. И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краска на холст, и вся моя мысль – в этих тонах... золотеющих, насыщенных».

внутренней теплотой... Я мыслю сердцем. Может быть, потому так быстро сгорает жизнь... Поэтому я вряд ли создам что-нибудь дельное. Но я могу написать несколько прекрасных строк о свете лампадок и вечернем чае в тёплой, уютной столовой...».

Очарованный Тавридой

Паустовский и Крым... Судьба тесно связала писателя с этим великим «кораблём-полуостровом», который в нынешнем году отмечает третью «Русскую Весну» – возвращение в родную гавань.

«Прелесть крымской земли, – писал Константин Георгиевич, – раскрывается для иных медленно, исподволь, но завладевает надолго, навсегда. И каждый, кто побывает в Крыму, уносит с собой после расставания с ним сожаление и лёгкую печаль, какую вызывает воспоминание о детстве и надежду ещё раз увидеть эту полуденную землю».

Эта древняя земля помнила греков и русских, помнила апостола Андрея Первозванного, великого князя Владимира, адмирала Ушакова, помнила мастеров русской словесности Пушкина, Льва Толстого, Чехова, Куприна, Короленко, Вересаева, Бунина, Шмелёва, Цветаеву, Горького, Грина, Волошина...

Очарованный легендарной Тавридой, Константин Георгиевич искал здесь «покоя, размышлений и поэзии».

Паустовский признавался:

«Я понял, как прекрасна эта земля, омытая одним из самых праздничных морей земного шара...».

Следуя любимому девизу – «Жить нужно, странствуя», Константин Георгиевич в разные годы вновь и вновь приезжает в Крым.

...Впервые он оказался на «райской крымской земле» в четырнадцать лет.

Свои детские воспоминания об этой поездке писатель описал в «Повести о жизни» (книга «Далёкие годы», глава «Пустынная Таврида»):

«...После Ялты с её пышной набережной Алушта показалась мне скучной. Мы поселились на окраине, за Стахеевской набережной».

Каменистая земля, пахучие заросли туи, пустое море и далёкие Судакские горы – вот всё, что окружало нас в Алуште. Больше в Алуште ничего не было. Но и этого было достаточно, чтобы я постепенно примирился с Алуштой и полюбил её...».

Спустя годы, в 1924-м, молодой писатель Паустовский в рассказе «Лихорадка» так изобразит Алушту:

«...В Крыму Миронов жил около Алушты в пустынной даче на берегу».

Был сентябрь. Желтели магнолии, на коричневых сухих виноградниках весь день лаяли привязанные у шалашей собаки. Доносились гортанные голоса сторожей, и снова в осенней тишине, в неторопливых днях блистало море, шуршали на пляже крабы, и ржавые водоросли путались в ногах. Вода стала жгучей и крепкой, как йод...».

...Во время Первой мировой, в 1916-м Паустовскому второй раз довелось побывать в Крыму. Он посещает Бахчисарайский дворец, осматривает Чатыр-Даг, Чуфут-Кале.

Тогда же, в Крыму, Паустовский начинает писать свой первый роман «Романтики», работа над которым продолжалась почти 20 лет. «Романтики» были опубликованы лишь в 1935-м.

Основной мотив этого романа – судьба художника, который стремится преодолеть одиночество, – впоследствии встречался во многих произведениях Константина Георгиевича.

...В 1933–1934 годах Паустовский живёт в Севастополе, собирает материал для книги о Крыме, его истории, природе, быте. В 1936 году работа над повестью «**Чёрное море**» была завершена.

О Севастополе, куда он хотел даже переехать и поработать сторожем в Херсонесе, Константин Георгиевич написал и произнёс великое множество возвышенных и вдохновенных слов.

Так, в «**Беспокойной юности**» его «**Повести о жизни**» читаем:

«Мне пришлось видеть много городов, но лучшего города, чем Севастополь, я не знаю...».

...На несколько лет тихим пристанищем Паустовского стал Старый Крым, где в 2005 году открыт музей писателя.

Теперь ежегодно, в последнее воскресенье мая романтики из разных «городов и весей» собираются здесь на свой слёт «**Соранг**» – так называется один из рассказов писателя, написанный в 1932 году.

В нынешнем, юбилейном году в Доме-музее Паустовского, как и по всему Крыму (да и по всей России широко празднуется эта дата!), проводится и много других интересных встреч, мероприятий.

Именно в Старом Крыму, по утверждению Константина Георгиевича, он нашёл «*место, где хотелось остановить время, чтобы не терять ощущение молодости*».

В Старый Крым его привело в 1934 году (впервые!) желание поклониться могиле Александра Грина, увидеть его домик, помочь вдове писателя Нине Николаевне.

Они много лет переписывались. Вот отрывок одного из писем Константина Георгиевича к Нине Николаевне:

«...Может быть, ещё попаду в Старый Крым, – для меня этот городок полон какой-то особой привлекательности после того, как в нём жил Александр Степанович...».

Этот писатель-романтик оказал сильное влияние на формирование духовного мира молодого Паустовского. Именно ему Нина Николаевна с полным доверием передала все архивы мужа.

...Год спустя, летом 1935 года, Паустовский второй раз приезжает в Старый Крым. В то время он работал над версткой повести «**Чёрное море**».

Главы «**Сказочник**», посвящённая Александру Грину и месту его последнего приюта, и «**Горная роса**» повести «**Чёрное море**», создавались под впечатлением поездок в Старый Крым в 1934–1935 годы. С 1936 года Константин Георгиевич участвовал в спасении домика Грина в Старом Крыму.

Интересно, что и прообразом главного героя «**Чёрного моря**» писателя Гарта (наряду с главами, непосредственно посвящёнными Грину!), по мнению некоторых критиков, стал опять-таки Грин.

Однако Н.Н. Грин придерживалась несколько иного мнения. Гарт, по её словам, – это синтез фигур Грина и Паустовского.

Более продолжительным было пребывание Константина Георгиевича в Старом Крыму в 1938 году. Здесь он провёл май–июль. Тогда, в мае 1938 года, он писал:

«Весь Старый Крым в цвету, в распустившихся орехах и каштанах... неправдоподобный воздух, очень душистый, мягкий и прозрачный. Здесь очень хорошо работать в саду».

...В 1950 году Грин, уже посмертно, обвинялся советской критикой в «буржуазном космополитизме».

Однако в 1956 году, усилиями Константина Паустовского и Юрия Олеши, романтик был возвращён в литературу, и сразу его произведения стали издаваться миллионными тиражами, переводиться, с огромной скоростью распространяясь в мире.

Вспоминаются широко известные слова Константина Георгиевича:

«Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе “Алые паруса”, то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству».

В своей статье «**Жизнь Александра Грина**» Паустовский писал:

«... Грин создал в своих книгах мир весёлых и смелых людей, прекрасную землю, полную душистых зарослей и солнца, – землю, не нанесённую на карту, и удивительные события, кружащие голову, как глоток вина. Мир, в котором живут герои Грина, может показаться нереальным только человеку нищему духом. Тот, кто испытал лёгкое головокружение от первого же глотка солёного и тёплого воздуха морских побережий, сразу почувствует подлинность гриновского пейзажа, широкое дыхание гриновских стран».

...В творчестве писателя нашла отражение тема Великой Отечественной войны. Суровым испытаниям, выпавшим на долю крымской земли и её защитников, посвящены рассказы «**Бриз**», «**Снег**», «**Робкое сердце**»...

Крым вдохновил мастера лирической прозы и на написание рассказов «**Умолкнувший звук**», «**Встреча**», «**Черноморское солнце**», «**Песчинка**», «**Морская прививка**», «**Парусный мастер**», «**Синева**»...

«Восточный Крым был полон цветения и тишины. Это была особая замкнутая страна, не похожая на все остальные части Крыма...», – писал Паустовский в рассказе «Синева».

Если вспомнить другие произведения Паустовского, тесно связанные с Крымом, то мы видим, что крымскими мотивами наполнены не только повесть «**Чёрное море**», но и романы «**Дым отечества**», «**Блестающие облака**».

...Дом творчества писателей имени А.П. Чехова в Ялте – одно из любимых мест Паустовского в Крыму. В 1935–1936 годах, а затем после Великой Отечественной Константин Георгиевич здесь частый гость.

В основе его рассказов «**Заметки об Александре Малышкине, Аркадии Гайдаре**», «**Потерянный день**», «**Горсть крымской земли**» и других – впечатления от некоторых из ялтинских встреч и бесед со своими коллегами, друзьями, с кем довелось вместе отдыхать и работать.

В рассказе «**Заметки об Александре Малышкине, Аркадии Гайдаре**» есть такой любопытный эпизод:

«Поздней осенью 1936 года я приехал в Ялту и застал там Малышкина. Был вечер, но на следующий день ранним утром Малышкин разбудил меня и повёл в горы – такова, говорил он, была придуманная им традиция – водить всех только что приехавших в горы».

Паустовский запомнил «*сине влажное утро*», которое «*с трудом пробиралось сквозь осенний туман. Жёлтые дубовые заросли стояли в росе...*».

Малышкин, по словам Паустовского, «*...следил за выражением моего лица и вдруг засмеялся – он был рад, что ему удалось ещё одному человеку показать этот утренний мир. В эту минуту он был проводником по прекрасному, он приобщал меня к этой приморской осени и был счастлив, что*

Фото Паустовского с автографом.
Ялта

и это робкое солнце, и горы, и терпкий воздух, и гул невидимого прибора, бывшего в берега, что всё это до меня “дошло”, что ещё одному человеку он смог передать хотя бы частицу тех чистых и ясных представлений, какими он жил в те дни».

В рассказе «Горсть крымской земли» Паустовский вспоминает, как зимой 1935 года они гуляли с Владимиром Луговским по пустынной Массандровской улице в Ялте (он её очень любил!), разговаривали о поэзии, как поэт написал стихотворение о листике клёна:

«...Было пасмурно, тепло, дул ветер. Обгоняя нас, бежали, шурия по мостовой, высохшие листья клёна. Они останавливались толпами на перекрёстках, как бы раздумывая, куда бежать дальше. Но пока они перешёптывались об этом, налетал ветер, завивал их в трескучий смерч и уносил...».

Да и сам этот рассказ Константина Георгиевича как стихотворение в прозе:

«...Ничто – ни лиловый пожар Эгейского моря, ни розовеющий мрамор и алые олеандры Эллады, ни синий сказочный воздух Сицилии, ни золотая тусклая дымка над бессмертным Парижем, – ничто не только не может приглушить нашу память о своей стране, но, наоборот, доводит её до почти болезненной остроты...».

...В 1939 году, находясь в Ялте, писатель записал в дневнике:

«Самое тяжёлое в наши дни – это стремительный рост пошлости».

Легко представить, какой была бы его реакция ныне!

...А вот что вспоминает о ялтинских встречах с Паустовским Александр Бек:

«Записи, с которыми я решаюсь познакомить читателя, относятся к весне 1960 года. Несколько недель я прожил в Ялте, в Доме творчества писателей, бок о бок с Константином Георгиевичем. И завёл тетрадь, которую впоследствии озаглавил “Месяц с Паустовским”.

<...> Его суть – зоркость и выдумка. Но выдумка реалистична. Огромное знание и на этой основе выдумка.

Клочок разговора:

Семён Гехт:

– Вот я поймал ту секунду, когда к правде прибавляется выдумка.

Я:

– Такая секунда бывает и у Паустовского.

Паустовский:

– Да, бывает. – Помолчав. – И если уж сорвёшься, то не остановишься.

...Индюк – одно из выражений Паустовского. Это о тех, кто чванливы и глупы, как индюки.

...Вечер проводов “Доктора Пауста” (такое прозвание ему дал Казакевич). Устная анкета.

– Константин Георгиевич, какое качество в человеке вы больше всего цените?

– Деликатность.

– То же о писателе?

– Верность себе и дерзость.

– Какое качество находите самым отвратительным?

– Индюк.

– А у писателя?

– Подлость. Торговля своим талантом.

– Какой недостаток считаете прощательным?

– Чрезмерное воображение.

– Напутствие-афоризм молодому писателю?

– «Останься прост, беседуя с царями. Останься честен, говоря с толпой».

...Не напрасно читатели всех возрастов так любят Константина Паустовского – тонкого, сильного художника, обаятельного человека, в каждом произведении которого живёт зов к будущему».

...В декабре 1966 года в Ялте Константин Георгиевич написал рассказ «Дорога Генриха Гейне», где вновь, как и в 1939-м, даёт бой пошлости, бой всему, что ненавистно – против идеалов мира и добра:

«...Пошлость обладает могучим свойством проникать под самые крепкие черепные коробки и разрастаться в ядовитые лишай. Чем дальше, тем больше пошлость затопляет землю мутными волнами.

Пошлость – удел недалёких и самодовольных людей.

На Капри я встретился с явлением, которое было не только пошлостью, но и оскорблением всему расстилавшемуся вокруг прекраснейшему миру. Дело тоже было в названии. Но в каком!

<...> Остров пересекала с востока на запад – от гавани Марина-Гранде до гавани Марина-Пиккола – выбитая в скалах дорога.

<...> Дорога имени Крупна! Одного из величайших убийц, фабриканта “стальной смерти”, снесившей тысячи голов простым щелчком осколка...».

Паустовский, который не раз смотрел смерти в лицо, стал свидетелем двух революций 1917 года, участвовал в трёх войнах – Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной (был военным корреспондентом!), смело и открыто заявляет в конце рассказа о своей гуманистической позиции. Он предлагает спутникам, итальянцам и русским, которые тоже в ужасе от названия, вместо имени немца-убийцы дать дороге другое название – имя немца-поэта:

«...Мы решили назвать Дорогу именем Гейне за удивительные стихи, похожие на его искрящийся взгляд, <...> за его беспокойное сердце...».

Писатель, страдающий в последние годы жизни астмой, заявил о своей гуманистической позиции, тем не менее, во весь голос – с «высокой трибуны». Он опубликовал «Дорогу Генриха Гейне» в журнале «Вокруг света».

Последним произведением Константина Георгиевича, так уж видно было угодно судьбе, стал именно этот рассказ, написанный в Крыму.

Так Гейне, поэт-романтик XIX века, передал творческую эстафету Паустовскому, «последнему романтику XX века».

Сегодня, в эпоху подмен, расчеловечивания человека в человеке литература и искусство атакует постмодернизм.

А терроризм пытается окончательно взорвать хрупкий мир на планете и развязать Третью, а скорее уже Четвёртую мировую.

И всё же хочется верить, что новые, агрессивные «-измы» не одержат верх над старыми добрыми – романтизмом, реализмом, гуманизмом...

И не будет проложена новая «дорога Крупца». Поразив сердце!

Тарусские страницы...

Особое место в жизни и творчестве писателя наряду с Мещёрой и Крымом занимала и Таруса.

С этим тихим, маленьким приокским городком средней полосы России связаны его поэтические эссе и новеллы «Уснувший мальчик», «Городок на реке», «Избушка в лесу», «Наедине с осенью», «Ильинский омут»...

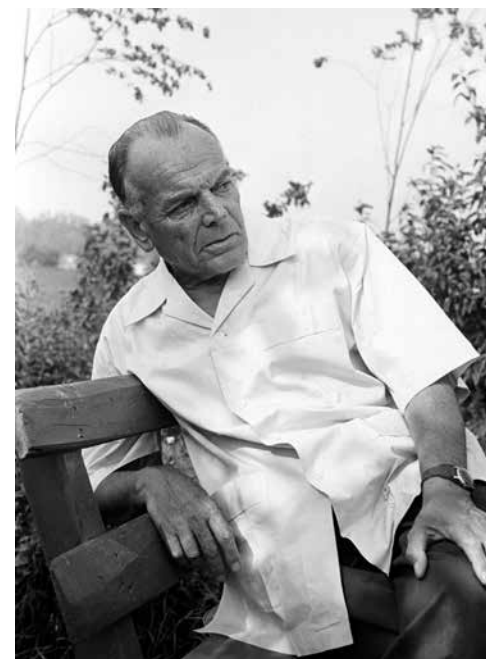
Константин Георгиевич обосновался здесь в середине прошлого века, в 1954-м, провёл 13 своих последних лет, творчески плодотворных, счастливых.

Паустовский приезжал сюда из суетной Москвы, жил с семьёй всё лето и работал порой до поздней осени, «до белых мух». Как гимн звучат слова писателя:

«Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску – на её скромных берегах я теперь часто и подолгу живу».

На Ильинском омуте

В Тарусе

В 1955-м было приобретено полдомика в небольшом тупичке (улица Пролетарская, дом 2) над крутым скатом к речке Таруске, потом к нему были сделаны пристройки.

Уже через несколько лет на пустыре, рядом с домиком радовал глаз настоящий сад. Здесь теперь открыт музей писателя.

В саду по-прежнему самозабвенно поют соловьи. Бывать здесь – волнующее душу наслаждение.

А вот и любимое место уединения мастера – беседка! Константин Георгиевич просыпался на заре, раньше всех, обходил сад, внимательно наклоняясь к каждому растению.

Затем он садился работать в беседке, чтобы не беспокоить спящий дом изматывающим кашлем. А когда просыпались домашние, то первым делом говорил жене:

«А ты знаешь, Таня, настурция сегодня расцвела...».

От дома Паустовского хорошо видна белая церковь в Бёхове на другом берегу Оки – рядом с нею похоронен великий русский художник Василий Дмитриевич Поленов.

...Отсюда, из «тарусской обители» писателя, можно отправиться вдоль берега Таруски к Ильинскому омуту, существовавшему на земле, вероятно, с незапамятных времён – новелла Паустовского сделала это место знаменитым на весь мир:

«Одно из неизвестных, но действительно великих мест в нашей природе находится всего в десяти километрах от бревенчатого дома, где я живу каждое лето. Я думаю, что слово “великий” применимо не только к событиям и людям, но и к некоторым местностям нашей страны, России... То место, о котором пойдёт рассказ, называется скромно, как и многие великоленные места в России: Ильинский омут... Оно не связано ни с какими

историческими событиями или знаменитыми людьми, а просто выражает сущность русской природы. В этом отношении оно, как принято говорить, «типично» и даже «классично».

Такие места действуют на сердце с неотразимой силой. Если бы не опасение, что меня изругают за слащавость, я сказал бы об этих местах, что они благостны, успокоительны и что в них есть нечто священное».

В «Ильинском омуте» Паустовский-художник так живописал открывшееся здесь его взгляду:

«Всё зависит от пытливости и от остроты глаза. Ведь всем известно, что в самой малой капле отражается калейдоскоп света и красок – вплоть до множества оттенков совершенно разного зелёного цвета в листьях бузины или в листьях черёмухи, липы или ольхи. Кстати, листья ольхи похожи на детские ладони – с их нежной припухлостью между тоненьких жилок».

Концовка этой новеллы стала хрестоматийной:

«...Нет, человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца!»

Писатель пользовался уважением и любовью местных жителей, стал первым почётным гражданином Тарусы. Он словно принял на себя негласное нравственное обязательство – заботиться об этом уголке русской земли.

Паустовский отдал много сил бытовому благоустройству калужской глубинки, сохранению исторического лица города.

Знаменитый альманах «Тарусские страницы», который он «пробил», и поныне – свидетельство свободомыслия и культурного возрождения милой его сердцу «глубинной России».

«Мы – потомки Пушкина...»

Писатель, долгая творческая жизнь которого не всегда была гладкой, скончался 14 июля 1968 года в Москве.

А за два года до кончины, тяжело болея и подводя итог, он – не без юмора! – скажет о своей жизни так: «смертельно интересна во всех своих аспектах».

Константин Георгиевич завещал похоронить его на городском кладбище в любимой Тарусе.

В день похорон, несмотря на то, что бушевала гроза, буквально весь город вышел на улицы проводить мастера в последний путь. На глазах людей были слёзы. Вот и небеса не сдержались – заплакали. Вся природа оплакивала своего певца.

«Петухи взлетели на крыши, приветствуя шествие своими возгласами, яростно размахивая пёстрыми крыльями, – вспоминала пианистка Мария Юдина, – куры клохтали, гуси гоготали в полном трансе, собаки, кошки носились промеж толпы, сиюсь постичь непостижимое событие... Похороны состоялись не только как всенародные, но и было в них истинное вселенское величие Руси, хоронила Паустовского – вся тварь... всё творение Божие...».

Место, где находится скромная могила Паустовского, было выбрано самим писателем. Отсюда, с высокого холма, окружённого деревьями с просветом на реку Таруску, он словно смотрит в вечность.

«Любимые всегда кажутся нам бессмертными», – утверждал Константин Георгиевич. К «доктору Паусту», по-прежнему одному из самых любимых и читаемых русских писателей, с полным правом можно отнести его слова о Чехове:

«...Он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком. Он знал, где лежит дорога к человеческому благородству, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой дороги».

...Наш мир, люди и события виделись Константину Георгиевичу сквозь воздух мечты и вечности. В то же время он смотрел на мир отнюдь не через розовые очки, многое сумел предугадать.

Паустовский – прививка от того нездорового, что начало укореняться в нашем обществе в «эпоху подмен», в трагические «нулевые».

Как тут не вспомнить его письмо-завещание, которое заканчивается большой душевной болью за будущее России:

«...мы жили на этой земле. Не давайте её в руки опустошителей, пошляков и невежд. Мы – потомки Пушкина, и с нас за это спросится».

Видел бы он нас сегодня!

А что, если, и вправду, видит?!

Простите нас, Константин Георгиевич!

...Огорчаетесь?

...Сердитесь?

...Жалеете?

...Хотите помочь? – И по-прежнему помогаете своим ярким, авторитетным писательским словом, не меркнувшим, как 31 мая, в день Вашего рождения, закат над Окой...

ПОЭЗИЯ

Константин СПАСКИЙ

Константин Николаевич Спасский – актёр театра и кино, поэт, журналист. Родился 17.08.1963 г. в Новосибирске. Служил в Советской Армии. Окончил Новосибирское театральное училище. Работал в Новосибирских драматических театрах. С 1997 г. артист московского театра Комедии, Государственного театра киноактёра. Снялся в 140 фильмах. Член МГО Союза Писателей России. Заместитель председателя Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры (МО РТСРК). Член правления Международной ассоциации писателей баталлистов и маринистов. Член Союза театральных деятелей России. Спецкор газет: «Московский вестник культуры», «Кино. Театр. Телевидение. Радио», «Вестник баталлистов и маринистов». Автор 15-ти поэтических сборников. Лауреат международных и всероссийских премий.

Живёт в Москве.

«Надо жить...»

Тема

Я брожу среди тем
Нерождённых поэм,
Выбирая свою.
Только тему мою
Кто-то выбрал давно.
И ему всё равно,
Что с прошествием лет
Я приблизил ответ
К абсолютному «да»,
К абсолютному «нет».
Что до тонкости я разобрал эту тему,
Что дыханием ночи наполню поэму
Один я,
Потому что ночные сады
Сохранили следы
Моих странствий с любимой,
Где любовь была мнимой,
Ибо наше сплетенье,
Как дуновенье,
Растворилось в былом.
Что же будет потом?

Если память отыщет всё это в глубинах,
То тогда на руинах,
В любое мгновенье,
Будет видно цветенье
Любви настоящей
И, как солнце, палящей...
Я пишу без помарок, строку за строкой,
И как будто совсем не слежу за рукой;
И слова, оживая, ложатся в строку,
И как будто я их никуда не влеку,
А влекут меня сами куда-то слова.
В эйфории кружится моя голова,
И от счастья былого теряется след.
Оказалось ничем абсолютное «нет»
И таким же ничем, абсолютное «да», –
Поиск темы моей приведёт в никуда.
Я брожу среди тем в тишине, в темноте,
Уличённый в преступной своей правоте,
Не постигший свободу
Своим тайнам в угоду,
Тайным тюрьмам-темницам,
Где любимые лица
Истомились до срока,
Ожидая пророка,
Ожидая прихода весны в декабре.
Я с тоской вспоминаю о давней поре,
Когда солнце томило средь трав и озёр.
И уже понимаю, что старость – позор.
И не нужно сейчас волновать забытьё,
Даже если оно троекратно твоё.
Надо жить от щедрот, будто знаешь свой час,
Но не знает об этом, преследуя нас,
Наша тема. И утром горячая кровь
Наполняет. И я сумасшествию вновь
Поддаюсь, и ищу во вчерашнем дыхании дня;
Тени живших вчера окликают меня.
Тени дружат со мной, будто я тоже тень,
Увлекая собой мой сегодняшний день,
Помогая искать, что ищу я давно.
Почему же мне стало тогда всё равно?
Я однажды случайно ступил за порог,
Где кончаются ленты спешащих дорог.
Там моя Беатриче ждала у окна,
И была она светом небесным полна,
И мечтала она о приходе моём,
Чтобы жизнь остальную прожить нам вдвоём.
Помешало тогда абсолютное «да»...
Я теперь не увижу её никогда.

Что за тема? И что за судьбы поворот?
 Сдан без боя надежды последний оплот,
 И съедает нутро омерзительный страх.
 Я рождён не убийцей! Но кровь на руках
 Проступает... и тянется след
 К абсолютному «да», абсолютному «нет».

Каждый шаг – это жребий, судьбы поворот.
 По истёртым ступеням в пугающий грот
 Я ступаю. Бьёт затхлость в лицо,
 Появилось на пальце стальное кольцо,
 И уже я обвенчан с сестрой сатаны,
 И знакомлюсь с роднёю с её стороны,
 Принимаю дары, и приветствую всех,
 Руки жму, и целуюсь, и пью за успех.
 Пот струится под фраком от страшной жары,
 Для чего мне нужны преисподней дары?
 И уже не по нраву мне солнечный свет.
 Но спешит мне на помощь кричащее «нет!».
 Исчезает кольцо, мои руки чисты.

В реку времени пали поэмы листы.
 Как чернила непрочны! И тают в воде
 Мои строчка за строчкой. К седой бороде
 Прилагается мудрость. Но это не в счёт,
 Если чувствуешь кожей, что кто-то идёт

За спиной, окликаая во мгле
 Свою тему. И кажется мне,
 Что всё то, что искалось когда-то с трудом,
 Тот, кто шествует сзади, присвоит потом,
 Как и я, поддаваясь соблазнам своим,
 Брал чужое. Мы вечно спешим,
 А затем, без чернил, но слезами строку
 Продолжаем писать. Я поэму влеку
 В бездну, где окончания нет.
 Детства друг дал когда-то мне дельный совет:
 Позабыть о соблазнах и жить не спеша.
 От накопленной боли страдает душа
 И желает свершить свой последний полёт.
 Только Бог мою душу никак не возьмёт,
 День и ночь заставляя кружить среди тем,
 И учиться для истины жертвовать всем,
 Что покажется более важным. Пусть срок
 Не назначен! И спящий пророк
 Оставляет меня на земле одного.
 Я потом все ответы спрошу у него,
 А сейчас я пишу – за строкою строка,
 И едва успевает за мыслью рука.

Априори

Жизнь мала, если в радость,
 И длинна, если пытка.
 А добытая старость –
 Для смирений избытка.

Как бывают похожи
 Дней безликие мимы,
 Беспощадные стужи,
 Бесконечные мимы.

Но пока я в фаворе.
 И живу я безопасно.
 Жизнь мала – априори!
 И прекрасна, конечно!

Всё замело

Всё замело! И всё метёт! Куда снежнее?
 Судьбой назначено любить тебя нежнее.
 Назначено тебя любить и быть любимым.
 И, если очень повезёт, неповторимым.
 И целой жизнью доказать –
 твой выбор верен.
 А то, что стал я твой навек, давно уверен.

Дева-королева

Улыбкой робкою пленён
 И нежной думой утомлён,
 Испробовав любовный мёд,
 Принц за принцессой шёл вперёд.

С упорством юности счастливой
 И верой непоколебимой,
 Что жизнь его – всего-то миг,
 Что жизни он вершин достиг,
 И что фантазиям стремленье
 Даёт небесное вельенье!

Дай Бог! И пусть он слишком юн.
 Ему в достатке будет лун.
 И праведной пусть будет дева, –
 Стране и сердцу королева!

Чопорный ход

Совершается времени чопорный ход.
И как будто не зря продлевается род.
Так зачем доставать из колодца веков
Правды той, что опять обойдёт дураков.

Безуспешна в потугах учёная рать,
Чтобы знаний плебеям об истине дать.
Но как просто обман возвести в абсолют.
Чернь уже лицезреет фальшивый салют.

И в безумном веселье, круша всё вокруг,
Сохраняет пред силой пещерный испуг.
И злорадствуя, топчет могилы отцов,
Продолжая с успехом плодить подлецов...

Неужели об этом писать мой роман?
Я, конечно, раскрою огромный обман!
Но зачем доставать из колодца веков
Правды той, что опять обойдёт дураков!?

Венец

Мой романтический настрой,
Как конь, уходит на постой.
И перед сном жуёт свой корм,
В пределах заданности норм.
Быть может, завтра солнца зной
Сюжет подарит мне иной,
А ложь укажет правый путь.
Я оправдаюсь как-нибудь,
Когда уже придёт успех,
И будет грех вранья – не грех.
Когда примерю свой венец,
Я стану честным, наконец!

Курьёз

В сердце пустоты всепонимания.
Много разумности, много старания.
Много медовости, много готовности.
И много, как будто, изысканной томности.

Притворство небрежно и малоискусно.
Как это видно. И как это грустно.
Чем можно заполнить свиданий пустоты?
Я до сих пор не узнал тебя. Кто ты?

Впрочем, не важно. Уже расставанье.
Завтра другое найдёшь ты призванье.
А всё, что случилось – любовный курьёз,
Случайно разбивший мне сердце всерьёз.

Надежда о восторженности

Перебирать воспоминания
И пересматривать альбомы –
Пока ненужные старания.
Мы с прошлым будто незнакомы.

Былое вовсе мне не тягостно.
Несётся время пусть стремительно.
Нам в жизни было чаще радостно.
Лишь невозвратность удивительна.

Я всё живу. И живы многие.
И смерть – скорее дело случая.
Жизнь пишет нам законы строгие,
Но мы полны благополучия.

Случится с нами, что положено.
Бог наши нам зачтёт старания.
Надеюсь, будем мы восторженно
Перебирать воспоминания.

Ромео

Ромео выдохся печальный.
Он путь измерил изначальный
Угрюмым взглядом.
Где Джульетта?
Кинжала рукоять согрета
Теплом ладони.
Мысли влажны.
В ночь рассуждения не важны,
Но важен выбор –
Смерть с любимой!
Хвала любви непобедимой!
Хвала истории Шекспира!
Дай Бог всем вам
Добра и мира!

Ах, сирень!

Надышался сиренью! И будто бы пьян,
Я всё утро хожу средь зелёных полян.
Неприкаян. Влюблён. И, конечно, слезлив
В этот радостный летний волнений прилив.

Ах! Да что же случилось такое со мной!?
Не могу я тебя обойти стороной,
Чтобы сердце своё не терзать всякий раз,
Окунаясь в сияние чистое глаз.

Зацелую родную! Я нынче ж готов
Засылать к тебе в дом торопливых сватов.
Не хочу я тебя обходить стороной!
Ах, сирень! Что за счастье случилось со мной!

Летний пляж

Сбегают лето впопыхах в иные сферы.
И солнечным последним дням уже нет веры.
Во всеоружии ветра нагрянут скоро.
И разноцветный понесут по свету ворох
Любовей пылких и разлук, и свадеб даже,
Оставив прошлое навек на летнем пляже.
И я, конечно, попаду в своё круженье.
И в лиственных кострах найду самосожженье.

Изыск

Что за летний картинный изыск!?
Ты купаешься в озере солнечных брызг!
Твоё тело сверкает и радуется взор,
Ты собою затмила безбрежный простор.

Каждый слепнет, но всё ж не отводит глаза.
Притягательна взору небес бирюза.
Как блестит раскалённая за день вода!
Ты меня просто сводишь с ума иногда.

Лето! Счастье! Чудесные дни!
Средь июля с тобой на земле мы одни.
Твоё тело сверкает и радуется взор.
Ты собою затмила безбрежный простор.

Летний бар

Остаётся напиваться в летнем баре
И лечиться от любви в хмельном угаре.
Пить рубиново кровавое креплёное,
Пестовать сознание замутнённое.

Плакать.
Будто бы нашкодил, прятать слёзы.
И топить в бокале полным свои грёзы
И тревожить вновь воспоминанья,
И искать простого состраданья,

И жалеть, что счастья так немного,
И жалеть, что память недотрога, –
Только чуть задеть, – и в сердце боли.
Мучиться любовью мне доколе?

И доколе напиваться в летнем баре?
Излечения нет в хмельном угаре.
Но мучительно прекрасны мои грёзы.
Слаще сладкого кагора мои слёзы.

Очищение

Что откроется там, за пределом сознания?
Мы с тобою стоим на краю мирозданья,
И влечём за собой рассуждений неспешность,
И храним своей юности ранней безгрешность.

Как легко! Как биение сердца истомно!
Как ночами с тобой горячо и бездомно.

Лес и поле туманом изласканы белым.
Я привыкну с тобой быть уверенным, смелым,
Сохраняя навечно своё убеждение,
Что я должен тебе приносить наслаждение.

Никому не дойти до пределов сознания.
Мы с тобой в самом центре стоим мирозданья.
Мы откроем секреты! Не будет запрета
Дотянуться рукой до волшебного света.

Мы безгрешны, наивны. И в нашем смущенье
Есть влюблённость, несущая нам очищенье.

Ожидание приговора

Я прошлой ночью, истомясь,
Плёл тонкую признаний вязь.
И написать так много смог
Красивых вдохновенных строк.
Что получилось, видишь ты.
Дрожат в руках моих листы.
Хочу, чтоб мой наивный пыл
Твой интерес не остудил
К тому, что рассказать так сложно,
О чём лишь написать возможно.

Читай! Я потупляю взор!
О! Был бы нежным приговор.

Наивное

Эк, в груди печёт, да горит огнём!
Как прожить мне ночь? Что мне делать днём?
Засвистела вдруг пред глазами плеть.
Про любовь свою дай тебе допеть!

Разгуляй – гуляй! Коль полна сума!
Для чего мне всё? Посуди сама!
Не души тоской. И в озёрах глаз,
Будь щедра, прошу, искупай хоть раз.

Посажу я сад и построю дом.
Будет счастье жить с нами в доме том.
Не найти тебе век судьбы иной!
Позабудь про всё – и айда со мной!

Полковник Вершинин

Отрывок из романа «Банкир»

Павлика вывели на бугор за деревней – а, может быть, на руках туда отнесли, если он ещё ходить не умел, – и показали необычное растение. Оно запомнилось тем, что большие листья его были ярко-зелёные, но одновременно как бы золотые. Может, просто они так глянцево лоснились, но, скорее всего, мальчик понял то, что хотел сказать ему отец: растение это – не такое как все.

Матери Павлик рядом не чувствовал: видимо, это было дело рук отца, отнести его или отвести на это поле прямо за деревней, возле дороги. И кто-то с отцом был из местных – колхозных или совхозных; именно с этим человеком или с этими двумя людьми и толковал отец о кукурузе. Дескать, глянь-ка: листва какая мясистая! И верхушки стеблей тоже на корм пойдут... Початков-то, по их северному климату, больших не будет, но всё равно...

Так они, взрослые, толковали там, наверху, рассматривая кукурузу, а Павлику виднее было то, что ближе к земле. Растёт не сплошняком как трава, а мясистые стебли – отступя один от другого, меж ними – розоватая, песчанистая в этих краях земля...

Судя по тому, что ни словечка в осуждение Хрущёва не прозвучало, отец показывал сыну эти ярко-зелёные, отливающие золотом листья ещё до 64-го года. Это уж позже начали изодраться в юморе: «всё, мол, лысый кукурузой засадил»...

Отец с тех пор ни о Хрущёве, ни об этом поле ни разу не помянул, как будто и не было ничего. Но в памяти Павлика необычные стебли отпечатались на всю жизнь, и ещё раз он о них вспомнил, когда – уже в Горбачёвскую перестройку – поехал в Штаты для обмена опытом с американскими следственными органами. Молодой растущий следователь Ленинградского КГБ Павел Вершинин услышал в штате Айова такую поговорку

Александр Павлович Андрюшкин – родился в 1960 г. в Ленинграде. Прозаик, критик, эссеист, переводчик. Окончил филологический факультет ЛГУ (1982) по специальности английский язык и литература. Работал преподавателем английского языка, переводчиком. Автор романов «Политик» (1994), «Дети Горбачёва» (2015), повести «Одесса-мама» (2016). Живёт в Санкт-Петербурге.

местных фермеров: мол, у нас «погода для кукурузы, а не для людей», «our weather is for corn, not for people». И правда: уже в начале мая стояла душная влажная жара, как в парнике, в ней трудно было дышать – зато кукурузе, видать, рослось вольготно.

Эту американскую поговорку позже он процитировал своему давнему знакомому Алексею Антонову – ныне ставшему крупным банкиром. Тому самому, вокруг которого теперь закручивалось очень непростое, как говорят, «резонансное» дело. Теперь каждое своё слово в беседах со следователями Антонов взвешивал – как и следователи, со своей стороны. Но тогда – с тех пор минуло уже почти двадцать лет – они ещё были вполне себе дружки-приятели. И вот Павел Вершинин заметил Антонову невзначай:

– Бывал я на Среднем Западе Штатов... Там говорят: «климат у нас не для людей – для кукурузы». Этого-то и не учёл Никита Сергеевич...

Антонов улыбнулся, пожал плечами:

– Никита Сергеевич многого не учёл... – и тему эту продолжать не стал: неконтактный он был, Антонов, уже тогда. Хотя в бизнесе всего лишь делал первые шаги. Не то что неконтактный, а условия для контакта любил создавать сам, а, раз предмет разговора задал не он, то и развивать его он не видел смысла.

Собственно, всё их общение в постсоветские времена и ограничилось этими несколькими фразами, которыми они обменялись на совместной встрече выпускников трёх ленинградских вузов. Тем не менее, они, действительно, были знакомы и, действительно, обменялись этими фразами, о чём Вершинин глубокомысленно не раз говорил своим сослуживцам, да и начальству. Генерал Еголин однажды так его и представил: «Это друг банкира Антонова». В другой раз генерал выразился следующим образом: «Что же это твой друг Антонов так сильно против наших людей в бизнесе работает?» – «Да не друг он мне, – сказал правду Вершинин. – Так, просто знакомый». Тем не менее, действиями Антонова он интересовался, как и действиями «наших людей в бизнесе»... В чём тут была закавыка?

Если очень упростить, то Антонов встал поперёк «Газпрому», точнее, поперёк желаний тех, кто к «Газпрому» отношения не имел, но считал, что «Газпром» должен действовать вот в таком-то направлении. А Антонов исходил из того, что «Газпром» может действовать и в другом направлении. Казалось бы, мелочь, но это – мелочь из разряда «а можно ли ездить по встречной полосе?» Если ты в Англии, то да, можно и даже нужно, а если ты не в Англии?

Недовольство Антоновым копилось давно, и вот в марте этого года выплеснулось в совещаниях, об одном из которых Вершинин точно знал, что инициатором его был он сам. Это он подсказал своему непосредственному шефу, генералу Еголину, что можно бы очистить деловое поле от банкира Антонова, если уж им так недовольны «наши люди в бизнесе». Еголин, как видно, повторил эту фразу уже собственному начальству – в Администрации Президента, и вскоре провёл с Вершининым как бы ни к чему не обязывающую беседу.

– Отличиться бы тебе надо, Павел Иваныч, – сказал он Вершинину. – Дело громкое раскрыть, глядишь, и генеральское звание получишь, давно ведь пора!

– Какое же это громкое дело? – спросил осторожно Вершинин.

– Ну вот, хотя бы, о махинациях в «СвязьИнвестБанке» Антонова. Опять же, от налогов его фирмы уклоняются, это ведь известно... А теперь он ещё и нездоровую активность проявил в телекоммуникационной сфере: на него жалуется наш телефонный гигант, «МСТ – мобильные системы».

– А вот это уже конкретика, – заметил Вершинин.

– Конечно, конкретика, – согласился Еголин. – Я тут участвовал в совещании, закрытом – понимаешь меня? Присутствовали представители двух компаний, из числа наших: «МСТ – Балканы» и «Русгаз – юг». Суть дела в том, что Антонов узнал об их бизнес-схеме и пытается её скопировать, причём делает это кое в чём шустрее, чем они сами.

– Обгоняет на поворотах? – спросил Вершинин.

– Ну, типа, да. Наш бизнес по-крупному заходит в Малую Азию и на Балканы: Турция, газовый «Черноморский поток» и так далее. Этим как раз и занимается «Русгаз – юг», а в паре с ними «МСТ – Балканы». А г-н Антонов тоже создал свой холдинг «СвязьИнвест – Балканы» и тоже пытается доить наш «Газпром», а также других наших поставщиков газа – «Роснефть» и НОВАТЭК. В общем, очень мешает человек, и надо бы ему создать проблемы, тем более, что основания для этого у правоохранителей есть.

– Я бы и рад, конечно, Сергей Иваныч, – ответил Вершинин Еголину. – Но ведь ты же знаешь, как я сейчас загружен. Два дела надо заканчивать, ещё по одному обвиняемые затягивают ознакомление, в суд никак не передать.

– Я это всё знаю, Паша, – сказал Еголин. – Но я знаю и то, что твои ровесники уже давно в генералах ходят, да и какой только зелени сейчас генеральских погон не навешали...

– Это правда, – согласился Вершинин. – Я – полковник в возрасте за пятьдесят пять, тогда как есть у нас тридцатипятилетние генералы...

– И я о том же. В общем, пока решений принимать не будем... Их будут принимать люди повыше нас с тобой. Но дела эти ты по-быстрому закругляй или смотри, кому их можно передать, и потихоньку начинай думать о борьбе с налоговыми недоимками в упомянутой банковской группе...

Пикантность этого разговора состояла в том, что сам же Еголин, возможно, и не давал Вершинину расти. Павел Иванович как попал под начальство этого генерала, так много лет и работал с ним, и как-то не имел решимости перевестись куда-то и сделать карьерный рывок.

А ведь, чёрт побери, как круто он, помнится, начинал в девяностые! Он тогда считал своим фирменным стилем умение поймать некую общественную волну, раскрутить резонансное дело, чтобы в нём – разом – отразился весь срез эпохи, как когда-то показал ему отец; как в тех зелёных листьях кукурузы – с их золотым проблеском – выразилась вся драма позднего Хрущёва.

В девяностые годы майору Вершинину удалось вот так же схватить эпоху за вихры, пару раз это получилось. Неужели теперь, под старость, он сумеет сделать это ещё раз?

***

Сли верить марксистским историкам, то российский капитализм при последних царях группировался по производственному признаку. «Продамет», «Продуголь» – монополии в сырье и полуфабрикатах, «Продвагон» – подвижной состав. «Продаруд», «Продпаровоз»... Враньё, конечно; вспоминая

теперь учебники своей юности, банкир Алексей Антонов думал, что обо всех этих «Продвагонах» и «Продпаровозах» для того писали, чтобы скрыть имена настоящих владельцев компаний. Не будешь же советскому школьнику излагать биографию, допустим, миллионера Путилова: тогда пришлось бы признать, что это не просто был «кровопийца» или «буржуй», но человек, упорным и долгим трудом создавший передовые предприятия, направивший развитие целой отрасли.

Зачем это было знать советскому школьнику? Значит, лепи себе: «Продвагон», «Продуголь»...

Наверняка и в царской России капитализм имел яркие личности, – думал Антонов. А уж в сегодняшней-то России в этом нет сомнений. Все знают, кто такой Михаил Прохоров или Роман Абрамович, Виктор Потанин или Олег Дерипаска. Все знают, что «Альфа-банк» это Михаил Фридман, а «Лукойл» это Вагит Алекперов, что АФК «Система» это Евтушенков, а «Северсталь» – Мордашов.

Кстати, в деловом мире сознают и роль Игоря Вдовина, мужа Волочковой. Разве что сама балерина много лет то ли притворялась, то ли, и правда, не понимала, кто такой отец её дочери. А ведь он был системным инвестором и сумел создать, с одной стороны, очередь арабских шейхов, а с другой – российских губернаторов, готовых принять ближневосточные деньги. Сочетать такие величины мог лишь человек незаурядный, каковым и был Игорь Вдовин. Его деньгами свободно могла пользоваться его блестящая жена, но ведь и он использовал её в качестве ну весьма недорогой (по меркам его оборотов) рекламы. Гениальная балерина и красавица стала, поистине, самым умным деловым проектом Вдовина, превратившим его из незаметного и не очень смелого молодого человека в крупного международного дельца.

Яркие по человеческим меркам дела стали для бизнесменов почти мерилом успеха. Абрамович купил английский футбольный клуб, а Усманов – коллекцию Ростроповича-Вишневецкой. Прохоров построил свой Ё-мобиль, а Гучериев писал стихи для песен, которые крутили на принадлежащем ему «Радио Дача».

Правда, Антонов всё ещё считал, что ему такими вещами заниматься рано... А ведь многие из этих звёзд бизнеса были уже моложе его! Ему стукнуло пятьдесят пять, а он всё ещё был – дай Бог, если в первой сотне или в первых пятидесяти из этих крупнейших воротил. Слишком многим он пытался заниматься одновременно, слишком разбрасывался – об этом ему не раз говорили.

В детстве он долго не мог понять, кем хочет стать и в какой вуз ему поступать – а поступил, в конце концов, в «Горный».

Учился он в школе, расположенной в обычном четырёхэтажном школьном здании послевоенных лет. Но сама школа была с математическим уклоном, в ней было побольше «математических» классных комнат, чем, наверное, их обычно бывает; да ещё и каждый класс делили на три потока или уровня для более индивидуальной работы. Математику, правда, Антонов так и не любил, да и не знал как следует, хотя получал почти одни пятёрки.

Из учительниц в их школе выделялась биологичка: она была единственной «заслуженной учительницей» и иногда надевала на уроки медаль. Знаменитым также считался учитель математики Михаил Абрамович Киселёв, в чьём классе был не просто учительский стол, а – кафедра, как, впрочем, и в нескольких других кабинетах. Вот и библиотекарь Нина Евсеевна была

небанальна и превращала обязательную выдачу книг в некие мини-представления. Дети стояли в очереди к её столу, а она так расхваливала некоторые книги, словно вещала со сцены.

– Книга «Плато доктора Черкасова»! – говорила она со страстью и с придыханием. – Обычный мальчик попал в экспедицию на Крайний Север и описывает произошедшее с ним! «*Детство у меня так сложилось, что я стал свидетелем и участником событий необычайных, о которых мне хочется рассказать*», – зачитала она.

Столь горячо она произносила всё это, что Лёша Антонов потянулся к этой книге, а потом к книге «Корабли Санди» того же автора (Мухиной-Петринской), к другим книжкам о далёких плаваниях, золотоискателях и геологах... А что, не стать ли ему – и он уже втайне решил, что станет – как раз моряком или таким вот исследователем северных, арктических территорий?

То, что позднее к этому прибавились нефть и газ, Алексей считал случайной случайностью: вначале он об этом не думал. Вначале была просто романтика, да, кстати, и некоторое примирение отцовских и материнских надежд на него.

Отец его был довольно известный художник; мать, наоборот, техничка, и, видимо, её идеалом мужской профессии было нечто более жёсткое, чем занятия мужа. Она и при детях не раз выносила отцу приговор: «Эх, творческая интеллигенция...» Мужчине, по мнению мамы, следовало быть суровым военным или, допустим, строителем, а не шастать по природе с этюдником и кистями.

Отец подталкивал Лёшу, наоборот, к творчеству: не хочешь рисовать, так стань, к примеру, музыкантом. Композитор, дирижёр, разве плохо? На худой конец – гитаристом вроде этих ваших кумиров из группы «Битлз».

Противоречие разрешилось тогда, когда Лёша выбрал мечту о путешествиях библиотечарши Нины Евсеевны... Правда, вуза такого – для путешественников – не оказалось, но он выбрал нечто близкое к этому: профессию геолога, которую давал Горный институт.

...Олигарх – не олигарх, но всё-таки он был состоявшимся бизнесменом, потому в свою школу на годовщины окончания теперь не ходил. Это, впрочем, уже в самое последнее время, а до того, зайдя в эту бывшую школу, завернул и в библиотеку на третьем этаже.

Вот здесь, значит, решилась его судьба.

Помещение было уютным и даже вполне просторным. Целых пять столов с подшивками газет и без таковых: просто для чтения книг. Не по всему периметру, как помнилось, а лишь возле двух стен стояли массивные книжные шкафы довоенного советского, а, может быть, ещё дореволюционного производства. В них на открытом доступе имелись Большая и Малая советские энциклопедии, которые они на переменах забегали полистать, но особенно любили в библиотечной тиши лопать домашние бутерброды, за что их библиотечарша гоняла отсюда, но не очень строго.

В закутке своём, как и в те далёкие годы, позади стопок книг на столе, сидела Нина Евсеевна. Совсем скукоженная и седая, давно, видно, переставшая красить волосы... Он поздоровался и вышел, не стал напоминать о себе и постеснялся спросить, почему именно ему она рекомендовала книжку «Плато доктора Черкасова». Ответ, впрочем, он знал: она многим рекомендовала многое, скорее всего, без всякого разбора, заученными словами повторяя одно

и то же за годом год. Для мальчиков про «Страну багровых туч» Стругацких, про «Остров сокровищ», про Жюль Верна; девочкам тоже, конечно, предназначались свои, особо читаемые книжки.

Как бы то ни было, но книжка эта сделала своё дело и привела его сначала в Горный, потом – в экспедиции на Шпицберген, на Ямал, потом – к кандидатской диссертации, которую он написал как раз по нефтегазоносным пластам Севера.

Защитил он её не так чтобы и быстро для выпускника одной из лучших в стране математических спецшкол: лишь в двадцать восемь лет, то есть в 1988 году. Но то ли ещё ждало впереди...

***

Суть конфликта банкира Антонова с другими бизнесменами была понятна всем, кто хоть сколько-то в эти годы следил за деловой жизнью России. Эту суть простыми словами выразил Еголин, её же не раз повторял и сам Вершинин, она заключалась в том, что Антонов пошёл поперёк самой влиятельной тенденции тех лет. Тенденцию эту можно было назвать просто: дружба с Западом. А, следовательно, и с теми странами, которые являются союзниками Запада, например, с Турцией.

Ну как, в самом деле, можно было представить себе что-то иное? Ведь не к ядерной же войне дело вести, в конце-то концов?

Есть законы бизнеса и, в целом, человеческих отношений, заключающиеся в том, что все действуют в соответствии с собственными интересами. А общий интерес человечества заключается в наличии единых и понятных всем правил игры. Поэтому, если иногда Запад и прибегает к двойным стандартам, то это – лишь результат временного заблуждения, избавиться от которого – в интересах самого Запада, а мы в этом можем помочь нашей выдержкой и доброжелательностью.

Такая логика применялась и властью, и *правильным, нашим бизнесом* по отношению как к Америке или к Германии, так и к Турции или, допустим, к балканским странам. Словом, в отношении всех, с кем мы ведём дела. Теперь посмотрим непосредственно на Балканы... – так рассуждал Вершинин, прохаживаясь по своему кабинету и уже как бы скинув с плеч все остальные дела кроме «Дела СвязьИнвестБанка». – Вроде бы, Антонов не творит ничего неподобающего и даже действует в точности так же, как и его конкуренты. То есть заходит на балканский рынок мобильной связи, интернета и прочего, ставя во главу угла наше российское «ноу-хау», технологии, а в качестве дополнительной опоры используя доходы от экспорта газа. Проблема состоит лишь в том, что балканский этот рынок – отнюдь не свободен, а очень даже занят: на нём прочно обосновались и американцы, и Евросоюз, в первую очередь – немцы. Потому, если уж нам туда заходить, то в кооперации с теми же немцами, которые много лет являются проверенными покупателями газа у «Газпрома». Значит, и из наших фирм приоритет должны иметь те, кто сотрудничает с «Газпромом» и его дочкой, фирмой «Русгаз – юг», а именно: «МСТ – Балканы». Антонов же с «Газпромом» не дружит...

В итоге что получается? Антонов в той же Румынии, других балканских странах выступает конкурентом фирмы «МСТ – Балканы», то есть, по сути дела, выступает в роли союзника наших противников.

Так рассуждали те, от кого исходил заказ на открытие уголовного дела против банкира Антонова. И рассуждали совершенно правильно, Вершинин мог бы подписаться под каждым словом и даже добавить многое от себя в более философском ключе.

Но нужно ли было что-то добавлять? Скорее нужно было начинать тяжёлую рутинную работу. Готовить план следственных действий, выявлять налоговые недоимки, другие махинации банкира.

Этим и занялся полковник Вершинин в первых числах холодного и дождливого апреля, когда в Москве начиналась и всё никак не могла начаться весна. Сырой холод был совсем ещё зимним, но Вершинин этого не замечал, то работая за компьютером, то отыскивая нужные папки, бумаги в шкафах своего кабинета.

Вершинина и Еголина принял Калязин в Администрации Президента и, наконец, поставил им срок: сентябрь. Осень, конец отпусков; самое позднее – октябрь. «Маски-шоу» в главном офисе «СвязьИнвестБанка» в «Москва-сити», выемка документов и задержание Антонова, дальше будет видно: или подписка о невыезде, или арест, суд решит по ситуации. Но до этого, не позднее августа, Еголин и Вершинин обязаны были представить убедительный рапорт, чтобы на нём Калязин получил визу главы АП, и маховик заработал бы. На составление этого рапорта, так сказать, сводки компромата на Антонова, – им отведён достаточный период: четыре месяца, во время которых им позволено всё: прослушка, наружка, возбуждение – уже сейчас – вспомогательных уголовных дел, для того чтобы обвиняемые дали показания на главного фигуранта, то есть на Антонова.

...Какой убедительный материал может содержать этот рапорт, – саркастически думал Вершинин, – кроме одной фразы: «уклонение от уплаты налогов на сумму...» Далее проставляй любую понравившуюся тебе цифру, а уж дело следователей, бухгалтеров и прочих экспертов – набрать на эту сумму бумажек и приобщить их к рапорту...

Но вот эта – самая муторная и долгая работа – и ложилась на него, Вершинина! И это было тяжело, унижительно... На шестом десятке ты – всего лишь полковник, и не какие-то мифические бухгалтеры или эксперты, а именно ты, руководитель следственной группы, должен найти эти налоговые недоимки, вычислить эти схемы, отсканировать эти бесчисленные формы налоговой отчетности и показать лазейки, в которые или действительно уходят деньги, или, по крайней мере, суд сочтёт эти лазейки «доказанными». «Доказанным» суды считают то, что хорошо видно, что, так сказать, контрастно выделяется на общем фоне; то, что *красиво*, в конце концов. Как наиболее правильной считается та научная теория, которая наиболее красива, так и доказательная улика – та, которая неожиданна, удивляет судью, не встречалась раньше в практике. Но чтобы найти такую улику нужно потеть и потеть, корпеть и корпеть.

Впрочем, такие приступы жалости к самому себе были у Вершинина рецидивами более молодых лет, что ли. Когда был начинающим следователем, тогда, действительно, делал черновую работу... А сейчас, слава Богу, Еголин утвердил ему по делу «СвязьИнвестБанка» специализированную следственную группу аж из семи человек – в основном, это были молодые парни и девушки, хотя некоторые уже с майорскими звёздами. И, как в детективных фильмах, где такой седовласый полковник – формалист и службист – устраивает

регулярные совещания, так и Вершинину дважды в неделю теперь предстояло собирать своих «волков-загонщиков».

К самому первому совещанию с ними он, конечно, готовился тщательно. Нужно было очертить для ребят общий план кампании – а был ли у него самого этот план?

Готовясь к этому первому совещанию, Вершинин спрашивал сам себя: в чём главная болевая точка и в чём главный интерес Антонова?

Определить это было важно потому, что иначе можно было вытащить пустую сеть: произвести обыски, изъять кучу бумаг, а потом в этих бумагах ничего криминального не найдётся, и дело развалится, не дойдя до суда.

Допустим, главный интерес Антонова – мобильная телефония (рассуждал Вершинин). Ведь именно в этой области он затеял свой новый проект «СвязьИнвест – Балканы». Ездил в Румынию, а недавно принимал в Москве ответную делегацию румын.

Вершинин стал делать схему основных активов и отраслей бизнеса Антонова. Сначала набросал вчерне, потом аккуратно вычертил по линейке. «Отксерил», чтобы на первом совещании раздать всем членам следственной группы.

На листке красовались блоки: «СвязьИнвестБанк» – «Телеком – Балканы» – «Нефтяная составляющая» – «Домодедово и Внуково» – «Недвижимость» – «Сельское хозяйство». Карандашиком на своей личной схеме Вершинин написал суммы: что на сколько тянет. Именно карандашиком, потому что многого он не знал.

Например, «Телеком – Балканы» или «Телеком – Румыния», что сие такое? Этот блок он решил поручить майору Елене Подзюбан, может быть, потому, что фамилия её напоминала румынскую. Да и вообще, толковый молодой следователь. В помощники ей даст капитана Сашу Быкова...

Кабинет Вершинина был небольшой, но за столом заседаний место для семи человек нашлось. Найдётся и для десяти, но вначале ему хватит семейных.

Он начал совещание с того, что назвал всех членов специализированной следственной группы, как бы представив их друг другу – хотя они и так были знакомы. Сразу объявил, кто чем будет заниматься, пока ещё не объясняя сути дела.

Майор Елена Подзюбан и капитан Александр Быков – Румыния. Затем Паша Калинин и Толя Столяров, их сфера ответственности – «СвязьИнвестБанк». Александру Козлову и Юрию Трофимову поручалась принадлежащая Антонову нефтянка, и, наконец, Серёже Мнацаканяну – аэропортовые дела. Компании, владельцем или совладельцем которых был Антонов, оснащали московские аэропорты – ни много, ни мало – техникой связи и компьютерной техникой.

Далее Вершинин позволил себе небольшую теоретическую лекцию. О том, какое это – казалось бы – простое, но при этом какое сложное дело: доказать факт уклонения той или иной фирмы от налогов. У бизнесменов прекрасно развито чутьё, сплошь и рядом они нас опережают. Начинаешь копать в одном месте, тут же тебе – вернее, Федеральной налоговой службе – кидают кусок, оплачивают какие-то недоимки, но проштрафившуюся фирму или закрывают, или уменьшают её обороты; в общем, ясно, что деньги перетекли уже куда-то в другое место.

– Чтобы противостоять этим манёврам, и нужно видеть всю картину целиком, – объявил Вершинин и достал из папки семь «отксеренных»

листочков. – Вот для этого я и подготовил вам общую схему активов той группы, которая нас интересует.

Он раздал эти листки и пояснил, что каждый из этих блоков – активов финансово-промышленной группы – не является монолитным, но представляет собой, в свою очередь, сложную схему. И он дал недельный срок для того, чтобы каждый член следственной группы на отдельном листке вычертил такую же схему в порученной ему области. Конкретно, Румыния, «СвязьИнвестБанк», аэропорты, нефтянка...

На этом он первое рабочее совещание закончил и отпустил членов следственной группы.

Расхаживал по кабинету, довольный собой. Неплохо провёл инструктаж! Как говорится, «хорошее начало полдела откачало». Или ещё в советские времена говаривали (вроде бы, тот же Хрущёв): «Цели определены, конкретные задачи поставлены; за работу, товарищи!»

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«У мольбертов в часы вдохновенья...»

Импрессионисты

Это звёздное небо Ван Гога,
И туземки с полотен Гогена...
Хоть и знаю о вас я немного,
Не хочу вырываться из плена

Сильных чувств – тех, что вы испытали
У мольбертов в часы вдохновенья.
Вы условностей цепи порвали,
Отразив на полотнах мгновенья.

Вы открыли красоты Вселенной,
Мира краски, его бесконечность.
И остались полотна нетленны,
И шагнули художники в Вечность.

Чюрлёнис. «Музыка леса»

Он представлял себе, как мастерски рукой
Играет ветер на деревьях, как на арфе,
И звуки сосен создают в душе покой,
И солнце греется в лимонно-жёлтом шарфе.

Его рукам подвластен был могучий лес,
И в нём гармонию он видел со Вселенной.
Летела музыка полотен до небес
И возвращалась, став поистине нетленной.

Он прожил мало – тридцать пять всего лишь лет
Души с природой удивительных соитий.
С его полотен будет вечно литься свет...
Нам подарил Чюрлёнис чувственность открытий.

Акварели

Снова зима и её акварели.
В свадебных платьях танцуют метели.
А на деревьях боа, пелерины...
Зиму сменяют другие картины.

Дева-весна создаёт акварели –
Это рисуют на ткани капли.
Водные краски... в них радуга цвета.
Трав изумруд – приближается лето.

Лето приносит свои акварели:
Ягоды просят в тую: созрели.
Красные, жёлтые, синие краски...
Леса опушка – вступление к сказке.

Ветер подул, птицы прочь улетели.
Осень рисует свои акварели.
Жёлтый ковёр. В середине багрянец.
Вьюга исполнит на нём белый танец.

Будет зима, всё опять повторится.
Только не стоит на это сердиться.
Дарит природа свои акварели,
Души людские пейзажи согрели!

Художница

Мелком нарисовала тебя я на асфальте,
Но кто-то в поднебесье вдруг взял и пошалил.
И резкость очертаний рисунок мой утратил –
Его июльский дождик прозрачной нитью смыл.

Я твой сложила образ из ярко-жёлтых листьев
Под музыку, что пела из глубины души.
Но ветер подгулявший в весёлый пляс пустился,
И в общем хороводе он листья закружил.

Я на стекле с узором тебя изобразила
Таким, увы, далёким, но очень дорогим,
Как вдруг мороз ударил волшебной ночью зимней,
И, как в калейдоскопе, рисунок стал другим.

Тебя писала кистью на стареньком мольберте,
Но никому картину я впредь не покажу.
И сбудется желание – не перестану верить,
Что ты ко мне приедешь. Тебе принадлежу!

Рисунок

Рисует мальчик на бумаге
Себя – как хлеб даёт дворняге,
Отца – газету тот читает –
И маму – та бельё стирает.

На крыше дома солнца лучик –
Весь золотой, как счастья ключик.
Дорога пёстрой лентой вьётся,
А в небе облако смеётся.

Таким теплом с рисунка веет –
В мечту свою раскрыл он двери.
Мальчишке это незнакомо,
Ведь он – воспитанник детдома.

Краски жизни

Господь рисует в тишине
Большими, сочными мазками
Простую жизнь тебе и мне.
Она парит над облаками.

Жизнь, словно радуга, и в ней
Соединились семь полосок.
Вот детство – нет его красней.
Проходит быстро. Ты подросток.

Теперь оранжевый рассвет
Окрасит дни. Но скоро юность
Наступит. Ярко-жёлтый цвет
Царит везде. На землю льются

Потоки солнечных лучей,
И в кронах блики на зелёном.
То цвет разумности речей
Того, кто жизнью умудрённый.

За ним цвет неба. Голубой.
Чу! Наступает просветленьё
И зрелость. Искренней мольбой
Приносит он успокоеньё.

Смотри! Кругом морская синь.
Глубокий цвет. Он значит старость.
Судьбу ты сколько ни проси,
Одна полосочка осталась.

Цвет фиолетовый её
В палитре означает мудрость –
Ночного неба водоём...
Но ночь пройдёт, наступит утро.

Господь рисует нашу жизнь
Простыми, чистыми мазками.
А повороты, виражи
Рисуем мы по жизни сами.

*Иллюстрации – картины-фантазии автора
по мотивам произведений современных россий-
ских художников*

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – кандидат исторических наук, доцент, родилась в Иркутской области. Автор трёх сборников стихов («Многоликость судьбы», «Многогранность любви», «Сезоны любви»), музыкально-поэтического альбома «На перекрёстке чувств» и литературно-музыкального проекта «Полёты ангелов». Победитель конкурсов МГО Союза писателей России: «Русь православная» с награждением знаком «Серебряный крест», конкурса имени С. Есенина «Золотая осень» с награждением одноимённым орденом (2015 г.), конкурса «Россия – Франция», «Лучшая книга 2014-2016 гг.» за сборник стихов «Сезоны любви». Финалист международной литературной премии «Наследие» в 2014 г. Лауреат 2-го Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» в номинации «песня» (2016). Участница Международной литературной Ассамблеи «Слово и дело» в Болгарии (2016). В 2017 г. Московской организацией Союза писателей России ей присвоено почётное звание «Заслуженный писатель». Член Российского союза писателей. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

«А, может, каждому с себя начать?..»

Неизвестный солдат

*Посвящается моему дедушке
Потёмкину Николаю Прокопьевичу,
погибшему под Курском*

До сих мы в нелепых позах
С той войны окаянной лежим.
На могилах не льются слёзы,
Да и нет у нас этих могил.

Припев:
Сквозь давно истлевшую рубашку
Каждый год прорастают ромашки,
Это я посылаю тебе вновь и вновь
Пережившую нас любовь.

Верю я, никто не забудь,
День настанет, придут времена,
И отыщут нас следопыты,
На жетонах найдут имена.

Потёмкин Николай Прокопьевич

Припев:
Сквозь давно истлевшую рубашку
Каждый год прорастают ромашки,
Это я посылаю тебе вновь и вновь
Пережившую нас любовь.

Здесь, в краю рябин и берёз
Возведут обелиск на крови.
Память вечна, не надо слёз,
Будет мир во имя любви!

Припев:
Сквозь давно истлевшую рубашку
Каждый год прорастают ромашки,
Это я посылаю тебе вновь и вновь
Пережившую нас любовь.

Когда меня ещё не было

Неприступной стеною сугробы
 От домов отделяют дорогу.
 Вечер. Звёзд удивительно много,
 Неба бархат так низко, хоть трогай.
 Постепенно готовится к ночи
 Городок. Гаснут окна-огни.
 Тишина, лишь негромко очень
 Слышен смех и чьи-то шаги.
 Кареглазый, худой парнишка
 И девчушка, собой хороша,
 По сравнению с ним – малышка,
 Из кино идут не спеша.
 После фильма – пустая дорога:
 Все домой разбежались влёт.
 У мальчишки замёрзли ноги,
 У девчонки руки – как лёд.
 Не боясь метели и стужи,
 Не спешит эта пара в тепло.
 Счастье греет их юные души,
 От любви, словно днём, светло.
 Тихо падает снег на ресницы,
 Он дыханием греет ей руки.
 Пусть подольше встреча продлится,
 Пусть минует их горечь разлуки...

Это время надёжно под снегом.
 Стерегут старых елей лапы.
 Только память не канула в лету –
 Это были мои мама с папой.

Качели

Похожа жизнь на детские качели:
 То вверх, то вниз идёт её кривая.
 То обретаем, достигаем, смеем.
 А то проигрываем, отдаём, теряем...

Как здорово, когда на «пике» ты,
 Продлить подольше б то мгновенье,
 Но вечно не удержишь высоты.
 Неверный шаг, и вот ты – на коленях.

Обидно, больно, стыдно? – Ерунда!
 Упасть не страшно, страшно – не подняться.
 Потеря благ и власти – не беда.
 Важнее Человеком оставаться.

Журавлёва Люба

Потёмкина Любовь Ивановна

Две фотографии

На одной фотографии – девочка:
 кудри вьются белые-белые.
 На другой фотографии – женщина:
 взгляд усталый, морщины у лба.
 Между ними вся жизнь уместилась:
 всё, что было когда-то и не было.
 Там сюрпризы, печали и радости,
 что ей щедро дарила судьба.

На одной фотографии – детские
 любопытство, проказы, мечтания.
 На другой – заботы о близких,
 боль обид и горечь потерь.
 Как в кино, между ними – события,
 жажда знаний, стремленья, желания,
 Чувство счастья, любовь и замужество,
 вкус побед и рожденье детей.

Никогда мне не встретить ту девочку,
 не увидеть её наяву.
 Но зато я люблю эту женщину,
 своей мамой её я зову.

Печальная годовщина

Вот и прошёл год, как мы расстались с тобой.
Где ты, в каких мирах снова обрёл покой?

Вновь малышом или водой стал ты, не в том – суть.
Будь хоть скалой, хоть звездой, только всегда будь.

Пусть не могу я тронуть тебя рукой,
Но всё равно мне кажется, ты – живой.

Вижу тебя во сне, слышу дыханье твоё,
Чудится иногда, шепчешь ты имя моё.

Может, через века встретимся – поговорим.
Я благодарна судьбе, что ТЫ был папой моим.

За строгость и доброту спасибо тебе, мой родной.
Первый прошёл год, как мы расстались с тобой...

«Божья длань»¹

Брату Игорю

Я тебе привезла «Божью длань»
Из далёкой, древней страны,
Чтоб Господь защитил нас от зла,
От сумы, от тюрьмы, от войны.

Чтобы сердце наполнил покой,
Чтоб царила вокруг доброта,
Неудача рассталась с тобой,
И ушла навсегда суета.

Чтоб душе помогала не стыть,
Когда ливни, когда холода,
Подказала бы, как сохранить
Все таланты твои, навсегда.

Пусть тебя бережёт от потерь
Твоих близких, твоих дорогих,
Пусть откроет заветную дверь,
В мир, где нет ни врагов, ни чужих.

¹ «Божья Длань» («Длань Божья») – древний талисман или амулет в виде открытой ладони Бога. Защищает от сглаза.

Я тебе привезла «Божью длань»
Из далёкой, древней страны,
Но и ты, постарайся, мой брат,
Чтоб сбылись предсказанья мои.

Театр коварства

Жизнь современная – театр коварства,
Где правят алчность, беспринципность, ложь.
Идёт борьба не за богатства,
Идёт борьба за нашу молодёжь.

Как завещал когда-то недруг Даллес,
Её пытаются унижить и растлить.
Лишить истории врагам на радость,
Заставить русские традиции забыть.

Поправ мораль, «крапают» жизни повесть,
Сомнительный всем предлагая путь:
Забудь про честь, достоинство и совесть
И «делай деньги», всех богаче, круче будь.

Как отогнать беду на расстоянье,
И коррумпированность душ нам одолеть?
Отвергнутое властью воспитание
Как возродить, как зло преодолеть?

Как научить нам молодых не пресмыкаться,
Не лгать, не льстить, не воровать?
Чинуш и бюрократов не бояться
И перед культом денег не дрожать?

А, может, каждому с себя начать?

Расписание бабочек

Памяти Н.А.

Подмосковное пригородное сообщение так мудро устроено, что некоторые электрички, доехав до своих вокзалов, не бегут назад, но скользнув по соединительным путям, переходят на другую дорогу и мчатся далее, в противоположный конец области. Из Дубны в Бородино, из Серпухова до Волоколамска... маятником возвращаясь под самый вечер.

Далее мудрость других сфер. Оказывается, самым чутким обонянием Природа снабдила бабочек: ловят, даже нельзя сказать запах – буквально две-три молекулы на кубокилометр! Как именно – непонятно, но факт научный, верный, не менее, чем предыдущий, с электричками. Используется это совершенство, не снившееся и самым чутким на нос собакам, не для поиска пищи, упреждения врагов: только в брачных целях. Как и вся хрупкая красота бабочек. Вычитая любые прочие, кроме любви цели, Природа дошла до умилительного предела: Бабочки-однодневки. «Однодневка – народное название насекомых-подёнок, лат. Ephemeroptera». Правда, научное «подёнки» режет слух, напоминая о «подённом труде». Именно однокоренные «подёнкам» бабочки-подёнки – существа самые свободные от труда на свете! Этим «эфмероптерам» вообще не назначено бороться, питаться: не только пищеварения, нет даже рта. Их Долг: родиться/проснуться летним утром, исполнить брачный танец, отыскать свою пару, произвести потомство и вечером осыпаться белыми хлопьями по полянам, обочинам дорог...

Ранним воскресным утром от дальней станции на границе Московской области начинала свой путь первая электричка. Прокладывавшие когда-то железную дорогу не стали нанизывать на неё древний городок, и платформа стояла в стороне, на тихой лесной поляне. Только автодорога и две пешеходных тропинки прорывали кустарниковую, осиново-берёзовую стены, окружавшие станцию.

Игорь Николаевич Шумейко – родился в 1957 г. Кибернетик по образованию, работал в Министерстве внешней торговли СССР, в сфере общественных связей. С 1980-х гг. публиковал стихи, рассказы, очерки в журналах «Дружба народов», «Юность», в «Литературной газете» и за рубежом. В 1994 г. издан его роман «Вартимей очевидец» (радиопостановка в 1995 г. на «Радио России»). Автор серии публицистических эссе в «Независимой», «Литературной», «Новой» газетах, книг «10 мифов о русской водке», «Голицыны и вся Россия», «Вторая мировая. Перегрузка» (в новом дополненном издании вышла под заголовком «Гитлеровская Европа против СССР. Неизвестная история Второй мировой») и «10 мифов об Украине».

Живёт в Москве.

В июле подмосковная природа, птички, цветы, бабочки просыпаются в один час с пригородными поездами. В четыре утра на поляну у платформы слетелись самые первые бабочки-мотыльки. В лесу, где минуту назад они родились – ещё ночь, сырая темнота, суровый холод. А на поляне среди ромашек, фиолетово-лиловых ворохов иван-чая – уже начался день, отмеренный им век.

Лучшая часть дня/жизни: утро, первая прогретая полянка рождает атмосферные потоки, ветровые горки, карусели, на которые так тянет взобраться наперегонки, купаться в воздушном фонтане, выбирая своих «суженных». Весёлая метель мотыльков, один короткий, простой закон природы: перед продолжением рода – покрасоваться. Получается, Закон более непреложный, универсальный, чем даже борьба за еду... Кому-то заливать соловьём, рычать, токовать, распускать павлиний хвост, доставать джинсы «Левис», покупать билеты на дискотеки-кино, исполнять свой Утренний танец...

Чуть нагретый асфальт платформы давал восходящий ток ещё очень слабый, людьми не чувствуемый, но юным бабочкам это был настоящий аттракцион ЦПКО, и самые смелые покинули полянку, прядая вверх-вниз, вправо-влево всё ж перелетели оградку. Прямой угол чёрной платформы и грязно-зелёного борта электрички ловил первые лучи солнца. «Встала из мрака младая, с перстами пурпурными Эос»...

Наверно, каждое утро напоминает о юности, в мечтательной дрёме пожилой машинист посматривал на пустую платформу через зеркало на кронштейне. Белая бабочка, затем другая отделились от стайки танцевавшей над скамьёй и, обгоняя друг друга, сели на проржавленную четырёхугольную окантовку, любовались собой. Расцвет сил, красоты, юность – нет, даже более ранний период: самый вылет из детства, по шкале романа Льва Толстого: «отрочество», а по циферблату в кабине машиниста: всего полчаса. Отправление в 4:15.

Первой в зеркало, конечно, заглянула Она. Огромные чёрные бусины глаз, прозрачно-слидяные, рассечённые десятками жилок крылья. Выходя на «рабочую частоту» взмахов, они как в стробоскопе рождали рисунок, свой у каждой однодневки. У зацепившейся за окантовку зеркала этот дрожащий рисунок был немного похож на глаз – третий, считая две её фацетные бусины, и вполне «человеческий» по структуре: радужная оболочка, зрачок.

Игриво следуя за Глазастой, поднялся и пересел на ржавой окантовке поближе, заглянул в зеркало её кавалер. Вибрация его крыльев выдавала облачный рисунок дуги, похожей на месяц или серп.

Главная примета однодневок, отличающая от других бабочек: хвостовые нити, два волоска длиной с полспички. Сколь ни вычитывай, ни Жан Фабр («Жизнь насекомых») ни наш Акимушкин их назначение не объяснят. Впрочем, именно в «однодневочном» случае всё можно списать: «А это, так, для красоты». Перебирая в какой-либо системе назначение деталей, так полшутливо говорят про оставшиеся непонятными. И правда, если вся жизнь, не вмещая питания, погонь, маскировки – только один брачный танец, тогда про любую деталь, черту можно сказать: «красоты ради».

Диктант всеобъемлющей любви, согласно Данте движущей даже планеты и звёзды, тем сильнее звучит в этих крохотных беззаботных летунах. Наверно, если от любого создания последовательно, как выразился один земляк Данте, «отсекать всё лишнее», то есть не лишнее, но предназначенное

для других целей – от каждого останется только такая порхающая бабочка, антеннка, настроенная лишь на приём «радио любви»: прозрачные крылья, бусины глаз и вьющиеся хвостовые нити.

И кавалер, назвать которого по эфемерному, стробоскопному рисунку можно: Серп или Месяц, поглядывая на Глазастую, неумоимо вспархивал, играя нитями, и присаживался то чуть ближе, то чуть дальше. Но та, зачарованная зеркалом, внезапным удвоением мира, изумлённо глядела на стайку собратьев, танцевавших над скамейкой, платформой, на игру крыльев и нитей, что им раздали в Зазеркалье.

Серп-Месяц, уверенно порхавший кавалер, присел совсем рядом, закрыв своими крыльями почти всю картинку зазеркальной трансляции. Пробившийся сквозь зелёные берёзовые декорации солнечный лучик вдруг зажжёт слюдяные лопасти за его спиной. Серп-Месяц нравился Глазастой, но куда спешить, впереди ещё – вся жизнь!

Несколько полусонных пассажиров шагнули в вагоны. Бабка с двумя корзинами цветов, только что срезала. Зевотная рань, но ей виднее: значит, покупают в Москве цветочки уже с семи утра.

Машинист пригрозил «Осторож-двери-рываются» и... действительно повернул рычаг. Для танцевавших на платформе бабочек это был будто внезапный первый залп Войны, первая бомбёжка, начавшаяся когда-то именно в такой же ранний час. Заряженный компрессорами сжатый воздух с шипением и рёвом пошёл по патрубкам, поднимая пыль, толкнул со скрежетом десяток дверей.

Подброшенная страхом и рикошетной «взрывной» волной Глазастая отскочила, полетела к стайке кружившей вдалеке над скамейкой, тоже напуганной самым сильным в их недолгой жизни звуковым ударом. Но даже отправленные в однодневную жизнь эфемерные создания несут отпечаток всемирного разделения: пол. Вот и кавалер Глазастой выказал своё мотыльковое мужество: оценивая угрозу, он подлетел к шипящим дверям, и... был вброшен в тамбур компрессорным ураганом. Первые секунды он ещё боролся с вихрем, напрягая всю мощь крыльев, но две железных скалы сомкнулись, едва не раздавив героя...

Мир, в который он попал, был ужасен. Не круг – так квадрат Ада, неизвестно какой по дантову счёту. Хлеставшие потоки воздуха со всех сторон и ни единой веточки, чтоб зацепиться, удержаться в швырявшем урагане.

А «бог-громовержец», одним манием руки обрушивший на мир бабочек эту катастрофу, поймал волну привычного колёсного перестука, глядел на раздвигавшиеся перед поездом занавеси перелеска и тихо думал об... иван-чае. Фиолетовые сугробы, подступавшие к самой насыпи, тянулись на многие километры: какое потрясающее подмосковное богатство! Ведь все газеты и телепередачи о здоровье подтверждают: иван-чай – мощнейшее средство против рака! Вердикт единодушен, спорят лишь о способах отваривания, дозах и на какой стадии он более действенен. Безупречно неопровержимы только сторонники теории «онко-профилактической»: пить иван-чай надо чуть не с детства и в каких-то лошадиных дозах, иначе – извините... Машинист уже и этим летом набрал на полянках и вдоль дорог целые охапки иван-чая, сшившегося на чердаке их дачки, а в картонных коробках оставались запасы ещё прошлогодние и даже немного позапрошлогодних. Образовалась даже существенная экономия денег на чае обычном: за компанию с женой он тоже

пил, не забывая громко нахвалять душистый, «духмяный» напиток. Семь лет как его жену затянула воронка онкологии, и к «химиям», лекарственным «курсам», облучениям, теперь, как самое гнетущее добавились – Расписки. На этой стадии перед операциями и процедурами врачи уже просили ставить подписи о согласии пациентки и мужа. Скорбные листки, русские слова не многим понятнее латинских, жена пытается что-то уяснить, заглядывая в глаза врачей, он – в её.

Медики с ласковой усмешкой иван-чай в общем не отвергали, «пейте на здоровье», но... экология, канцерогены, стрессы. Вот с последним трудно не согласиться: стрессы, точнее один, но многолетний, уже многодесятилетний: единственная дочь, стареющая в полном одиночестве. Каждый Новый год втроём вокруг стола – попытка. Тем горшая, что не стираются воспоминания о её юности... Восторги, кавалеры... Слишком много было радостных предчувствий. Вырастили большеглазую красавицу. По возрасту чуть опоздала к поднявшейся волне Конкурсов разных Мисс, но о том ли печаль – жених-то Ирочкин, жених! На тогдашних лихих виражах, что в его депо, что в женином ателье опасались всего и за всех. Особенно, люди их поколения – за детей, которым, похоже, выпадало жить в другой стране. И Сергея Ирочкина судьба им послала как... в мифологиях они были не сильны, ну как Данко из рассказа Максима Горького – про этого-то все слышали, видели иллюстрацию: ведёт за собой, сердцем освещает путь вперёд. Уверенный. Не только словами, делом он объяснял им законы и возможности новой жизни. Будущему тестю успел подарить Тоёту с малым пробегом, теще – шубу из самого нежного меха. Ирочка вообще отказа не знала. И не вор, кооператор какой или брокер: занимался – «редкоземельными металлами». Поднимался стремительно, так, что про покушение на него (неудачное, машина только взорвалась) в новостях говорили два дня.

Но сначала собиравшиеся тучи второй осады Белого Дома заслонили сюжет Сергея, а затем нескончаемый хоровод похожих покушений, десятки, сотни удачных и неудачных, изрешечённые двери квартир, «офисов», автомобилей, подожжённые «загородные виллы»... А Сергей исчез внезапно, как сдуло ветром. Ира твердила, да и так понятно: не хотел навести на них беду. Его искали те, взорвавшие его машину, и другие, объявившие Сергея должником. За ними тоже следили, Ирочке даже угрожали, но проведя, видно, некоторые вычисления, отстали. Может, оставили возле них какой-то датчик, то есть, конечно, человека в роли сигнального колокольчика на удочке. В маленьком городке, вчерашнем посёлке – какого-то нового особо не «внедришь», и думать, что «колокольчиком» стал кто-то из соседей, было неприятно и тяжело.

Прошли месяцы, потом годы, ожидание вошло в ритм жизни, в привычку... Недавно в свой задумчивый час машинист почти сформулировал тезис. Будь он не водитель пригородных электричек, а герцог Ларошфуко, назвал бы это максимой: «Ожидание – вреднейшая из привычек». Хуже наркомании, знакомой, конечно, лишь теоретически, по телефильмам. Хуже курения: тут он судить мог – бросил «смолить» после первого из походов с женой по врачам.

Сначала Ожидание – форма благородной Верности, но вошедшее в привычку, в механику души, оно съедает изнутри, перечёркивает жизнь – примерно это хотел своей «максимой» сказать машинист. Может, их Сергей тоже увял в коконе ожидания, сидя под чужой фамилией в Югославии или Израиле

(последние из предположений газет перед занавесом полного Забвения). По вестям о взаимных убийствах высчитывает момент, когда можно вернуться. Или переродившись для новой жизни, забыл, просто уронил-потерял как дискетку, ту часть Памяти, где Россия, подмосковный городок, большеглазая Ирина. Или просто его уже нет. Нет в материальном мире, есть лишь образ, тоже некий стробоскопный рисунок, парящий над хороводом чужих мыслей, воспоминаний при определённой их частоте и интенсивности.

Ирине уже не родить, ему не видать внуков, жене в своей онковоронке – последнего утешения. Ограбление. Похищена жизнь дочери и по полжизни у них с женой. Пустота, какая-то «вакуумная бомба» сброшена на семью. А взамен наполнения жизни всем, чем наполнена жизнь у соседей, друзей, коллег по депо, ателье... пустынный ландшафт рождает в душах фантазийность, мечтательность.

Что-то подобное бывает в параллельной, рядом идущей жизни насекомых – отрывок рассказа какого-то натуралиста, случайно (телепередача была?) заброшенный в память, сообщал: главное у «малых сих» – возможность Метаморфоз. И не только зашифрованных по наследству, особо запомнилось, как одна и та же личинка, нимфа может стать «маткой», но что-то вдруг случись – вырастает совсем другая особь. Вот и он, машинист электрички, унесённый в открытый космос (в смысле пустынности) – стал почти писателем. Записывать, конечно, не записывал, но ярко представлял разные картины. Например, как однажды в город возвращается Сергей. В его электричке. Втянув голову в колодезь воротника серого плаща, выходит. Пассажиров слишком мало, чтобы затеряться. Сначала мелькнул в зеркале, несколько шагов и сравнялся с кабиной, спускается с платформы. Кажется, он беден и болен. Буря мыслей, решений захватывает машиниста, он бросает кабину, бежит, догоняет, но почему-то всё не может догнать, заглянуть в лицо прихрамывающего Сергея...

Поезд, набрав ход, увозил кавалера всё дальше от Глазастой. Лучи поднявшегося солнца уже не пробивали вагон из окна в окно насквозь. Намучившись на вихрях квадрата Ада – тамбура, мотылёк ещё раз проявил героизм: вместе с вошедшими в Талдоме перелетел в вагон, не испугавшись сдвигающихся скал-дверей так похожих на первые, что с грохотом отрезали его от своей страны. Вагон явил ему награду за смелость, временное отдохновение, смолкли, словно выключились тамбурные ураганы, багажная полка дала простор присесть, перевести дух...

Объявленная машинистом «станция Лобня» что-то означала для пассажиров: впервые кто-то вышел, до этого электричка, шедшая в сторону Москвы, только пополнялась. Но для мотылька-однодневки это объявление означало лишь то, что он, даже вылетев из дверей прямо сейчас вместе с лобненцами – уже никогда не доберётся до родины и своей Глазастой. Вы просто помножьте скорость полёта на срок жизни и убедитесь сами.

А на сиденьях под мотыльком разыгрывалась сценка из другой жизни. «Странствия Евгения Онегина» продолжались. Подарком мотыльку, маленькой удачей на фоне жизненной катастрофы стали цветы в корзинах. Проявив отвагу, рискнув ещё раз, он оставил железную полку и перелетел на махровые трубочки георгинов, расходящиеся как лучи солнца. Две корзины не могли заменить поляну, но... всё же какое-то подобие родины, родной среды.

Большинство срезанных георгиновых шариков фиолетовым отливом напомнили иван-чай его первой и единственной поляны. Кошка, сидевшая напротив, на коленях у девочки, своего интереса ни одним движением не выдавала, но из всего вагона выбрав именно мотылька на цветке – следила внимательнейшим образом, словно собирая материал для докторской диссертации.

Люди прибывали. На Долгопрудной бабка не очень охотно переставила корзины на пол, освобождая сиденье. Зашедшая вместе с пожилой дамой грязноватая драная болонка явно набивалась кошке в компанию.

– Мяу! – подумала кошка и отвернулась.

Именно так. Ведь странно, даже в самых реалистических рассказах, где зверюшки выражаются вполне аутентично: «Рр-гав!», «Мур-мяу», «И-го-го», размышления им вкладывают, напрочь нарушая соответствие языка речи и мысли. И, например, какая-нибудь собачонка, тьякая, думает на человеческом и даже русском языке! А это уже не «реализм», жанр, например «Волшебника Изумрудного города». Прекрасное, кстати, произведение, но историю своего Уллиса, странствий мотылька-Онегина... ну хотя бы попробую изложить «реалистично».

Подхваченная поперёк живота и тоже усаженная на колени дружелюбная болонка, переступая передними лапами, попыталась представиться кошке: «В-ваф-ваф!». Возможно и подумав про себя: «Рр-тявр!», но не подавая виду.

– М-рау, – решила кошка, ненавидяще глядя на тьякающий клубок шерсти, возможно пытаюсь гипнотизировать. Но от её вертикально-зрачковых чар болонка была надёжно защищена своей подвижной глупостью и весельем.

– Мрразь! – окончательно убедилась кошка и вернулась к своему диссертационному исследованию: «Особенности жизни мотылька-однодневки северного Подмосковья».

Видно, когда-то собаки крупно чем-то провинились перед кошками, как в свою очередь и велосипедисты, парковые бегуны – перед собаками.

Много, много тайн скрыто за кратким словом «инстинкт»!

А в Москве уже успел пройти дождик, на вокзальных платформах поблёскивали лужицы, по которым и почапала вышедшая с пожилой дамой болонка. Сохраняя классовую дистанцию, кошка поглядывала на всё, качаясь на девочкином плече.

Бабка тоже подхватила корзинки. В эти секунды свой выбор был даже у крохотного мотылька: как распорядиться своей остающейся, ещё немалой жизнью? Семь часов и несколько минут утра. Остаться на полюбившихся георгинах? Быть «проданным» вместе с ними где-то в районе Савёловского вокзала или... продолжить своё путешествие так недобровольно начатое? Не будем озвучивать размышления чешуекрылого Уллиса неизвестными ему русскими словами, не будем даже утверждать наличие этих и каких-то вообще мыслей – но простой, простейший факт остаётся-то! Он, правда, мог сделать одно из двух движений: зарыться поглубже в качающийся сноп нежных георгиновых трубочек или взлететь к стальной полке, остаться в Квадрате ада. Наверно, Авраам с Лотом, выйдя в незнакомую вселенную, открытый космос Ближнего Востока – так же озирались на каждой развилке дорог. И зная – Кто диктовал им решения, трудно, да просто невозможно принять другую версию, вставить другой двигатель в сам Механизм Выбора – любого выбора, независимо от массы тела.

Мотылёк-Уллис выбрал вагон. Не зная, разумеется, какую удивительную встречу подарит ему продолжение пути, он вернулся на железную решётку под серым потолком.

Вокзал – не станция какая, не затерянная лесная платформа, где иногда согласно Расписанию можно и вовсе не останавливаться. Поезд, отдавая дань уважения, постоял минут двадцать и медленно двинулся, скрежеща на стрелках, по тому хитрому соединительному пути, с которого и начался сей рассказ. Через некоторое время, пройдя даже небольшой туннель, оказался на Белорусском вокзале. Темнота, ночь в генной памяти бабочки-однодневки возможно сидела, как сигнал смерти, но наш Уллис выдержал испытание и туннелем.

Не будем останавливаться на сравнении Белорусского и Савёловского пригородных направлений, или хотя бы пройдём это побыстрее. Что Белорусское со своими Жуковкой, Николиной горой, графством Рублёвским... богаче и престижнее, это понятно, но видящему их впервые всякие дороги интересны. А уж кому и вовсе отмерено увидеть их в жизни только один раз, тем и вовсе мало дела до экономических различий.

Разницу мог видеть машинист: дома, публика. Где-то в одном перегоне от Одинцова начинал строиться и Сергей. Привозили видео, как они с Ириной гуляют по участку, перебрасываются репликами с рабочими. И тычут во все стороны руками, планируют, планируют... Уже в 1992-м земля там была страшно дорогой, хотя, насколько хватало взгляда видеокамеры, голой, увечной как танкодром, «безвидной», как в первой главе Книги Бытия. У всех соседей: котлованы, фундаменты. Хоть хватай любого, спрашивай: «Ну! И кто из вас первый сказал, что это место – престижно?!»

Однако сказал, и сбилось, и теперь на Белорусской дороге до платформы Пионерской справа-слева вдали мелькали красные башенки, стрельчатые окна, пики с затейливыми флюгерами. Далее богатых домов, может, и не меньше – но было больше простора, можно не скучиваться у дороги, и... все, как писали, «социальные проблемы», расслоение, архитектурные новорусские причуды мягко вбирал в себя подмосковный русский лес.

Тихий город Вязьма, «Конечная». Вокзал, приняв всех пассажиров, отправил электричку в тот тупик, где свершалось «библейское» превращение «...и последние станут первыми». Хвостовой вагон становился головным, а сидевший в нём помощник делался на время этого манёвра машинистом – ещё одна метаморфоза.

После долгой паузы поезд вернулся к платформам. Машинист с помощником неспешно совершили обратное должностное превращение.

Мотылёк остался в хвостовом, немного побился лбом в пыльное окно, словно пытаясь разглядеть ещё и этот свалившийся на него старинный русский город Вязьму. Его отчаянье прошло несколько стадий, но... если уж и кошки-собаки в этом вагоне и рассказе думали: «Мяу» и «Тяф!» – не станем и мысли мотылька озвучивать «человечьим голосом». В памяти его по-прежнему сидел запах, кодовый набор, шифр своей стаи, своей Глазастой, просто набор нескольких молекул и все триллиарды других наборов не рождали в ганглиях, в его однодневном мозгу той радостной вспышки: «Вот она – цель всей моей жизни!» Так и рыбака сёмга или лосось, нерка, горбуша, что кормят собой весь Дальний Восток, пересекают самый великий Океан – да ещё по диагонали, от берегов Чили до Камчатки, и отыскивают

из тысяч рек, ручейков – один, именно тот, где три года назад они бултыхнулись в Жизнь...

Так что упомянутое «отчаянье мотылька» озвучивалось не лермонтовским «...а годы проходят – всё лучшие годы!», а скорее неким гулом, бунташной вибрацией тела, парящего пока в полном расцвете сил. Самый сильный и смелый в своей стае, каким-то кошмарным, нелепым порывом, просто завитком сквозняка – выброшен, не убит, но выбит из жизни...

Приметы старения мы различаем только у себе подобных, ну, может, у самых близких соседей по ветви классификационного древа. И оценить возраст странствовавшего мотылька вряд ли сумел бы энтомолог – только собрат, свой, из своей стаи, а лучше она, Глазастая могли бы убедиться, что он ещё о-го-го, вполне и весьма. Потому так сильно, не жалея лба и глазных своих бусин он бился в вагонное окно: усталость, примирение с Судьбой ещё не подступили. Уллис, Марко Поло, Фернан Магеллан, Афанасий Никитин... цепко держал в голове запах-шифр Родины. «Всю-то я вселенную прое-ехал», готовый ехать ещё, пропускать сквозь себя ещё несколько вселенных, пока не совпадёт генный шифр.

Машинист в ново-головной кабине достал из серой брезентовой сумы пластиковую бутылку из-под чего-то а ныне с молоком, медленно развернул «тормозок»: хлеб с яйцом вкрутую и круг варёной, цвета мяса колбасы... Укладывая пустую бутылку в суму, глянул на часы, ещё раз на Расписание. Листок под пластиком, малопрозрачным, тусклым, как стариковские глаза – но колонки цифр ещё различимы, и одна из комбинаций: «11:35» приказала машинисту трогаться.

И словно строительная или плотницкая рулетка, разматываемая с четырёх утра, электричка начала заглатывать обратно двести километров стального пути, и в 14:20 электричка вновь стояла у той платформы Савёловского вокзала, где утром сошли болонка, кошка, бабка с георгинами. Здесь лет двенадцать назад вице-зять Сергей однажды почудился машинисту, сильно, до полной реальности. Садился в его поезд: в зеркале поток входивших в ближние двери был вполне различим. Не прихрамывающий, но опять – вот наваждение! – бедно одетый, в брезентовом дождевике. Приезжал-то он к ним всегда – щёголь щёголем. Может, это подсознание машиниста связывало крах, исчезновение человека с повалившимися тогда деньгами, богатством и потому, пытаясь вернуть, свершало действия обратные – упорно разматывало золотые фараоновы погребальные пелена. Признавая устойчивыми, жизненными, правдоподобными... только привычные, скреплённые всей жизнью нормы «уровни жизни».

Оставив кабину на помощника, он тогда вышел, заглядывая вправо-влево, медленно прошёл головной вагон и для верности второй. Не было не только Сергея, но и того «кандидата», похожего, в грубом плаще. Смущаясь ошибки, бесцельной прогулки перед пассажирами, он открыл в тамбуре железную створку и с озабоченным видом, скрывая внезапное отчаянье, полминуты смотрел на щитки и рубильники.

Ведя двенадцативагонный состав, везя тысячу доверившихся людей, о каком-то маневрировании собственной жизнью он не помышлял. Какие-то стрелки, развилки на «жизненном пути», немного, четыре-пять, но, конечно, были. Встретить любовь, жениться, родить-вырастить дочь... Правда, промелькнувшее время, сохранив в памяти миллионы подробностей, улыбок,

сердечных слов, удачных покупок, новогодних ёлок, первомайских застолий, долгих витиеватых тостов, обновок, поездок на юг... совершенно стёрло даже следы каких-то расчётов, его раздумий на тех развилках. Может, так казалось за давностью лет, но и в выборе профессии, жены он будто был столь же неволен, ведом судьбой по рельсам, как и в собственном рождении, призыве в армию – тоже, кстати, важные пункты биографии... Нет, не припомнить каких-то особых взвешиваний, размышлений – только чистая благодарность судьбе. Если что сейчас и заботило: лишь как это выразить жене? Почему-то казалось, что она винит себя за дочь, зятя, собственный приближавшийся уход. Что когда-то не смогла выносить второго.

Со стороны, теоретически такой итог Судьбы, такая «конфигурация», может, и будет выглядеть ущербно: вдовец и стареющая одинокая дочь... но это ведь лишь внешний взгляд! Вроде того листочка Всероссийской Переписи населения, с которым к ним давно, кажется в 2002-м заявили под самый вечер трое развесёлых студентов. Что-то в репликах, взглядах тогда мелькнуло... ладно, ерунда... а как сейчас показать жене, что он и не думает винить, а очень крепко ей за всю жизнь благодарен – вот задача. В начале шестого он будет дома, надо обязательно уговорить её сходить на Канал Москва-Волга – в годы их юности самое популярное место в летние дни: купание, мороженое, шашлыки. Сегодня пару раз громыхало где-то, но... слава Богу. Собраться, пройти километр до их места на Канале ей будет тяжело, но солнышко, держащаяся погодка будут хорошими аргументами. И вечерняя прогулка стала главной целью спешащего домой машиниста. Правда, смешно даже звучит «спешащего» – в случае машиниста. Расписание. Тут доверившиеся пассажиры могут быть спокойны, нарушить строчки этого Молитвослова Минтранса, Требника – всё равно что... на одной колее попытаться обогнать предыдущую электричку. Фантазия. Вся «спешка» машиниста выражалась лишь в том, что он чаще обычного посматривал в левое окно: жёлтый глаз солнца ещё не закатывался, день пока держался.

Но многим пассажирам щедрость «дневного светила» казалась чрезмерной, и, жалуясь на «жару», «пекло», они пооткрывали форточки. Мотыльку включённая в вагоне буря стала очередным испытанием в его долгой и многотрудной жизни. Тратя последние силы, он цеплялся за прорези багажных полок, отыскивал подветренные склоны громоздившихся сумок. И ни одной генно знакомой травинки, листка, цепляться за которые с рождения обучены все шесть его ножек. Ни корзины цветов (кто ж везёт из Москвы в область!), ни рассады: июль. Хвататься приходилось за нейлон и пластик пакетов. Когда выходившие в Лобне, Икше, Яхrome снимали и их, он перелетал, отыскивал новые укрытия. Возможно, бороться за жизнь ему придавало сил ощущаемое после Дмитрова и платформы Каналстрой – приближение Родины. Подчеркну, это лишь гипотеза, на самом деле мы (к счастью!) не знаем, как рыба сёмга, отправляясь чуть не от Огненной Земли, отыскивает на другом конце глобуса свою закамчатскую речушку. Как бабочка ловит в десяти воздушных кубокилометрах – «свою молекулу». И, если уж совсем честно, как-то спокойнее, пока эти тайны Жизни остаются «нераскрытыми».

К тому же, где тайна там и надежда, а вот разгаданный до конца кроссворд... Кроссворд. Именно такой и попался мотыльку, когда в пустующем вагоне он рискнул опуститься с высот багажных полок в долины дерматинных сидений. На одном из них и лежала желтоватая газетка «Кроссворды-сканворды».

Видно, пассажир-дмитровчанин, «убив время» дороги, заполнив словесные лабиринты до последней буквы и убедившись, что ни счастливее, ни хотя бы умнее он от этого не стал, бросил здесь её, ставшую временным аэродромом для безмерно усталого мотылька.

Пошевеливая крыльями, он переступил... ещё, и наконец, остановился на дорожке из пяти серых квадратиков, в каждом из которых стояли вписанные синей шариковой ручкой буквы: ж, и, з, н, ь – бывшие все вместе, в своём строю ответом на хитрый вопрос творца кроссворда: «Форма существования белковых тел», 5 букв по вертикали... Подобных передышек в движении поезда, прекращения грохота и вагонных воздушных бурь в жизни мотылька уже было очень много, но это была какая-то слишком долгая и блаженная...

И вдруг через левую форточку донёсся он, Глас природы. Точнее не всей Природы – мирового собрания всех живых, а части её, бесконечно, ничтожно малой, но уделённой именно для них – бабочек-однодневок. Шифр бензойных молекул, кодовая комбинация их стаи, граждан, родившихся этим июльским днём на берегу лесной лужи близ поляны, что рядом с платформой электричек Савёловского направления (самый точный адрес)... Взлетев с газетного аэродрома с его полосой «5 букв по вертикали», мотылёк взлетел к открытой фортке, и оттолкнувшись от стальной рамки, он наконец распрощался с вагоном, укравшим почти всю его жизнь.

И на этом жарком июльском закате ему неожиданно повезло: устало прядая, он пересёк встречный путь буквально за секунды до того, как по нему промчался какой-то вспомогательный вагон-дрезина с краном. Ошмёток разорванного воздуха хлестнул, швырнул его напоследок, но не добил. И вот он, преодолевая ту усталость, что объединяется со старостью – в некую уже беспощадную... устарость, взлетел наконец на ту платформу, к той скамье, где утром начался его танец вокруг Глазастой. Никого. Но запах, бомбардировка его неведомого датчика – знакомыми молекулами усилилась. «Приборчик» хоть и созданный на один день – был ещё исправен и по градиенту запаха указал мотыльку правильный курс. Напомнил, что в самом раннем их детстве-отрочестве, этим утром... до того, как ринуться на поманившую их платформу, к коварным поездам, они танцевали на полянке. Кочковатая, вся в цветных картонных ошмётках, жестебанках, сигаретных пачках, бутылках (много спешащих к электричкам), покрытая неувядаемым иван-чаем, снытью, крапивой и отцветшими одуванчиками. А на частых проплешинах нет и того – только налипшие зеленоватые пластыри подорожника. В общем – та полянка...

Незакатившийся ещё глаз июльского солнца бросал взоры-лучи на измученно прядающего мотылька и на спешащего домой машиниста, подёргиванием правого плеча удерживавшего сползающий на ходу ремень брезентовой сумки. Солнце, весь день разрезавшее и успешно прогонявшее наползающие со стороны Смоленска тучи, пока ещё не устало, а если и устало – не подавало виду, обещая добрый вечер всем спешащим, допивающим на ходу ароматы подогретого иван-чая.

Ещё оставалась в виду платформа с серо-кирпичной будкой продажи билетов, а тропинка взобралась на маленькую, даже не сказать возвышенность – просто совсем небольшой, покатый лоб замусоренной полянки. Отсюда в трёх крайних домах посёлка уже можно было пересчитывать окна. Пожилой машинист спешил к тому, что справа. Второй этаж, окно с красной занавеской. Ещё через метров сто можно будет различить и силуэт жены: она

будет стоять, зная наизусть осенявшее их общую жизнь – Расписание. Всегда его высматривает, облокотившись на подоконник слева от горшка герани. Ну, может, на полминутки отойдёт на кухню к кастрюлям («Твои любимые... привычная игриво-цирковая пауза... тефтели»). Но сейчас, вкупе с отголосками её утреннего сухого кашля – и четвертьминутное отсутствие в окне рядом с геранью родного силуэта заставляло пожилого машиниста переходить почти на бег.

А мотылёк летел другим краем поляны, там где тропинка, сваливаясь с косогора влево – уходит к лесу, в неглубокой глубине которого и цедился сквозь осоку один совершенно крошечный ручеёк. Строгая гидрографическая судьба не позволила ему и на чуточку показаться из этого леса. Лишь родиться под безымянной корягой и через считанные десятки метров навсегда уткнуться в подушку небольшой лесной лужи, чуть замочившей ноги трём берёзкам и паре осин. Только в летних зенитах солнце могло пробиться к мутному зеркальцу с патиной серой ряски и плавающими жёлтыми листьями. Да, скорее просто лужа, чем хоть микро-микро-озерко, но именно там, там родился мотылёк-Магеллан. Сегодня, около четырёх часов утра, вместе с Глазастой, вместе со всем своим чешуекрылым поколением. Биологический диктант жизни не всех насекомых одинаков, но бабочек-однодневок он немножко ровнял с Афродитой: родиться суждено в воде. И вдоволь натанцевавшись за день, порхая выказав силу своих крыл, найти свою суженную, вернуться. Оставить прилепившиеся к водным былинкам белые, меньше маковой росинки точки, икринки будущих жизней. «Всякая тварь после соития глядит печально» – подметил Аристотель. В случае наших мотыльков пружинка запускаемой утром программы не предусматривала, как например, для богомола, мгновенной или быстрой смерти после выполнения Главного Дела Жизни, и... некоторые из них продолжали ещё то, чему только и были обучены: танцевали, кружились, взлетали, прядали и порхали в постепенно остывавшем июльском воздухе. Продолжали по... о, как бы избежать тут смертельного слова «инерция»? и чем бы заменить убогое слово «привычка»? Но, в общем, продолжали свой бал, смотревшийся теперь уже немного по-другому.

Уворачиваясь от шмелей и стрекоз, мотылёк-Магеллан нырнул в свой неглубокий лесок. Треск счётчика «своих молекул» усилился необычайно, почти разрывал бедную голову. Ещё рывок, и увидел свою сильно поределую стайку... В этот час, в эти минуты вечера, когда его друзья-ровесники, не связанные уже нитью Главного инстинкта, теряя последние тук-туки управлявшего ритма жизни, тик-таки отпущенного времени, осыпались на гладь воды, Он и увидел свою Глазастую, включился в замедляющийся танец, и... обмен кодовыми молекулами показал ему: Она узнала!

Вечерний луч из числа последних пробивавшихся сквозь плотнеющий берёзовый занавес ударил по темневшему зеркальцу лужи, отразился театральной подсветкой на слюдяных крыльях, дрожанием рождавших знак большого вопрошавшего Глаза.

– Где? Где?! Ну где же ты был...

Эпилограф

Нет, не получилось завершить рассказ, соответствуя провозглашённым как раз сегодня утром правилам строгого классического реализма, так, чтоб у всех-всех язык мысли соответствовал языку речи, чтобы и кошки думали «Мяу», и собаки – «Гав», чтоб не наваливать на животных, насекомых, рыб – тяжкий им, неподъёмный груз наших сантиментов, тоски, сомнений...

– Где? Где?! Ну где же ты был... весь этот день?

– О, эти электрички!

... Единственно, хоть машинист успел. Застал жену дремавшей на диванчике.

– Извини. Встречала же, стояла у окна, да вот что-то прилегла, забылась.

– Что ты, что ты! Это я сегодня выбился из расписания...

Произнесено обоими – абсолютно не разжимая губ, но слышано и понято на Эфирном Языке вибрирующих крыльев души, само существование которого оставляет тонкую паутинку надежды на встречу и за гранью положенных Метаморфоз.

ПОЭЗИЯ

Алеся МИХОЛАП

Алеся Леонидовна Михолап – родилась 12 ноября 1999 г. в отдалённом гарнизоне на границе с Казахстаном в городе Ясном Оренбургской области в семье военнослужащих. С родителями исколесила Россию. Побывала на Урале, в астраханских степях и на Вятке. В 4 года начала сочинять стихи и рассказы. Закончила музыкальную школу. Играет на синтезаторе и гитаре. Прекрасно плавает. Любит путешествовать. Много рисует и читает. Увлекается спортивным туризмом. Участвует в литературных чтениях Дома Культуры города Новороссийска.

Живёт в Новороссийске.

«И образы, кружась, смеялись...»

***

Плескались волны – здесь приливы,
А горы таяли во тьме,
И образов мои наплывы
Стучались в подсознание мне.

Вот тут сидели и играли,
Вот тут лежали на спине,
А помнишь, сердце замирало,
Бежали по морю к луне?

Не помнишь? Жаль, но суть не в этом.
Ты помнишь водоросли в воде?
Их не воспеть ничьим поэтам,
Но так красивы в темноте.

Ты помнишь шёпот пены?
Осознаёшь секреты брызг?
И дня минувшего проблемы
Развеет полуночный бриз.

А где-то рядом бродят люди,
Там и гитары тихий звон.
Ну а теперь давай забудем,
Раскроем наш особый зонт.

Давай укроемся под небом,
Накинем одеяло волн.
Я поделюсь своим секретом,
Пока над нами тьмы заслон.

Я расскажу тебе все тайны
И покажу морей сюрприз.
Сбежим с тобою в океаны,
Исполнится любой каприз.

***

Гитара тихо бормотала,
Напоминая волны, свет.
А Ваше платье всё мелькало,
Нарушен вековой завет...
Вы улыбались, но... солгали
И лгали, лгали без конца,
А правду Вы всегда скрывали
И образ жуткого лица.

Скрывали жизнь, скрывали душу,
В гитары звуки всё впелось.
И Ваша ложь... Нет, не нарушу,
Останьтесь в замке этих грёз.
Пусть гитары все аккорды
Сольются в ненависть одну.
И лишь одни от Вас невзгоды!
Хочу сказать... Но не могу.

Гитара пропоёт красиво
Остатки музыки своей.
Улыбка Ваша... Только криво.
И воск растаявших свечей...

***

И пела скрипка, надрываясь,
Смычок мелькал то там, то тут.
И образы, кружась, смеялись,
Лились слова из лживых губ.
И приглашали покружиться,
Создать пародию на вальс.
«О нет, тебе это не снится!»
И лица. Много, много вас!
А скрипка плакала, играя,
Пытаясь радостно запеть.
Душа рвалась почти растаяв...
И не осталось сил терпеть!
Пустите, прочь! Вы все фальшивы,
В пустых глазах лишь зыбь одна.
А скрипка, всхлипнув молчаливо
Исчезла в мягком свете дня...

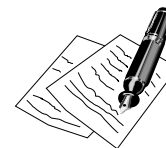
***

Пред вами – я, безвольный клоун,
Забава прошлая детей.
Смеялся, раздавал поклоны,
Но ночь прошла. Исчез мой день.

Исчезла с ручек позолота,
Мой нос совсем уже не тот.
На чердаке оставил кто-то,
Сказав: «Пускай он здесь живёт».

И я лежу тут. Бесконечно.
Со мною здесь живёт паук.
Моя же пытка длится вечно...
В тени. Без тёплых, нежных рук.

А за окном калейдоскопом,
Мелькают месяцы, года,
Весь мир погряз в своих заботах,
И я потерян навсегда.

ПАМЯТЬ

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ

Школа

I

В начальных классах было у меня с учёбой и поведением хорошо, а с друзьями не очень. В старших стало наоборот. Был я в начальных классах робок, стеснителен и неуклюж. Что называется, книжный ребёнок, из интеллигентной семьи, воспитанный мамой и бабушкой-учительницей на классической русской литературе. Другими словами, к улице и нормальной жизни абсолютно неприспособленный. А также слабый и духом, и телом. И потому частенько попадающий в ситуации неловкие и унижительные. Помню каждую из них даже сейчас, по прошествии стольких лет. В первом классе однажды я очень хотел в туалет, но стеснялся среди всего класса встать и отпроситься. Мне казалось, что девчонки будут надо мной хихикать. Так и досидел, пока не обмочился прямо на уроке. А у нас фотография была намечена сразу после этого: групповая и индивидуальная, с букварём. Так, по причине мокрых своих штанов я фотографию не получил и был отослан домой, с позором. А девчонки, не то что хихикали, ржали как кобылы, когда учительница меня из класса за руку выводила.

Во втором классе, бежав на самый первый урок в первый же школьный день, я на полном ходу споткнулся и упал в новом школьном костюме в дорожную едкую пыль. Пришлось возвращаться домой и под вопли матери переодеваться в майку и шорты, пока она мой костюм не почистит.

В третьем классе играл я как-то с мальчишками вечером возле школы. Вдруг откуда ни возьмись вышел из-за угла здоровенный, как мне тогда казалось, пьяный мужик. Вышел на середину школьной баскетбольной площадки, где мы играли, и давай прямо при нас мочиться. Для нас это, понятное дело, развлечение, орать стали ещё больше от восторга, и вдруг кто-то из нас, самый умный, бросил в мужика камень. Попал он или нет, не помню, но только мужик рассвирепел и начал

Константин Емельянов – родился в Алма-Ате в 1966 г., окончил факультет журналистики Казахского Госуниверситета в 1989 г. и работал в местных газетах и на радио до 1997 г., когда уехал в США на ПМЖ. В Америке работал преподавателем русского языка и переводчиком. Недавно начал сотрудничать с местным русскоязычным журналом «Чайка».

Живёт в Александрии (США).

за нами по школьному двору гоняться. Ну и кого, вы думаете, он поймал? Правильно, меня, так как бегал я плохо и был в ту пору толстоват от ежедневного употребления пирожного «Картошка», стоившего тогда в школьном буфете 22 копейки.

– Щас ты, сука, узнаешь, что такое злость, – рычит мужик и давай меня метелить.

После пары затрецин и пинка я уже валяюсь в пыли и умоляю алкаша не бить меня больше. Было мне не столько больно, сколько страшно. Алкаш, пнув меня, уже лежащего и все ещё вопящего, ещё пару раз больше для проформы, стал не спеша удаляться по направлению к оживлённой улице Ташкентской. Я всё ещё лежал в пыли и тихонько поскуливал да всхлипывал как побитая дворняжка.

– Эй, пацан, ты чё ревьешь? – вдруг оказался рядом со мной парень казах, подтянутый, в кожаной куртке. Откуда он появился, я так и не помню, только увидев след от ботинка на моей белой рубашке, парень подошёл ещё ближе.

– Ты чё, кто тебя? – наклонился парень и вдруг увидел удаляющегося мужика. – Этот? – в последний раз обратился он ко мне и после кивка бросился вдогонку за мужиком.

Помню, короткий замах перед ударом в челюсть и как страшно матерился алкаш, пытаюсь теперь уже сам подняться из пыли.

Что произошло после, я не разглядел, так как в это время бежал со всех ног со школьного двора по направлению к дому. Оставшуюся дорогу я всё допытывался у бросивших меня в минуту опасности дружков, не сломал ли мне мужик спину, и те виновато уверяли меня, что со спиной у меня всё в порядке, иначе я просто не смог бы ходить.

В пятом классе меня прямо в нашем мальчишеском туалете избили два моих же одноклассника: Длинный с Китайцем. Рожу мне «начистили» и синяк поставили под глазом, а я глотал слёзы с соплями да подвывал тихонько. Не помню уже за что, хотя эти двое мне чего-то пытались разъяснить. Как пришёл домой, мать сразу: Ох, да, ах! Да, кто и за что и где? Ни слова не сказал, так она отправила меня на выходные к матери своей, то есть моей бабушке. Та же, лиса хитрая, в доверие втёрлась, пожалела долю мою нелёгкую, ну я ей со слезами всё и рассказал. Так она матери всё по телефону и разрезвонила, хотя мне обещала, что никому ни слова, отличница ты наша соцобразования! Когда вернулся я домой в воскресенье, мать меня за шкуру и домой к моим обидчикам. Поорала там, поскандалила, но вроде напугала и Длинного с Китайцем и родителей их. Хотя меня это тогда совсем не радовало, потому что знал я, что будет мне в понедельник от тех обоих за мой «донос». Пришлось школу прогуливать недели две и врать матери, как хорошо я провёл свой день.

Пока однажды вечером не пришли ко мне домой девочки из класса с запиской от встревоженной классной руководительницы. Тут уж мать рассвирипела и дала мне в тот вечер основательно. Так, что школу я больше никогда не пропускал кроме как по болезни.

Вот и остались у меня с начальных классов не самые радужные воспоминания. А когда я с моим единственным другом тех лет Женькой Дмитриевым шёл понурясь на свою послеобеденную смену, нас часто встречал и провожал его сосед, старшеклассник Юрка, фразой своей замечательной: Мы отмучились, а вы идёте мучиться! Так и продолжались мои муки до самых старших классов. Там уже возраст другой подошёл, а вместе с ним и половое, так сказать, созревание.

II

Сейчас в прессе пишут часто «о сексе» между учителями и старшеклассниками. Тогда, в 70-80-е такие случаи были из ряда вон выходящими и абсолютно недопустимыми в большинстве алма-атинских школ. За исключением, пожалуй, нашей. В мою бытность десятиклассником я слышал по крайней мере о двух таких историях, когда 30-ти и чуть больше-летние учительницы занимались «этим» с десятиклассниками. Многие из нас про это знали, иногда от самих тех десятиклассников, обсуждали и смаковали последние слухи. В школе вообще сложно что-то утаить, особенно такие «связи». К слову, тогда многие старшеклассники и старшеклассницы выглядели как совершенно взрослые дядьки и тётки, случайно, по ошибке надевшие школьную форму.

Ускоренное половое созревание тоже сыграло свою роль во всеобщей школьной «криминализации». Во-первых, весной всегда увеличивалось количество драк. Не только Дерибаса с другими районами, но и чисто внутренних кровопролитных разборок в классах или между ними. Мужской гормон тестостерон бил «пацанам» в голову так же сильно как булыжник или «дубак» на массовом «махаче». Те гаражи, о которых я уже упоминал, становились чем-то вроде арены для множества «боев без правил», начиная с апреля и практически ежедневно. Во-вторых, половое созревание затронуло не только «башибузуков», но и так сказать, более прогрессивную часть учащихся. Помню, как даже один наш всеми учителями любимый Отличник и комсомольский Активист писал скабрёзные записочки красавице Ирке, типа: Приходи после уроков ко мне домой, рыбок покажу... а сам при этом алчно поглядывал на её длиннющие голые ноги, выпирающие из-под стандартной школьной формы – коротенького платица, белого или чёрного фартука и гольфов по колено. Если учесть, что, начиная с апреля девочки колготки не носили, а только гольфы, а признанные школьные красавицы и те надевали их не всегда, томительные «пытки» наши начинались с приходом каждого тёплого времени года.

Когда посреди урока каких-нибудь географии или истории, а ещё хуже физики или черчения ты видишь случайно оголившийся кусочек чьей-нибудь ляжки или белый лифчик через белую же рубашку, тебя частенько охватывало то дурное, тупящее томление, и одуревшая башка была полна порнографических картин с тобой и какой-нибудь одноклассницей в главной роли.

Признаться, в рукоблудии, понятно, боялись не только потому, что это было как-то не по-пацановски, стыдно. В СССР, как известно, секса не было. А вот его составной компонент – мастурбацию, официально и неофициально считали худшим из пороков. Кроме того, от онанизма «можно» было, согласно медицинским журналам и справочникам, «поплатиться» такими вот «страшными» заболеваниями: а) ослепнуть, б) отрастить волосы на ладони, в) заболеть сифилисом, гонореей и другими венерическими заболеваниями. Что позже оказалось полной чушью. Кроме того, считалась подобная «привычка» постыдной и среди «пацанов». С подозреваемым просто переставали здороваться за руку по причине брезгливости. Поэтому темы сексуальных фантазий среди «пацанов» не обсуждались как проявление недозволительной слабости. Общепризнанных красавиц школьных мы, как правило, побаивались. Не столько за их ослепительную внешность, сколько боялись «перейти дорогу» кому-нибудь из дерибасовских «авторитетов», уже положивших глаз

на какую-нибудь легкомысленную красотку. А вот других девчонок, помню, «зажимать» на вечеринках пытались и даже по спинам на спор гладили, причём во время уроков. Те, понятное дело, бесились, но открыто не жаловались. Слышал я и о попытках изнасилований на вечеринках, дискотеках и просто после уроков. Была в десятом классе на слуху история, когда группа «пацанов», человек пять, напросилась в гости к одной девчонке со школы, когда её родителей не было дома, и попыталась ее изнасиловать. Девчонка стала истошно орать, отбиваться, поднялся шум, соседи вызвали милицию, и группе пришлось «сваливать» из квартиры, прыгая с балкона второго этажа. Потом начались всякие допросы и дознавания, но вмешались чьи-то влиятельные родители и, кажется, девчонка заявление своё в итоге забрала.

III

В школьные годы у каждого из нас была кличка или прозвище, а у некоторых и две. Этимология школьных кличек может быть самая разнообразная, как предсказуемая, так и неожиданная. Дети, как известно, видят и замечают всё вокруг себя. Они незлые, просто они называют вещи своими именами и с «политической корректностью» незнакомы. Если их одноклассник толстоват, то его и называют все «жир-трестом», носит очки – соответственно «четырёхглазый» и т. п.

Давались клички и прозвища по ассоциации с именем или фамилией. Часто – по внешним признакам и физическим недостаткам. Старосту класса Маринку мы звали Муркой. Галку-отличницу за малый рост дразнили Кнопкой. Юркою Лёшку прозвали Шнырой, а друга его, высоченного Костю – Длинным. Ещё одного отличника Асхата за насмешливый прищур азиатских глаз называли иногда Китайцем. Иногда прозвища давали обидные. В футбольной команде вратарём у нас был абсолютно чумазый паренёк, которого все звали Чистым. Среди дерibasовского молодняка был ещё один тип, который всегда нарочито громко говорил и истерически смеялся. Так его прозвали Шизофреном или коротко, Шизом.

Если у учеников клички давались большинству, то учителю такую «славу» надо было заслужить. Потому клички давались учителям нелюбимым и непопулярным. Так, суровый военрук Могильный за глаза был военруком Мудильным. Ещё одного «душку», нашего бессменного физрука Владимира Васильевича за его крикливость, сварливость и летящие слюны изо рта окружающие «ласково» прозвали Варезкой. Его истошные вопли слышны были в каждом кабинете нового и старого зданий. Раскрыв свою «варезку», он просто не мог остановиться, распаяясь больше и больше. Прямо как Жириновский на заседаниях Госдумы. Говорили, что как-то на выпускном балу подвыпившие старшеклассники хорошенечко его за это избили. Урок из этого Вольдемар со временем извлёк и вопил теперь избирательно, предпочитая не связываться с физически сильными старшеклассниками.

Авторитетным пацанам Дерibasа и «старикам» смешные и обидные клички такого рода давать побаивались. И потому называли их уважительно-нейтрально.

Учился со мной в классе один местный авторитетный пацан Руслан Юсупов, всю школьную жизнь носивший только одну «кликуху»: Супа. Роста он был среднего, но физически развит неплохо и «шишку держал» в классе, как мы говорили о тех, кто мог физически побить любого. Ещё одну одноклассницу

Ленку Вахрушеву величали Ватрушкой по ассоциации сего кулинарного продукта и её фамилии. У Супы с ней был «роман» в десятом классе. Иногда он охотно делился с нами деталями этого романа. Будучи «пропитанным» дерibasовским духом пренебрежения к женскому полу, Супа старался показать, что для него это увлечение ничего не значит. Даже громко декламировал в классе, озорно поглядывая на свою «азнобу»: У Руслана под подушкой (вариант: на подушке) лежит «слаа-а-адкая» Ватрушка!

Не знаю, дошло ли у них там «до подушки», но Ленка реагировала на эти куплеты болезненно, краснела и даже из класса выбегала. Хотя Супу она позже прощала, и их опять видели вместе.

Так вот, Супа любил иногда допекать слабых своих одноклассников, напоминая им, кто в доме «хозяин». Как-то в классе пятом-шестом он подкрался ко мне сзади, когда я о чём-то философском задумался на перемене, и залепил мне хорошего «леща». У меня аж в голове всё заныло и слёзы из глаз выступили. Увидев, как я скривился, он радостно заржал:

– Не спи Емеля, твоя неделя, – и отошёл довольный. Любил он такого рода «приколы».

– Супа-залупа, – пробормотал я, потирая ушибленный затылок. Надеюсь, что он не услышит. Но как всегда ошибся.

– Чё ты сказал? – его как током прошибло от такой моей наглости. – Да ты знаешь, что я с тобой щас сделаю?

Я, разумеется, не знал, но догадывался. Тут, к счастью, прозвенел звонок на урок, и в класс стали заходить наши ребята и девчонки. Послышался и зычный голос нашей классной руководительницы, громко созывавшей на урок отставших «бездельников». Она с секунды на секунду должна была зайти в кабинет, где мы сидели, так что Супе не оставалось ничего другого, как отложить разбирательство. Что он и сделал.

– Ну ладно, козёл, после школы поговорим, – угрожающе бросил «шишкар» и отошёл к своей парте.

Голова моя всё ещё гудела, но всё больше боль вытеснял страх перед тем, что меня ожидает через какие-нибудь парочку часов, оставшихся до конца учебного дня. К концу урока страх тот перерос в настоящий ужас. Извиняться было уже поздно, в вопросах наказания Супа был неумолим. Да и «задел» я его, видать, порядочно своей неожиданно вырвавшейся рифмой. Так что оставалось либо ждать расплаты, либо – «ноги в руки» и домой. Что я и сделал, выбежав из класса через секунду после заключительного звонка. Не скажу, чтобы это сильно помогло мне, но какие-то секунды я всё же выиграл.

И вот я бегу весь в холодном поту к своему дому. За мной метрах в двухстах рысью «скачут» Супа и один из его прихлебателей. Уже подбегая к подъезду, я панически осознаю, что не успею достать ключ и открыть дверь до того, как меня схватят. Между тем, погоня приближалась быстро. Как загнанный заяц я, виляя на поворотах, залетел в подъезд, миновал такую знакомую дверь на первом этаже и, не останавливаясь, бросился вверх по лестнице. Пролетев второй этаж, замер на третьем, прислушиваясь. Только затих, как к моей двери подскочила погоня в виде толстого и злого Супы и его «адъютанта». Они начали сначала звонить, а потом тарбанить в дверь кулаками.

– Сейчас этот козёл скажет: нет, – говорит Супа своему прихлебателю.

На мгновение оба затихли, прислонив ухо к двери и прислушиваясь. Двумя этажами выше стою я ни жив, ни мёртв.

– Чё-то тихо там, не может он так быстро добежать, – продолжает

рассуждать Супа, и тут проклятый прихлебатель угодливо предлагает пойти наверх и посмотреть.

И к ужасу непомерному своему, я слышу, как они начинают бодренько топтать наверх по направлению ко мне. Так в своё время метался профессор Плейшнер из сериала «Семнадцать мгновений весны», «зажатый» в подъезде агентами гестапо. Я на цыпочках поднимаюсь на самый последний этаж и начинаю судорожно звонить во все четыре двери на площадке. Три из них предательски молчат, а из четвёртой через пару секунд высовывается сердитое лицо какой-то тётки-домохозяйки. Как будто она ждала, что кто-то позвонит в дверь. Узнав меня и прослушав мой жалобный скулёж, что там внизу «плохие мальчишки меня обижают», домохозяйка смягчается, берёт меня за руку и ведёт вниз навстречу запыхавшимся «агентам», которые уже достигли площадки третьего этажа. Прослушав лекцию, что «драться нехорошо», они вяло кивают и убираются из подъезда, показав мне тайком большой и волосатый Супин кулак. Я благодарю свою «спасительницу», забегаю домой и запираюсь на оба замка. В окне вижу, как Супа с «адъютантом», постояв и поглазев немного на мои окна (а смотрю я на них через малюсенькую щёлочку в шторах, надеясь, что меня они не видят), разочарованно удаляются восвояси.

О, идолы и кумиры наших школьных дней! Как непостоянны и коротки были дни ваши! Как за голливудской «звездой» наблюдали мы в школе стремительное восхождение очередного «классного» заводилы и столь же стремительное его падение. Кто бы мог предположить тогда в средних классах, что «звезда» Супы закатится ещё до окончания школы? Но это всё же случилось в середине десятого класса после его невыразительной драки с другим «претендентом» на школьное лидерство, вольным борцом из параллельного класса по имени Акыл. Интерес к их грядущему поединку подогревался в школьных «массах» постепенно, но неумолимо. Когда десятый класс перевалил за половину, плохо скрываемая их ревность к славе другого и явная взаимная антипатия вкупе со страхом «потерять лицо» сделали дальнейшее уклонение от поединка невозможным. Мы даже с пацанами частенько спорили на предмет, кто в школе сильнее всех: Супа или Акыл?

И вот, свершилось! Где-то в марте наступил день, когда школьный «беспроволочный телеграф» известил, что драка назначена на сегодня. Ярким тёплым днём после уроков потянулось всё мужское население первой смены от восьмого до десятого классов за школьные гаражи. Там весной обычно и происходили подобные зрелища. Шли пацаны туда парами или группами, делая «ставки» или просто предвкушая «бой века». Увы, вместо радости все испытали тогда горькое разочарование. Уже с самого начала поединка чувствовалось, что соперники откровенно побаиваются друг друга, и потому оба уделяли больше внимания защите чем нападению. После унылого топтания на месте и вялой имитации ударов последовал такой же тоскливый переход в «партер». Ещё пара минут прошла, и ничего не происходило. Бойцов, то есть борцов пришлось разнимать на исходные позиции, но их продолжало тянуть в объятия друг друга как молодых любовников. Подобная тягомотина продолжалась ещё минут пять. Мы-то все ждали, что вот-вот грянет бой! Но так и не дождались. Наконец оба бойца устали, и после тоскливейшего поединка, длившегося от силы десять минут с перерывами (один только массовый поход до места схватки занял больше времени), была объявлена ничья. Весь свой «авторитет» наши «лидеры» после той схватки потеряли.

IV

После окончания восьмого класса состав будущего девятого «А» обновился процентов на сорок. Ушли те, кого школа и советское среднее образование посчитало «профнепригодными» на получение аттестата зрелости, то бишь окончания десяти классов. Так сказать, произошёл естественный отбор, разделив обычных мальчишек и девчонок на старшеклассников и «Пушников». Среди последних был и наш с Женькой кумир и идол Павел Зуенко, здоровенный уже в том переходном возрасте парень, драчун и забияка, но в то же время обладавший весьма острым умом и своеобразным чувством юмора.

Ещё в начальных классах мы, затаив дыхание, наблюдали битву двух тогдашних лидеров второго класса: Павла и Асы, сошедшихся в рукопашной схватке на перемене. Хотя Аса, с виду законченный бандит, был наглее и сильнее физически, Павел бился с ним на равных. Были ещё и другие бои такого рода с его участием, но окончательно он вошёл в нашу легенду, когда классе в пятом бросил «вызов» нашему учителю труда Виктору Степановичу Бусыгину по кличке «Глобус». Сходство с этим предметом урока географии Бусыгину придавала его лысая крупная голова синюшно-бордового цвета с полусариями остатков полуседых волос по бокам.

Так вот, Павел, приехавший в школу на автобусе откуда-то из-под «нижней» части Ташкентской, был не только силен и ловок в бою, но и знал множество блатных похабных частушек и песенок и, к нашему восторгу, частенько их исполнял. Более того, он сам умел переделывать детские популярные песенки из мультиков в такую вот веселую похабень. Типа «Карусель, карусель начинаем рассказ...» И далее мат-перемат, но очень смешно. Талант, согласитесь, редчайший и весьма затребованный как среди «блатных», так и таких мальчиков из хороших семей, какими были мы с Женькой. Да и среди «приличных» девочек, как позже оказалось, было немало почитателей этого «жанра».

И вот, после третьего-четвёртого класса стали ходить мы, мальчишки, на уроки труда, а девчонки на уроки домоводства. Была у нас для уроков труда построена мастерская во внутреннем дворе школы между старым и новым зданием. Прямо под переходом с портретом Маяковского во всю стену. В качестве приобщения к труду, Глобус-Бусыгин часто заставлял нас выпиливать столярным лобзиком какую-то фигню на тоненькой дощечке. Дощечка трескалась, пилка у лобзика ломалась, пацаны пыхтели и кряхтели. Бусыгин, видя такое неуважение к столярному делу, часто злился на нас и кричал, отчего лысая и красная голова его приобретала вообще какой-то зловеще бурый цвет.

– Ну какого хрена ты давишь на эту б...дь! – нервничал Бусыгин.

– Я не давлю, – оправдывался юный «трудолюб», – она сама...

– Сама! В ж...е у сома! – ещё больше кипятился трудовик. – Положи на хер!

И в таком же духе он беседовал с большинством из нас. Нет, был Виктор Михалыч мужиком незлобным, даже добродушным. Просто он считал, что столярное мастерство доступно всем, кто хочет научиться, и только законченные придурки (вроде нас) могут лишь пилки у лобзика ломать. К тому же, по-моему, любил Степаныч «подавать» накануне рабочего дня, что часто отражалось на его мизантропическом состоянии духа.

Вскоре повадился Павел Зуенко громко запевать перед уроками труда, как только мы всем классом заходили в мастерскую: «Не крутите пёстрый глобус, не найдёте вы на нём...» Только вместо «пёстрый» он вставлял теперь

«лысый» и выразительно бросал взгляды в сторону насупившегося с «бодуна» Бусыгина. Куплеты периодически «обновлялись» с вариантами «пьяный» или «сранный» перед словом «глобус». Песнопение сие приводило всех присутствующих (кроме трудовика) в состояние повышенной весёлости. Действительно, «нам песня строить и жить помогает». Так, пригнувшись низко-низко за нашими партами – столярными станками, Хохол и я просто «подыхали» от хохота, заглушая его закрытыми ртами, и только тряслись мелко как припадочные.

– Ну-ка ты заглохни, балбес! – рыкнул как-то на поющего Павла Бусыгин. И очень неодобрительно покачав «глобусом», отошёл к своему учительскому «станку». Все присутствующие замерли в ожидании «грозы».

– У, плешивый! – вполголоса бросил Павел в полной тишине к ужасу и восторгу онемевших одноклассников.

– Я тебе щас как врежу! – заревел Глобус, опять направляясь к Павлу, краснея всё больше.

Слава Богу, что Зуенко на этот раз благоразумно промолчал.

Слава его после этого удвоилась среди одноклассников и особенно у меня с Женькой.

Когда Павел ушёл после восьмого класса, с ним вместе ушли ещё несколько хороших ребят, с которыми мы дружили с первого класса. Такие кёк Лёшка Кормилицын (кличка Кормила), Серега Кожуховский (клички Коржик, Кожух, Кореш или Варенька Корейш из какого-то рассказа то ли Толстого, то ли Тургенева). Ушёл и Серёга Гумников по кличке Челюсть, якобы выправшую и очень тяжёлую при ходьбе, которую мы хохоча постоянно пытались «помочь» ему поддерживать. Ушли также казахи Шакир Сулейманов по кличке Суля и Аскар Мажитов по кличке Батрак, литовец Гинтас по кличке Битлас (по причине рифмы с именем и длинных волос), уйгур Толик Ишанов по кличке Яшка, украинец Юрка Кононенко, прозванный почему-то Гансом, наверное, в силу своей блондинистой арийской внешности, и другие девчонки и мальчишки.

Клички давались по именам и фамилиям, а также по их ассоциации с литературными героями. Я уже говорил про прозвище Варька Корейш, «прилипшее» к Серёге Кожуховскому после памятного урока литературы. Но особенно «повезло» пришедшему в девятом классе Вовке Шевцову. После прочтения нами «Молодой Гвардии» Фадеева, Вовка «превратился» в Любку Шевцову. Хотя и с понятными протестами с его стороны. Напоминал он скорее Чака Норриса, чем Любку, и был такой же рыжий, здоровый и мускулистый. Я слышал, что Вовка после школы служил в Афгане, был там ранен и потерял ногу. После школы девчонки наши видели его хромавшего на протезе.

У меня, например, за десять лет школы было таких «кликух» штук пять-шесть, по две на начальные, средние и старшие классы. В первых-третьих классах это была, понятно, по близости моей фамилии, Емеля, из сказки про дурачка. Позднее «прицепилась» ко мне ещё одна из той же «оперы» после прочтения в классе детского рассказа «Емеля-охотник», кажется Некрасова, но, может быть, и того же Тургенева.

В классах постарше звали меня, с лёгкой руки другана моего Хохла, Биндюгом. «Пришло» это прозвище из Кондуита и Швамбрании Кассиля скорее из-за моей неуклюжести и нелепости на футбольном поле. Ну и закрепилось оно после бернесовской песни про Костю-моряка из кинофильма «Два бойца». Помните, когда «все биндюжники вставали»...

Кстати, Хохол, то есть Женька был никакой не хохол а половинка-наполовину русский и казах. И Хохлом его прозвали за пристрастие играть в нападении «под Олега Блохина». Он и меня к футболу приобщил и в команду пристроил, в защиту, а сам играл в нападении и довольно неплохо.

V

В начале девятого класса на место ушедших ребят пришли новые. Одни из них попали к нам из других школ после переезда в наш район. Другие пришли из расформированного за ненадобность параллельного класса «Г». Если в начальных и средних наша школа имела четыре класса от «А» до «Г», то в старших классах осталось только три из них. Видимо, потому что ушедших после восьмилетки было больше, чем пришедших для получения аттестата. Вот и закрыли у нас девятый «Г» за ненадобностью, прислав к нам оставшихся из «счастливчиков».

Была среди новичков одна загадочная личность. Звали его Булат, он же Бала (не путать со страшным «стариком» Балой), он же позднее получил «партийную» кличку Мими. Появившись в первый день в классе на уроке, он был описан очевидцами как смуглый худенький парнишка с длинными волосами и независимо пожевывающим Бабл Гам. Как всегда, когда посреди урока приводят в класс новичка, за ним с интересом наблюдают несколько пар глаз. И вот в течение первого получаса наблюдатели с интересом обнаружили, как та жвачка каким-то образом попала изо рта паренька на его голову и окончательно «завязла» среди волос. Ещё минут через десять, отчаявшись резинку из волос освободить, новичок достал из портфеля ножницы и отрезал слипшийся клочок волос вместе со злополучной жвачкой. Так появился в нашем классе Бала.

Вскоре он «отличился» ещё раз, когда участвовал в межшкольном районном кроссе в честь годовщины Октября вокруг Дома Правительства на алма-атинской Старой Площади. Физрук «Варежка» и школьный комитет комсомола обязали всех хоть сколько-нибудь физически передвигавшихся старшеклассников защищать честь нашей школы в том праздничном марафоне. Для этого все участники должны были обежать раз десять мелкой трусцой парк возле Дома Правительства. И вот, притаившись среди «правительственных» елей, разросшихся там, наш хитроумный «бегун» Бала незаметно выскочил из укрытия, только когда все остальные участники кросса уже начинали свой последний круг. Влившись в группу лидеров, совершенно «свеженький» лжебегун торжественно пришёл к финишу одним из первых и даже получил за свою «победу» какой-то приз. К нашему общему удивлению обмана никто не заметил, так как бегуны сильно устали, а судьи в это время просто мило общались друг с другом.

Так наш пройдоха одноклассник в одночасье вознёсся к вершинам «славы». Поражённые такой наглой «подставой», но всё же гордые за отстоянную честь нашей школы, мы распевали на обратном пути оду Бале лжепобедителю, тут же на скорую руку сочинённую: Ура Бале! Бале Ура! Ура! Ура! Бала! Бала! Бала!

После школы при довольно посредственном аттестате он всё же поступил в военное училище – Алма-атинское высшее пожарное, находившееся тогда в системе МВД Казахстана. Уже будучи курсантом пожарки он навестил меня дома, когда я «отлёживался» после нашей кровавой драки с курсантами

на Старой Площади 7 ноября 1983 года. Вид у меня был тогда страшный: рожа в синяках и подтёках, левый глаз заплыл и открывался наполовину, да ещё два зуба передних были вбиты назад, вверх к небу, и я их пытался осторожно языком втолкнуть на место, чтобы они не выпали. Посмотрев на меня, Бала покачал головой, улыбнулся и, ласково ткнув меня в щёку острым смуглым пальцем заметил:

– А тебя «погоны»-то, убии-или!

Я слышал, что в «пожарке» он надолго на задержался и через пару лет легко перевёлся в ГАИ. В последний раз я видел его уже в погонах майора милиции, патрулирующим оживлённую улицу Фурманова с полосатым жезлом гаишника. Но это было уже позже, где-то в конце 90-х.

С другой колоритной личностью, Мирзахметом, прибывшей к нам из «Г» класса, мы поначалу не очень ладили. Но постепенно друг к другу привыкли, притёрлись и очень сдружились к концу 10-го класса. Парень он был нестандартный, остроумный и готовый на любые импровизации, чтобы как-то облегчить монотонную школьную жизнь. Этакий «фонтан» идей и приколов, несмотря на несколько флегматичную внешность. Чувство юмора у нас оказалось похожим, и ржали мы в оставшееся школьное полугодие не переставая, придумывая «союзы», рисуя «газеты» и шокируя наших одноклассниц. Он тоже поступил в военное училище. Последний раз видел я его в Алма-Ате году в 96-м, «рассекавшего» на какой-то потрёпанной иномарке. Тогда-то я и узнал, что он где-то «в органах». «Посажу!» – пообещал мне Мирза на прощание и хохоча отъехал куда-то на своей иномарке. Сейчас он вроде бы где-то в Астане, новой казахской столице.

В декабре 1982 года наши девчонки решили отпраздновать приход Нового Года. Пригласили всех одноклассников домой к Галке Санниковой. Подозревая, что вечеринка выдастся скучная, мы с Мирзой решили инсценировать якобы нашу драку, а потом всем рассказать, мол, как мы вас разыграли! Задуманный план удался только наполовину, так как, когда Мирза со мной «соорился» (я его якобы грубо перебивал во время его новогоднего тоста), у нас обоих дрожали губы от смеха, и было очень непросто не расхохотаться, чтобы довести розыгрыш до конца. В целом, шутка почти удалась, так как и у меня, и у Мирзы сразу же нашлись сторонники, и индивидуальный скандал грозил превратиться в групповой.

Отдельные непосвящённые девчонки уже приготовились было визжать, раздалось истеричное: Мальчики, не надо! Кто-то предложил вызвать милицию, а Вовка (Любка) Шевцов, не разобравшись, схватил кого-то из «дерущихся» мёртвой хваткой, повалившись с ним на пол. В общем, шуму было много, и вечер удался! Были у нас и другие забавные истории.

Отец Мирзахмета был с ним примерно одного роста и комплекции. Как-то открывает он мне дверь входную и стоит молча. В подъезде темно и дома у них темно. То есть он меня видит едва, а я же вижу только силуэт в двери. Показалось мне, что открывший дверь Мирза чем-то расстроен, и решил я его немножко развеселить.

– Что же ты испугалась, курочка моя, – говорю я ласково, – не бойся, дурачок, это я, твой петушок! – И через секунду с ужасом осознаю, что говорю не со своим одноклассником, а с его серьёзным родителем. Он кстати, мужиком с юмором оказался. Потом мне ещё иногда подмигивал озорно.

Тогда увлечение карате было почти всеобщим наравне с футболом. До видеосалонов оставалось несколько лет, но кто такие Чак Норрис и Брюс

Ли знали все. Ещё был советский артист – каратист Талгат Нигматуллин из фильма «Пираты XX века».

У нас в классе, кстати, был свой каратист Артур Хайруллин или как мы его называли Артик.

Помню, ещё в девятом классе пели мы такие вот частушки: Артик, братик, дурачок, / Откусил п...ды клочок!

И гогоча от него «сваливали». Артик, парень суровый, нас догонял и бил своими «железными» кулаками почти со всей силы в живот. Было, как говорится, смешно и больно.

Старший брат Артиковский был уже тогда студентом Алма-Атинского архитектурно-строительного института. Аббревиатура у этого вуза была замечательная ААСИ. Не такая смешная как у Алма-Атинского Государственного Художественного Института (АГХУИ), но тоже ничего. И вот в ААСИ тогда училось много приезжих из сёл и деревень, которых городские называли мамбетами. И эти мамбеты как-то обидели чем-то Артиковского брата, тоже каратиста со стажем. Занимались они этим в одной из полулегальных «школ», попасть в которую хотели многие, а могли лишь некоторые, так как были они довольно дорогие. И вот пошли мы, пацаны из десятого «А» за брата «вписываться». Сам он не дрался, так как мог легко из института за подобные дела «вылететь». Когда мы пришли в архитектурный, встретили там в коридорах брата Артика, и он нам показал своего обидчика. Слово за слово, вывели его в какой-то дворик, и давай его Артик мутузить. Тот поначалу было отмахивался, но Артик его быстро подмял и всякими каратистскими пинками да ударами добил. Он часто вставал в картинные стойки и кричал что-то японское и боевое. Но нос мамбету разбил. А брат его в то время, видимо, заблудился о возможном отчислении и Артуру как тренер покрикивал. Типа: Давай Маваша Гири! Давай Майя Гири! Удары Артик наносил эффектно, что там говорить. Была, мне кажется, во всём этом какая-то «рисовка», в стойках тех, прыжках и даже в советах брата его.

Хохол, вообще так сказать, сопровождал меня по жизни почти все школьные годы. В детстве мы с ним в солдатиков играли и индейцев с «ковбойцами». Были ещё у нас хоккеи настольные: у него «покруче» из Москвы, у меня попроще, из нашего «Детского Мира». И «резались» мы с ним и Коржиком с Челюстью и другими одноклассниками в 5-6 классах в этот хоккей до посещения. Потом начали собирать вырезки из газет и журналов про советско-канадские «суперсерии» 1972-74 годов. Так увлеклись, что бритвочками стали из публичной библиотеки эти статейки вырезать и тайком под рубашкой выносить. Тогда же, классе в шестом, раздобыли мы с ним где-то пачку сигарет дешёвых по 12 копеек пачка. «Чайка» назывались. Или нашли мы её где-то или украли, сейчас и не вспомнишь. И спрятали на улице в ящике фонарного столба. Бегали после школы по кустам и «курили». Не в затык, конечно. Так, баловались. В старших классах, начиная с девятого, стали уже курить по-настоящему, а с десятого и выпивать иногда с пацанами районными. Да и анашу попробовали. Приобщились, так сказать, к «прекрасному». К середине десятого класса мы выпивать стали больше. Не до визга свинячьего, а так для настроения. Ради этого «святого» дела Хохол даже портативный свой магнитофон продал кому-то из «стариков» дерибасовских, обеспечив нас выпивкой на все весенние каникулы.

У Хохла в десятом классе родители переехали в Москву, а его оставили доучиваться здесь, в Алма-Ате. Доучивался он, живя с дядькой и тёткой, а в

основном с нами, в школе и во дворе. Или, как тогда говорили, «на районе». Ну вот, без родительского глаза, стал наш Евгений абсолютно отчаянный и неуправляемый. Курил практически на глазах у учителей, перед школой, чего мы, остальные, делать побаивались ввиду близости родителей наших, а значит и кары незамедлительной. «Училку» по истории Хохол при всём классе послал на три весёлых буквы, когда она его «достала» замечаниями, и был изгнан ею же из класса. Классная наша руководительница и завуч пытались, конечно, воздействовать на него через родителей. А родители в это время спокойненько жили в столице нашей Родины Москве. Тётка с дядькой в школу тоже вызывались, но какой с них спрос? Так он и вылезал из всех передрыг практически невредимым. Только к концу года «одумался» и начал как все «выравнивать» аттестат.

Особенно дерзким «подвигом» его стало похищение классного журнала в конце первой четверти. Чьи-то родители, одного из нашей «банды», были вызваны в школу со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Оценки были уже проставлены по итогам четверти и особого оптимизма не вызывали. И вот наш лихой хлопец Хохол, в лучших традициях разведчика Николая Кузнецова, спокойненько зашёл в учительскую, когда все учителя были на уроках, и изъял проклятый кондуит. Можно сказать, среди бела дня.

Нас всех потом допрашивали учителя, вместе и по отдельности. Никто Хохла «не сдал». Мы потом журнал этот за городом где-то сожгли, корчась при этом в диком танце свободы. В течение десятого класса к отчаянной нашей «компашке» то примыкали то отходили и другие наши одноклассники. Ну а «венцом» коллективного творчества последнего нашего школьного года стало создание и недолгое, но яркое существование одного очень интересного «союза».

VI

Я не знаю, как вы, но я постоянно что-нибудь организовывал. Этакое неформально-пошловатое. И в школе, и позднее в университете. То какую-нибудь «организацию» псевдополитическую и придурковатую, то газетёнку похабную, предназначенную для смущения и возмущения женского пола и поддержки и восторга пола мужского. Начало этому было положено где-то в начале января 1983 года, когда мы, «инициативная» группа «раздолбаев» из 10-го «А» организовала сугубо неофициальный Союз Борьбы с Прочей Сволочью, сокращённо СБПС.

Для начала мы создали Устав партии и его печатный орган – газету «Параша». Редакторами стали Мирза и я. Мы же с ним практически вдвоём написали характеристики на всех «идейных» друзей и врагов, включая и самих себя.

Тогда были очень популярны «Мгновения» со Штирлицем, поэтому все характеристики и звания были описаны в духе Юлиана Семенова. Мне, например, «присвоили» почётное звание «группенфермера СС», так как родом я, согласно характеристике ЦК СБПС, составленной подлым Мирзой, был из города Чушкина близ Винницы. А полное «партийное» имя моё, согласно той же характеристике, было Котсон-Качман, Генрих Котофеевич-Охотко.

Такие вот, с позволения сказать, «характеристики» были написаны нами практически на всех одноклассников.

Ещё рисовали непристойные «натюрморты», где за тарелкой яблок или букетом цветочков полевых была мелко нарисована какая-нибудь похабщина,

типа члена мужского или собачьего совокупления. Такие картинки потом мы пытались продать возмущённым одноклассникам, выдавая их за «свободное» искусство. Пытались торговать и «высокой» поэзией. Например, такой вот лирическо-натуралистической зарисовкой про Супу:

*Раз Руслан купил себе капуста
И сварить задумал себе суп.
Пока ждал, расчёсывал свой густо
Волосней заросший грязный пуп...*

Просили за подобные «вирши» и похабные рисунки немного: от 5 до 20 советских копеек, чтобы хоть на пачку «Примы» хватило.

А время было не то чтобы сложное, нет. После смерти Брежнева всё вроде бы шло как прежде. Может, политинформаций перед уроками стало немного больше чем раньше. Где-то там «среди взрослых» начались андроповские рейды по учреждениям и кинотеатрам с целью улучшения производственной дисциплины. Где-то там же в другом взрослом мире шла воевая «тихая» война в Афганистане, наши ПВО-шники сбивали южнокорейский Боинг, трудящиеся осуждали на собраниях империалистов, а «комитетчики» и менты выясняли между собой, кто сильнее.

В нашем же мире всё как будто застыло и заиклилось. Годами позже, я прочитал автобиографическую книгу скандального «Эдички» Лимонова, так он тоже со своими друзьями-балбесами играли в Харькове в «сионистов» и «эсэсовцев».

Первой и единственной акцией Союза стала организация «бунта» и пение Интернационала на уроке биологии. Почему мы выбрали именно урок биологии из кабинета №14 на втором этаже возле Актового зала, имеется несколько версий. По одной из них, наша учительница биологии Лидия Петровна пересаживала на предыдущих уроках кое-кого из нашего класса за другие парты. Про неё, биологичку, ходила тогда в школе частушка:

*Гром гремит
Земля трясётся.
Это Лидия несётся.
На высоких каблуках
И с «Ботаникой» в руках.*

Была она, кстати, неплохой «училкой», в меру строгой и в меру справедливой. Так вот, кое-кому такая «пересадка» её не понравилась. Потому после звонка мы не уселись как все за парты, а продолжали стоять и петь Интернационал. Хотя остались стоять только нас трое, да Галка Санникова ещё присоединилась. То, что она это сделала, нас искренне поразило, так как накануне этого Бала незаметно привязал её косу к стулу, на котором она сидела. Когда же её вызвали, она естественно встать не смогла, мы стали ржать как обычно, а она покраснела, «пару» и выговор получила, но нас никого тогда не выдала.

Теперь же Бала с невинным видом сел, подлый ренегат, а Галка с нами героически осталась стоять и даже петь.

Лидия Петровна сперва растерялась, но, будучи учителем опытным, в истерику не впала, быстро опомнилась и вызвала завуча с директором.

В итоге нам четверым был выставлен «неуд» по поведению за четверть и двойка по самому предмету. СБПС как организация, не склонная к физическому насилию, решила было Бале, Артику и другим «ренегатам» просто

объявить бойкот и из своих рядов исключить. Но тут появился отсутствующий на злополучном том уроке биологии Супа. Тогда он ещё держал «шишку» в нашем классе (до схватки с Акулам) и потому настоял, чтобы отступники Мужского рода понесли более суровое, так сказать физическое наказание.

И в тот же день после урока военной подготовки произошла групповая расправа, то есть наказание всех членов СБПСа и примкнувшего к ним Супы над Артиком и Балой. То есть, проще говоря, получили они... Бала и Артик были также торжественно из СБПСа изгнаны, хотя Балу после его долгих извинений и клятв неделю спустя всё же приняли обратно с испытательным сроком.

Это была самая громкая и, пожалуй, единственная акция СБПСа, который незаметно сам собой забылся и распался до завершения учебного года. Наше счастье, что учителя по своей лени и инертности не придали этой акции политический смысл (которого не было, а была лишь подростковая дурь) и не вовлекли в это дело милицию и родителей.

А то бы было как у Саши Панкратова в романе «Дети Арбата»: казённый дом и долгая дорога. Хотя время было уже не сталинское. Брежнев умрёт через месяц, а Андропов ещё не начал следить за дисциплиной.

VII

Положа руку на сердце, не припомню я никого из моих учителей старших классов, уроки которых я бы любил и стремился на них показать себя. Может быть, кроме Зои Фёдоровны, пожилой учительницы литературы и русского языка. Литературу я любил, а русский язык нет за обилие в нём правил, которые надо было зазубривать. Но Зоя Фёдоровна в силу своих лет и учительского опыта на нас не давила, а пыталась пробудить интерес, мастерски лавируя при этом среди тоскливой массы обязательной советской литературы для старшеклассников. На её уроках в силу её доброты я даже старался быть активным и домашнее задание делал добросовестно. Мы её даже как-то навещали дома, когда она ушла на пенсию в конце нашего последнего года.

Несколько хороших учителей ушли после нашего восьмого класса, такие как наши бывшие классные Анна Ивановна и, особенно, Людмила Калистратовна, которая ушла вскоре преподавать в соседней 90-й школе. Хоть была она шумная и строгая, мы все к ней относились хорошо. Была ЛК из той породы учителей, воспитанных ещё в сталинское время, которые детей школьных любили как своих собственных. Она и сейчас нас помнит, как мне рассказали одноклассницы, и даже помнит дом, в котором я жил тогда. Помнит многих из нашего класса и ещё сотни других бывших отличников, хорошистов, оборотов и всех тех, кому такие как она всю свою жизнь отдали. Но таких, повторюсь, было у нас к десятому году обучения либо очень мало, либо не было вообще. Может быть, и нехватка хороших учителей также повлияла на факт закрытия нашей школы в начале 90-х?

Основной же учительский корпус 41-й школы в 1982-83 годах казался мне в лучшем случае равнодушно-терпеливым, в худшем, враждебно-активным. В современных фильмах показывают иногда, как подросток, растерянный и запутавшийся в сложных дебрях учебно-образовательного процесса, отдыхает душой на уроках физкультуры под руководством душевного и понимающего тренера. Или же вдохновенно строгаёт что-то на слесарно-токарном станке «под крылом» строгого, но мудрого и справедливого «трудолика». Что

тут скажешь, вспоминая вопли и летучую слюну из вечно распахнутого рта нашего физрука Варежки или угрюмый мат Глобуса.

На уроках по начальной военной подготовке (НВП) у майора в отставке Могильного был интересен процесс разбора и сбора автомата Калашникова и редкие стрельбы в разных тирах Алма-Аты. В самом конце школы мы даже поехали куда-то на другой конец города, в роцу Баума, чтобы каждый ученик мог дать свои обязательные очереди из АК-74. Мои все ушли в «молоко», но сам процесс понравился. А вот о военруке, кроме фамилии и строгости его показной, воспоминаний и не осталось.

Конечно, были у нас в классе и экскурсии, и поездки, и вечера школьные и классные. Выпускной нам организовали неплохой, с шампанским и походом на Кок-Тюбе. В середине десятого класса группа одноклассников ездила на поезде в Ленинград и Прибалтику недели на две-три вместе с классной руководителем Татьяной Дмитриевной, которую за глаза называли Т.Д.С. или просто Татьяна. Судя по свидетельствам очевидцев, поездка получилась неплохая, хотя питались они там довольно скудно. Особенно в поезде: варёные яйца, овощи, рыба, немного хлеба, чай.

И так трое суток от Алма-Аты до Ленинграда, не вылезая из вагона. Вылетевшая в начале поездки невинная, казалось бы, фраза Маринки (Мурки) за завтраком: мальчики, вам почистить яйца? – была воспринята мужской половиной участников поездки явно неоднозначно и сопровождалась громовым хохотом до самой северной столицы. Зловредный Асхантай пытался позднее в своей интерпретации поменять слова «почистить» на «почесать», но был с позором разоблачён. Тем не менее, несмотря на трудности, класс в той поездке сдружился. Если бы мы поехали туда с Хохлом и Мирзой, может быть, не было бы между нами и Татьяной такого непонимания, переросшего во взаимную неприязнь, сильно прогрессировавшую к концу учебного года? Кто знает, кто знает...

Справедливости ради, по прошествии стольких лет я признаю, что любить нас, особенно нашу «четвёрку» было ей не за что. Если бы я был учителем, разве любил бы я вечно хихикающих, придурковатых и абсолютно неуправляемых подростков? Разве можно полюбить Бивиса с Баттхедом, если смотреть их не по телевизору, а иметь в собственном классе? Из всей придуманной школы их не то что любил, а терпел и всё надеялся перевоспитать только один педагог, бывший «хиппи» Ван Дриссен. Да и то потому что был сам чудакват. В обстановке советской школы «позднего социализма» таких учителей к детям не подпускали. Всё, от школьной программы до подбора педагогов решало всесильное Горono и Министерство Образования. Как и во всей советской планированной экономике и партийной политике двух мнений быть не могло. Шаг вправо, шаг влево и так далее...

Но вернёмся к учителям нашей 41-ой школы. Основную массу их я не любил и в памяти своей не оставил. Может быть, потому что не был ни у кого любимчиком, как и большинство моих школьных товарищей.

Между тем у каждого из учителей такие любимчики были, которых они и тянули (в обмен на цветы и конфеты) на медаль или очень хороший аттестат. Вторым вспомогательным эшелонem здесь шёл родительский комитет, составленный из родителей таких вот любимчиков.

Благодарные родители дарили нашей классной то цветочки, то конфетки шоколадные в красивой коробочке, а то и розовую импортную «комбинацию». Причём, делалось это открыто, на глазах у других, не столь имущих,

родителей. Со временем такие «подарочные» ученики и ученицы выправляли оценки по алгебре и геометрии, которые наша классная преподавала. Что было плохого, забывалось, и ряды любимчиков пополнялись.

Ей богу, лучше бы она пошла работать в младшие классы! Старшеклассники, они ведь как звери дикие, в лес смотрят да укусят норвят. С ними опыт нужен учительский и просто жизненный, и огромное терпение, да ещё душевная уравновешенность. Или держать их в повиновении просто на страхе, на «стальном» взгляде и громовом голосе. Ими сполна обладал наш бывший директор и заодно учитель математики в средних классах Гриф Тимурович Хайруллин, кстати отец нашего одноклассника – каратиста Артура, Артика. Был у Хайруллина старшего тяжёлый немигающий взгляд из-под очков и громовой раскат баса, когда был он не в духе. Мы на его уроках боялись пукнуть, фигурально выражаясь, чтобы его не разозлить. Сыну он своему, кстати, поблажек не делал, а гонял его больше всех остальных. Даже прилюдно дураком обозвал, когда тот у доски ответить не мог правильно. А как умел Гриф Тимурович мелом стучать о доску, когда раздражался, что мы его не понимаем! Я всерьёз опасался, что доска не выдержит и пойдёт трещинами.

Так вот, ничего такого у Татьяны Дмитриевны тогда не было. Мы продолжали её вяло «изводить» своими смешочками, девчонки на нас за это злились и даже бойкотировали, а Татьяна рыдала, бесилась и мстила нам тем, что без устали поносила нас на собраниях родителей. И способностей у меня нет особенных, и поведение хуже некуда, да и вообще... Обычно такие неприятные вещи говорят родителям не прилюдно, а наедине, чтобы родителей не позорить и в то же время держать их на своей стороне. Однако эти педагогические «фокусы» Татьяна, видимо, сознательно игнорировала и продолжала активно хаять меня, Мирзахмета и ещё пару человек. Но особенно нас двоих. К концу учебного года мать моя ходить на родительские собрания перестала вообще, как и ещё несколько родителей.

Уже после окончания школы, летом 1985-го, я встретил нашу бывшую классную в автобусе вечером. Я только закончил первый курс журфака КазГУ и с двумя приятелями ехал навестить однокурсницу куда-то в район вокзала Алма-Ата 1. Увидев меня в стройотрядовской студенческой форме, Татьяна очень удивилась. Она никак не предполагала, что я попаду в университет. Скорее она меня представляла в тюремной робе или ватнике зековском.

VIII

Когда летом 83-го мы возвращались под утро с выпускного бала, то оживлённо обсуждали дату следующей нашей встречи, назначенной в итоге на 5 июня 1991 года. На неё, кстати, через семь лет после окончания пришёл только Евгений. К тому времени, школа наша уже была закрыта, так что, подождав час-полтора, он никого не дождался и ушёл. Хотя трястись от страха перед «светлым» будущим мы начинали уже тогда, с приближением весны 1983 года.

Родители уже всю суетились, «прощупывая почву» сначала в школе, а потом уже в выбранном вузе.

Меня родители «агитировали» поступать в медицинский, даже репетиторов наняли по физике и химии. И начал я ближе к выпускным экзаменам от своих школьных дружков прятаться. Говорил им, что иду на свидание, а сам в парк с учебником или в библиотеку – заниматься.

Впрочем, ни репетиторы, ни занятия самостоятельные мне не помогли, и на экзаменах я в то лето 1983 года благополучно «срезался». Да я и не шибко рвался стать врачом тогда.

Пришлось работать сначала лаборантом в том же мединституте, а когда меня оттуда поперли за опоздания, устроился я помощником геодезиста. Работа у меня была классная – палку двухметровую таскать по ямам и ухабам, пока мой напарник-инженер делал замеры на уровни всякие для новостроек. Так и протаскал эту палку в дождь и снег до следующего лета, пока не поступил на факультет журналистики КазГУ.

Тем временем Хохол ушёл в армию, став москвичом, и призвался служить не куда-нибудь, а в часть внутренних войск под Алма-Атой. Мирза и Супа поехали после выпускного в Ярославль, поступать в военно-финансовое училище. Мирза поступил, а Супа нет, вернулся злой, разочарованный и тоже пошёл работать куда-то в автопарк. Бала поступил в Алма-Атинское пожарное училище в системе МВД и после окончания перевёлся в ГАИ.

Разлетелись и другие бывшие одноклассники. Староста Маринка «Мурка» – в филиал Джамбульского технологического по лёгкой промышленности, Галка Санникова со второй попытки прошла в Алма-Атинский медицинский, куда и я в то лето не попал.

Отличник Асхат уехал «покорять» Бауманку в Москве, а друг его Костя «бундовец» – Алма-агинский энергетический. Возвращаясь к Хохлу, добавлю, что после армии он с Алма-Атой связи не потерял и поступил в Казахский Педагогический институт и даже «директорствовал» в нашей школе на студенческой практике. Сейчас он живёт в Москве, работает деканом в одном негосударственном вузе, защитил диссертацию, профессор. Со временем практически все как-то устроились в жизни. Спасибо учителям! Те хоть нам не помогали особо, так хоть на выпускных экзаменах не «зверствовали».

И потому в то утро после выпускного бала жизнь впереди казалось длинной и увлекательной. Сейчас то время, первые послебрежневские годы, вообще кажутся более добрыми и человечными чем последующие.

Может быть, из-за возраста своего максималистского мы бежали тогда из школы и детства нашего наивного без оглядки, чтобы сейчас попытаться вернуться, найти старых друзей, одноклассников, учителей. Родившихся в середине 60-х, в расцвет «застоя», многие в «неблагополучных» семьях без отца, мы формировались как личности в 80-ые и были очень наивные и «чистые». Затем пришли «лихие» девяностые, когда жить стало страшно. За ними «мёртвые» нулевые, где «потерялись» мы как поколение, да и последующие «миллениумы» уже на пятки наступали. Единственно чистым «пятном» прожитой жизни у многих из нас осталась, как ни странно, наша школа со всеми её недостатками и пороками 80-х. С ней нас связывает наше общее прошлое. Оно и сейчас нас многих объединяет.

Выпускники 41-ой алма-агинской школы живут сейчас не только в Казахстане, но и в России, Канаде, Германии, США, Израиле и многих других странах. На сайте 41-ой школы в Моём Мире я насчитал более трёхсот выпускников. Видел в Интернете сайт, где подписались аж 720 выпускников из 41-й! Пара-другая сотен наберётся в Одноклассниках, неизвестно, сколько ещё в Фейсбуке и Твиттере. Жаль, что не доведётся более побывать в том стареньком здании на Коммунистическом и Ташкентской. И учителей там старых не встретишь уже более, и стены там уже другие, и номер другой. Не будешь же объяснять «лицеистам» из 147-го учебного заведения, что мы, мол,

здесь когда-то учились. Даже те из одноклассников, кто всё ещё живёт поблизости, появляется там, может быть, раз в несколько лет. На выборах или в этом роде. Как будто её украли у нас, тогда, в начале 90-х. Только память о ней и осталась.

А как всё хорошо начиналось! Наш 3-й «А» с классной Анной Ивановной. 1976 год

А это с Ольгой Петровной. 5-й «А». 1978 год

Нам не нужна война! 23 февраля 1974 года. 1-й «А» класс

Выпуск 8-й «А». В центре наша классная руководительница Людмила Калистратовна. Она потом ушла в соседнюю 90-ую школу. 1981 год

Позади восьмой класс – можно расслабиться...

А это очередная экскурсия перед концом 8-го класса. 1981 год

На экскурсии:
других посмотреть – себя
показать. 8-й «А». 1981 год

Дом «моделей»
8-го «А» класса.
1981 год

Ленинградская
поездка. Третья
справа Т.Д.С.
На берегах Невы.
Январь 1983 года

Ленинградская поездка. Пора домой. Январь 1983 года

Пока одни «вкалывают»
на овощебазе...

Другие «прохлаждаются» в горах...

Наши лучшие друзья. Маринка М. и Галка С. очень помогли нам с материалами
для книги. Да и вообще на протяжении всех школьных лет.

ПОЭЗИЯ

Инна ЯСКЕВИЧ

Инна Авдеевна Яскевич – после окончания литейной кафедры МВТУ им. Н.Э. Баумана работала по специальности. В журнале «Литейное производство» прошла путь от научного до главного редактора. Сегодня возглавляет Издательский дом «Литейное производство», выпускающий журналы: «Литейное производство», «Металлургия машиностроения», «Библиотечка литейщика».

Живёт в Москве.

«В стране поселилась бессовестность...»

От автора

Представленные здесь стихи написаны во времена Перестройки, первые три – в 1987–88 гг., третьи и два последних – в 1998 и 2000 гг., как непосредственная реакция на происходящее. Сегодня, когда харизматичные говоруны опять зовут молодёжь на баррикады, неплохо вспомнить бытовавшее в годы после ещё Великой Французской революции выражение: «Революцию делают мечтатели, а её плодами пользуются лавочники».

***

Что такое демократия,
Мы, пока что, без понятия.
И с каким напитком следует
Есть такой вот винегрет –

Тот, кто всеми избирается,
Бюрократом утверждается
И ему же подчиняется,
Держит перед ним ответ.

Видим, кто сопротивляется,
Ещё долго не сломается.
И пока учиться будет
Новым взглядам коллектив,

Демагоги громогласные
Будут пользоваться гласностью
И проникнут незаметно
В руководство и актив.

Совет «Хамелеону»

Ну, лихая Перестройка!
Мчишься вскачь ты словно тройка.
Наверх вынесешь кого-то,
А кого-то втопчешь в грязь.

Чур, смотри, не зазевайся,
Догадаться постарайся,
Кто из пешек в дамки выскочит,
А кому прикажут «Слазь!».

Что кому сказать, прикидывай,
Все свои ходы рассчитывай,
Реагируй моментально
На начальственный намёк.

И пока со склокой матерной
Все играют в демократию,
Ты лови обрывки сплетен,
Извлекай из них урок.

А когда массовка бурная,
Затоптав своих, утихнет,
Вдруг солисту знаменитому
Станет надобен партнёр.

Вот тогда ты и появишься –
Не кричавший, не скандаливший,
Но узнавший безошибочно,
Кто в спектакле режиссёр.

***

Я смотрю вокруг в тревоге.
Что творится с нами, люди?
Неужели мы не выкарабкаемся,
Где ж тогда нам взять подмоги?

Жизнь как будто продолжается.
Шарик кружится со скрипом.
Только что-то приключается –
Ангелы рыдают, всхлипывая.

Ведь недаром было сказано,
Что лишь слово миром правит.
Вот мы уши и расставили,
Чтоб внимать ему, *лукавому*.

Тут уж дьявол расстарался,
Вот уж черти порезвились.
Растоптали всё, что дорого,
В глотку, изверги, вцепились.

Помнил бес, что Богоматерью
Издравле Россия славится,
И что, не растливши женщину,
С мужиками он не справится.

Тут и началось глумление.
Стыд, мораль, невинность робкая –
Сметено всё было похотью,
А взамен – лишь наслаждения.

Вот и пишут в сочинениях
Девочки в который раз,
Что хотели бы в борделях
Оказаться хоть сейчас!

Ну а парни? Их ведь тоже
Надо чем-нибудь занять
Марш на улицу, придурки,
И хозяев охранять!

Вот такую «демократию»
Нам построили любезные,
А что совесть проворонили,
Так она же – бесполезная.

***

Мы теряем язык,
Науку и Родину,
Нас захлестывает общество
Жующих и потребляющих.

И пока мы не справимся
С этой напастью,
Не будет покоя
В гробах лежащим

Нашим наставникам –
Интеллигентам-мечтателям,
Пытавшимся разбудить в нас
Азарт и творчество,

Учившим нас,
Как жить по совести,
И не искавшим
Дорог попроще.

Так пусть же и впредь
Нас направляют,
Теперь уж с небес,
Их ум и воля.

А нам остаётся
Продолжить их дело.
Ведь умножать знание –
Не худшая доля.

***

В стране поселилась *бессовестность*,
С которой мы все смирились.
Казалось, что это – ненадолго,
Но вон как всё получилось.

Она заседает в парламенте,
Вершит своё зло в правительстве.
И все её знают по имени,
И все в телевизоре видят.

То свет она отключает,
А то обирает убогих.
И это – в стране православных,
И это – где зимы долгие.

Когда и так мало солнца,
Когда тепла не хватает,
Из жизни уходят рано,
Горе где каждый знает.

Мы столько в войне потеряли!
А сколько в ГУЛАГе сгинуло.
Ну что же нам сделать, Господи,
Чтоб беды бы нас покинули?

Доверчивость и наивность,
Черты моего народа,
Стали причиной несчастий,
Вместе с щедрой природой,

Что сделали нас пассивными,
Бороться за жизнь отучили.
Просторы страны богатой
Всё брать от *Земли* приучили.

А голова на что нам?
На что нам наши таланты?
Только, чтоб философствовать?
Да раздавать бриллианты,

Сапфиры и изумруды –
Так светятся наши души!
Но нас превращают в бандитов,
Хамством и пошлостью душат.

И дети уже другие –
Для многих корысть не порочна.
Но жизнь, на обмане построенная,
Не будет счастливой и прочной.

Уверена – гены взбунтуются
И совесть в людях проснётся,
Зло благородству уступит,
И доброта вернётся.

Лэсси

Светлой памяти любимого мужа посвящаю

1.

Движение по трассе слабое. Кого-то изредка обгоняем мы, кто-то – нас. Большегрузы чумазые, от дальних дорог уставшие, шумно рассекают встречный поток, обдают машину нашу дымом солярочным. А за окнами – серо и скучно. И небо не по-весеннему пасмурно. Муж вон тоже... – погоде под стать – на дорогу смотрит невесело. На сегодняшний день одна радость у нас – увидеть да обнять сына младшего. Оторвали от дома в пятнадцать лет, а на дворе... в полный рост встают – девяностые!.. И от старшего письма что-то нет... – на границе с Чечнёй служит. На призывном наблюдала: взрослей других мальчишек смотрится, серьёзней. Но тревожно там нынче... Грозно!

А дома без них – тихо и пусто. Хорошо хоть вырвались вот... на часок-другой...

Мысли, мысли... Бегут мысли мои чередой... – вот уж и въезжаем в город. Торопимся, нервничаем в потоке машин – только бы успеть до начала занятий! Успели. «Перехватываем» его уже на выходе из студенческого общежития. Поправляю

Евгения Григорьевна Пищулина – родилась 28 ноября 1949 г. в совхозе «АМО» Новоаннинского района Волгоградской области. По образованию педагог. Окончила Волгоградский педагогический институт имени А.С. Серафимовича в 1973 г. По специальности – учитель русского языка и литературы. С юности пишет стихи и прозу (очерки, рассказы, эссе). Ранее ни в каких литературных журналах не публиковалась.

*Живёт в городе
Калач-на-Дону.*

шарфик – вертит головой («Ой, мам... Ну, мам!»): девчонок вокруг полным-полно. Перекинувшись словечком, расспросив, что да как, отпускаем – иди, учись. Вот и всё. Можно уже и – домой?

Но по привычке – как в недавние добрые времена – поглядываю на мелькающие за окнами витрины, афиши...

– Может, пробежимся? А? Как раньше!

– Ну, да... Этого надо было ожидать... Недолго только.

– Ну, конечно, недолго!

«Пробежавшись» по магазинам, по пути решаем заглянуть ещё и на Центральный рынок. А там жизнь... кипит просто! Под навес, к овощным прилавкам, проталкиваемся сквозь ряды с нарядами новомодными. Рябит в глазах от блёсток разноцветных, от расцветок кричащих! Платья, блузки, пиджаки – подплечники непомерно объёмные! «Варёнки», «бананы», «ламбады», лосины – названия мудрёные... Лейблы яркие – заграничные! А дальше, уже на земле, на настиле дощатом, тоже – одежда, обувь... только старое всё, поношенное. Тут же – книги, и даже – Библия! (Купили мы её тогда, чтоб не лежала вот так – под ногами). Посуда, картины, рукоделия разные – всё вперемешку! Аквариумы. Клетки с живностью. Канарейки, попугайчики... А вот – «собачий» ряд. Щенки... В корзинках. В коробках. И просто на подстилках, для них, бедолаг, на подтаявший снег брошенных. Спят. Дожидаются своей участи. А иной и грустным взглядом снизу вверх на людей поглядывает...

Тереблю мужа:

– Смотри, колюшки какие!

– Ну, да. Хорошие, – кивает он, почти и не взглянув на щенков породы колли.

А они – комочки пушистые! – один другого краше...

Хозяйка реагирует на мой восторг незамедлительно. Подняв одного, неожиданно вручает его мне – прямо в руки!

– Держите. Держите-держите! Смотрите, крепыш какой! Они у меня все здоровенькие. Любого выбирайте! Будете потом меня добрым словом вспоминать. И... пошли, пошли рассказы да уговоры! Откуда ни возьмись, появился и альбомчик с фотографиями родителей щенков:

– Красавцы, а? Смотрите, какие! Породу, её ведь сразу видно. Документы? А как же! Сейчас я...

Тут муж берёт меня под руку:

– Отдай и пошли.

Отдавать пригревшегося на руках «крепыша» не хочется. Но что же делать («прости, дружок»):

– Спасибо! Возьмите, пожалуйста. Передавая щенка из рук в руки, оглядываю их всех ещё разок – на прощанье. И привлекает внимание вдруг самый маленький:

– А вот тот, с краю который, он меньше всех почему-то?

– «Девочка» это. Последыш. Потому и маленькая. Так я ж вам её и не предлагала, – нехотя отвечает женщина, сразу же потеряв к нам всяческий интерес.

И вдруг – муж:

– А грустная что ж такая? Э-эй! – наклоняется он к малышке. Потеребив пальцами мягкую шёрстку, поднимает мордашку: грустный взгляд внимательных глаз...

– Ну, что смотришь? Холодно тебе без мамки, а? Холодно. Ну-к, иди... иди-ка сюда. Вот так.

Резко расстегнув замок, он – к моему неопишуемому удивлению – бережно кладёт маленького «последыша» чуть ли себе не под мышку. Не до конца ещё понимая, что происходит, я смотрю на него... с обожанием!

– Берём... что ли?

– Поедешь с нами, а? – заглядывает он к себе за пазуху. И, коротко взглянув на хозяйку, уверенно озвучивает то, что увиделось ему в щенячьих глазах: – Говорит, поеду.

На обратном пути высветило вдруг мартовское солнышко синеву прозрачную небес, растеплило, разбросало вдоль серых обочин парящиеся кружочки проталинок...

– Вон коврики какие! – нежно-зелёные... Видишь, малышка? Вооот... Весна потому что!

– Не тормози. Пусть поспит. Потерпи, лисёнок, скоро домой приедем.

– Лисёнок? А может... А может, Лэсси? Как в фильме том, помнишь?

После недолгого молчания вопрос с именем решается бесповоротно – раз и навсегда:

– Больше ничего не придумывай. Пусть так и будет.

– Как?

– Лэсси. Как же ещё.

Так – нежданно и негаданно – появилась в нашем доме Леська. Красавица Лэсси.

2.

В отличие от мужа, никакого опыта общения с собаками у меня не было. Разве что из детства вспомнить: остался там чёрный лохматый «дворянин» по кличке Бобик. «За километр» чуял он моё приближение – скулил, тьякал, рвался с цепочки навстречу. Мать объясняла волнение его очень просто: «Слышит тебя издалёка».

Но Леська – не Бобик. Интеллигентная, спокойная. Породистая! Правда, происхождением своим никогда не кичилась. Леся, Леська, Лисёнок, Лисушка-лизушка – каких имён у неё только не было! Бесконечно добрая и покладистая, на каждое из них отзывалась она с великой радостью.

И домой мы теперь возвращались «наперегонки»: Леська ждёт! Жили мы тогда в пригородном посёлке, «на земле» – в своём доме, и потому выгуливать и вычёсывать её (иногда и пылесосом, маленькой щёткой) было проще-простого. А прочее – кормление, купание, прививки разные – всё, как у людей. По-другому мы просто и не умели. Сложность заключалась только в одном: на целый день оставалась она в доме одна. В первые дни полномочного своего хозяйничанья занятия находила разные. Однажды прямо с порога ахнули: обувь!.. Ну, и поработала же она над ней! Выборочно, правда: кожаная же – вкуснее! Стоим, дар речи потерявши. А ей – что! Рулит себе хвостом, радуется приходу нашему. Да так радуется, что и ругать-то её язык не поворачивается. Выстраивая – пара к паре – новый «модельный ряд», муж пытается её как-то вразумить. Усовестить её пытаются:

– Ну, скажи вот, правильно ты всё это сделала? а?! Смотри сюда... Смотри, смотри! – стараясь придать голосу строгие интонации, вертит он тупляки

своими («почти новые! – были...») перед её длинным носом. Но – что сделано, то сделано.

После того случая всё «съедобное» перед уходом из дома, конечно же, убиралось и пряталось. До поры до времени. Потому как по мере взросления всё больше удивляла она не проделками да проказами, а поступками, достойными похвалы и восхищения.

Правда, один «сбой» в безупречном её поведении всё-таки однажды случился. А всё потому, что с самого детства (и потом – всю её коротенькую жизнь) баловали сладким. «Расповаживание» это – так расценивала наше поведение (справедливо, в общем-то) коллега моя по работе – акнулось нам в один из очень добрых и памятных дней. В юбилей мужа.

Хлопотно было в доме. Радостно. В краткосрочный отпуск (перед отправкой на службу в Германию) прибыл старший сын, младший тоже дома – вся семья в сборе! Накрыли стол. После всех поздравлений и угощений иду на кухню чайник поставить да торт принести деньрожденьевский – с надписью! Но на пороге застываю в полнейшем недоумении... Вместо торта, заранее (зачем-то!) на стол выставленного, – тонюсенькая, шоколадного цвета... пышка! Делать нечего, зову всех – «полюбоваться».

– Ну, ты, Лизка, даёшь! – обалдел от неожиданности сладкоежка-младший.

– Вкусный-то хоть торт был, а? Лэсси? – улыбается старший, трогая её за шёлковое ушко.

Стоит, головушку угнувши, – стыдно ей. Ну, а юбиляр наш очень даже доволен:

– Молодец, Лисёнок. Живот бы только не разболелся.

Поняв каждое слово (не говоря уж об интонации!), «Лисёнок» этот через минуту-другую уже идёт по кругу, ласково утыкаясь в колени всем горе-воспитателям – по очереди...

3.

Было время, когда у мужа – командировка за командировкой – никакого просвета. И мы с Леськой ждали. Постоянно ждали, ждали... После работы я привычно поднималась к себе, она же неизменно оставалась на своём «боевом» посту. Хорошо мне с ней. Спокойно. Иной раз, управившись с тетрадка-ми да конспектами, зову:

– Лэсси! Спишь иль нет? Весь день не виделись, и вот опять... ты – там, я – здесь... (Молчит – ни звука, ни шороха). Эх, Лэсси, Лэсси... Ну, да ладно! Спи. Спокойной ночи.

Всё ещё тихо внизу. Никакой реакции. Но проходит полминуты, минута и – туп-туп-туп-туп – по лестнице. Заходит, кладёт умнющую башку свою на край кровати, смотрит... – умел бы смотреть вот так же... хоть кто-нибудь из людей!

– Ну, вот и умница. Давай лапку...

Лапу-то она даёт, но продолжает смотреть в глаза пристально: что надо? зачем звала?

– Ну, как зачем? Скучаю я по тебе. А тебе одной там хорошо, что ли? Ложись вот тут, около меня, да и спи спокойно. И вновь, постояв в раздумье секунд несколько, без всякой команды – бух! – и улеглась рядышком. Вот теперь уж точно:

– Спокойной ночи, Лисёнок...

А в ответ – почему-то? – глубокий вздох... Побуду, мол, что с тобой поделаешь...

Утром вновь расстаёмся на длинный день. Я хоть и работала тогда рядом с домом, но школа двухсменная, да и должность такая, что не отойти с утра до ночи. Помню, как хотелось ей гулять на утреннем солнышке – весна стояла на дворе, благоухали сады цветением! А у меня времени – в обрез. «Бежать» надо. Зову в дом – не хочет. И подумалось: сколько ж можно сидеть ей вот так, затворницей! Положила коврик на крыльцо, рядом чашку с водой поставила – всё, как в доме. Не отходя ни на шаг, слушала она наказания мои очень внимательно. А проведив до калитки, впервые осталась вне дома одна. Дорогой я успокаивала себя тем, что забор и калитка надёжные, и не голодная она, и вода у неё есть – дожждётся, никуда не денется.

Рабочий день начался, как обычно. За утренними хлопотами сразу же забылась и Леська, и всё-всё, что работы не касалось.

Но... в самый разгар – не помню, какого по счёту урока, – нарисовалась она вдруг – во всей красе! – на пороге моего кабинета: вот она я... полюбуйтесь. Любоваться-то и впрямь было чем – красивая, статная, шерсть лоснится, как шёлк... Но нет предела моему удивлению! Каким образом со двора-то вышла? Как в школу вошла? И... и... вообще, почему она – здесь?! Услышала с первого этажа мой голос? Ну, да... – дверь-то открыта... Да и окна все – настежь... Наверняка слышала меня ещё со двора. А пятиклашки мои – в полном восторге! (Как и все дети в посёлке, знали они её прекрасно. Во время прогулок с радостью играла она с ними в футбол, носилась во всю прыть за палкой, плавала с мальчишками за мячиком – наперегонки...)

Делать нечего. Проходи, говорю, раз пришла. Это она – с удовольствием. Смотрит виновато, конечно же, – знает за собой, но хвост от счастья – туда-сюда! Дети – наперебой! – со всех парт:

– Лэсси! Лэсси! Ко мне, ко мне, Лэсси! Иди сюда, Леська!

– Так! Дорогие мои. Либо я провожаю её восвояси, либо – все успокоились, и продолжим урок.

– Нет! нет! Ну, пожалуйста!!! Не надо её – «восвояси»! Лежать, Лэсси! Лежать. Лежать...

В шуме-гаме, давно привычном для неё по играм детским, она спокойно реагирует лишь на мой голос. И, послушно проследовав за моей рукой, устраивается под учительским столом, смиренно положив на лапы свою повинную голову.

Настроение поднимается на несколько градусов счастья, и мы продолжаем урок в присутствии нашей нежданной гостьи.

А на перемене, проведив её «хором» домой, сразу же проясняем все обстоятельства нехитрого дела: калитка прикрыта, но не на щеколду, а в почтовом ящике – газеты свежие...

4.

Так и текли, ускоряясь, дни – разные. С радостями и печалью попеременно. Пришла пора идти и младшему сыну в армию. Служить отправили его на Черноморский флот, в город Севастополь. В те смутные годы родной наш город – в который раз за свою героическую историю – находился в эпицентре сложнейшей геополитической борьбы. Один за другим поднимались украинские флаги на мачтах российских кораблей. В письмах сын писал о своих

ощущениях в момент передачи флага «своего» десантного корабля Украине: «Руки тряслись, мам! когда передавали мы флаг корабля хохлам... Так бы и врезал, чтоб знали наших!» Так и написал: «хохлам», «так бы и врезал»... «А кому врезал бы, сынок?.. Такому же парню, как и ты сам?.. – Сливались строчки письма... – Откуда в нём... это! Что происходит со всеми нами, Господи! Что происходит в душах детей наших...».

После письма того горького – всеми правдами и неправдами – отпрашиваемся с работы для поездки в Севастополь. Ехать решаемся своим ходом. И, конечно же, встал вопрос, как быть с Леськой. Разные были варианты. Соседи приютить предлагали. Верный друг наш Тамара Степановна, бывшая воспитательница Романа, настойчиво убеждала оставить её у себя: «... свой двор, знает всех наших» и т. д. Но в итоге решили всё-таки взять с собой – будет сыну сюрприз и большая радость.

До границы доехали благополучно, а там – то ли контрольно-пропускной пункт, то ли таможня... Украинские пограничники проверяют документы, багаж. Открыв дверь, один из них смотрит на Леську:

– А это – что?

– Не «что», а «кто», – поправляет муж, – собака это, наша собака.

– Вижу, что собака. Пройдите в ветеринарный отдел со справками о прививках. Если таковые имеются.

У Леськи, конечно же, были сделаны все прививки, но нам и в голову не пришло взять с собой подтверждающие документы! Сидим, думаем: как быть! А она, вытянувшись на заднем сиденье, спит себе безмятежным сном – не о чем ей печалиться. Повернувшись, муж смотрит на неё молча... – думает. Потом встаёт и идёт. Куда было велено.

Ждать пришлось долго. Но вот – наконец-то! По выражению лица, по шагу вижу: всё нормально. Подходит. Садится за руль – так и есть:

– Всё нормально. Поехали.

Почти весь дальнейший путь ехали молча. Успокаивались. А пройденные километры дорог приближали нас к сыну...

5.

И вот – Севастополь. Когда я приезжала сюда весной – на присягу – всё выглядело совсем иначе. Ярко, солнечно! Каштаны в буйном цвету! И оркестр духовой... на Графской пристани...

Теперь же – пасмурное небо над городом. Холодно.

Сориентировавшись, едем в расположение части. На КПП по звонку дежурного выходит командир роты. Ответив на все наши вопросы, он вежливо прощается и, уже открывая дверь, коротко бросает самое важное:

– Ждите. Скоро выйдет.

Вернувшись в машину, ждём. Состояние – непередаваемое... Леська, уютившись у ног, блаженствует... – нравится ей наш разговор. Слыша имя своё, подрагивает шёлковыми ушками, поглядывает на нас умно и внимательно. А как же! – тоже в беседе принимает участие. Но вот распахивается дверь, и на площадку, гремя армейскими ботинками, высыпают ребята в чёрной морской форме. Их много. Очень много! Мгновенно отреагировав на возглас: «Где Рома? Искать!» – она сиганула из машины первой.

Но врезавшись в толпу, встала вдруг, как вкопанная. Вертит башкой – в полной растерянности! – все одинаковые... Мы же... видим его сразу! – выше

всех потому что... Слёзы радости, поцелуи, объятия... Но вот увидел за плечом моим – Леську!

– С вами Леська, что ль, ма?! Лэсси! Маленькая моя! Что ж, как не родная-то! Иди! Ну, иди же ко мне! Иди!

Но сидит наша Леська, распушив хвост, – ни с места.

– Ко мне, Лэсси! Ко мне! – уже строго зовёт он.

И вновь – никакой реакции. Удивление, обида в его глазах... И вдруг... шапку с себя хватя и – оземь!

– Эх, ты!! Лэсси! А я так по тебе скучал!

И тут! – молниеносный бросок!!! И она винтом взвивается к нему в объятия. Лижет лицо... уши... руки... – узнала! Без шапки сразу же его узнала! А вот по голосу – нет. Изменился голос у парня. Да и сам он, хоть и худющий донельзя, но – повзрослел очень...

– Ну, наконец-то! Лисюха! Маленькая моя... А я уж думал... Ну, всё, всё... Всё! Успокойся... Да успокойся же! Лэсси! – ласково приговаривает он, увораживаясь от её «поцелуев».

Однако успокоилась она не скоро. Но успокоилась всё же. Утомилась. И с той минуты не отходила от него ни на шаг. На квартире, куда мы отправились, получив адрес там же, на КПП, выяснилось, что у морячка нашего лоб «горит огнём» – температура. Измерили – под тридцать девять. Срочно – в аптеку. По ходу – лимоны, мёд... И приступили к лечению. Как в детстве. Леська неугомонно вертелась рядом, любовью и вниманием (а скорее всего, просто присутствием своим) помогала ему выздоравливать поскорее. Помогала ли? А как же! Разве ж бывает иначе, когда такая любовь?

Три денёчка промелькнули, как один миг. И вот уж, проводив сына до части, отправляемся мы в обратный путь. Живописнейшая дорога теперь совсем не радует – не до пейзажей нам. Притихла на заднем сиденье и Леська. Ей велено было ждать. Ждать долго. И она приступила к этому занятию сразу же... Лишь растаяли в дальней дали очертания чёрной фигурки друга...

6.

А когда он пришёл наконец в отпуск, у неё в самом разгаре была пора влюблённости. Подружилась с таким же, как сама, красавцем-соседом по кличке Дени, и поведение её изменилось до неузнаваемости. Радовала, конечно, нас, как и прежде, но больше времени проводила теперь со своим «кавалером». А когда расставались, ложилась у порога со вселенской грустью в очах и терпеливо ожидала приглашения на очередное свидание. Дени во двор к нам входил в эти дни беспрепятственно. Знать давал о себе очень просто: вставал на задние лапы (видно его было из окон дома) и... стучал лапой в дверь – жутковато даже... всё это выглядело – почти по-человечески. Ну, а если не сразу вдруг слышали мы этот стук, начинал усердно царапать в дверь, оставляя на ней глубокие полосы-отметины. Она же, волнуясь и тоненько поскуливая, вела к двери: выпустите же, наконец! – Такие вот были отношения.

До сих пор жалею, что не запечатлела однажды утром удивительную «семейную» идиллию: в круглом проёме будки-«домика», специально для будущего потомства построенного, блаженно – на вытянутых лапах – покоятся две красивые башки – рядышком... А вокруг сирень – буйным цветом!

Стукнула в окно, вышли отец с сыном, любят. Улыбается Роман, протирая глаза спросонья:

– Красавцы! А? Скажи, па?

– Ну, да...

А вот сфотографировать... никому не пришло на ум!

7.

Но всё хорошее, как известно, очень-очень быстро заканчивается. Закончился и отпуск у сына. Отбывая в славный город Севастополь – дослуживать, попрощался он на перроне со своей любимицей... не зная и не ведая, что видит её в последний раз.

А умница-Павел к тому времени уже учился в институте. И однажды – солнечным летним днём – привёл в дом родительский Елену Прекрасную. Избранницу свою. Объявили нам о своём решении. И жизнь – сразу же – круто изменила свой привычный ход. Началась подготовка к свадьбе. Непростое это дело, однако.хлопотное. Хорошо, что Леська – на радость всем – успокоилась, и Дени больше не приходил и не царапал изрядно пострадавшую входную дверь.

И замелькали в бесконечных хлопотах и заботах дни! А самый главный – такой ожидаемый день! – застал почему-то врасплох. Ночь перед свадьбой, как не покажется это странным, осталась в памяти моей одним из самых грустных воспоминаний. Ткнулось в сердце вдруг что-то... – материнское – неизведанное ранее, неиспытанное. Поднялась, иду в ночи по тёмным комнатам. Осторожненько иду – спит повсюду родня, на свадьбу прибывшая. Вот и комната его. Приоткрыла дверь: спит... «Спи, сыночек... спи, хороший мой, завтра день у тебя... – ответственный!».

И в минуту ту – трудную – ощутила вдруг у ноги своей Леськин бок. Подошла неслышно, притулилась: с тобой я, с тобой...

Вышли с ней тихонечко во двор. И сидели там в звёздной ночи – долго! Не шевелясь, слушала она повесть мою... О сыне. От самого его рождения!

– А теперь что ж... будет у него своя семья, и будет он не только наш. Не только наш, понимаешь, Лэсси?

Лэсси понимала всё. Поблескивали от лунного света внимательные её глаза, вздрагивали, настораживаясь от каких-то, очень уж взволнованных слов (интонаций!), шёлковые ушки... Так и не отошла от ног моих до самого рассвета.

А утром!.. Утром некогда уже было грустить. Закрутилось свадебное колесо! И уже не до Леськи нам, не до глаз её внимательных. Она же весь праздничный день умудрялась быть рядом с молодожёнами. Лежала у ног или ходила следом, одаривая красавицу невесту тёплым и очень даже дружелюбным вниманием! И означало это только одно: хороший человек эта девчонка – не сомневайтесь.

8.

А через шесть месяцев родились у нашей любимицы щенки. Семеро! С первых же минут появления их на свет стало понятно: Лэсси будет хорошей матерью. По сто раз на день вылизывала она их, прихорашивала, терпеливо – часами – лежала в своём «домике». Кормила и ухаживала. Ухаживала и кормила. Обласканные любовью, подрастали они не по дням, а по часам. И вот уж гуляют по двору мягкие, пушистые комочки. Каждый радует и удивляет по-своему...

Но пришло время, когда нужно было что-то решать. Вот тогда-то и вспомнила я ещё раз ту женщину – с рынка. И поведение её, и уговоры... Приуныли мы: где найти столько добрых рук! Не до забав людям нынче... Не до забав.

И придумали писать объявления. С адресом, с номером телефона – всё, как принято в таких случаях. Много листочков расклеили, кто где смог, и стали ждать. Но звонков было всего два. За месяц! И оба – местные, от родителей моих учеников. Знали они Леську. На щенков её тоже любовались не раз. Ну, а что... думали мы, люди хорошие. Так и отдали – с болью-радостью – первых двух «мальчиков». А дальше – пошло-поехало! Постепенно определили всех, кроме одного. Одной! Это была «девочка». Джульетта. В обращении – просто Джулька. Так и росла эта «копия Леськина» под нашим да под материнским присмотром, пока однажды, открыв калитку, я... не увидела её во дворе. Подбежала, как обычно, Лэсси. Приласкалась. А на вопрос, где Джулька, ответить так и не смогла. Вышли на улицу. Звали, звали... Искали, искали... Пока не подсказали, наконец, люди добрые (соседи напротив), что увезли её на машине «ребята ненашенские»: «В багажник захлопнули и... поминай, как звали! Номер? Нет! Не запомнили... Девятка, кажись! Красная...».

Так и возвратились домой ни с чем. День уж к закату клонится, а сумка моя с тетрадами всё ещё на лавочке стоит. Присела рядом. Леська грустно улеглась у ног. Казалось, дремала. Или, может, плакала... – по-своему, по-собачьи...

А вокруг слышалась жизнь. И голос нашей пионерской вожатой – через мегафон – громко!

– Построились, мальчишки! По-стро-и-лись!!! Гимнастёрки, пилотки поправили! Так. При-го-товились! Музыку, Лёш! И-и-и... пошли! Так... Так! Хорошо. Хорошо! Нежнее, девчоночки мои, пожалуйста, нежнее! – вальс же всё-таки...

– Что там? а? Лэсси? Музыка? К Празднику готовимся, понимаешь? На митинг с нами пойдёшь?

Но не дрогнули почему-то ушки, не подняла, как обычно, голову. И... кажется, впервые в жизни отдалилось вдруг всё, что было там – важное! Я смотрела на свою Леську, гладила её, утешала. А память подсовывала – далёкое... Детский конкурс стихов... где «споткнулся» вдруг Ромка мой, не осилив и первой строчки есенинской...

«Утром в ржаном закуте, / Где златятся рогожи в ряд, / Семерых оценила сука, / Рыжих, семерых...»

При полной тишине зала стоял он... Долго стоял, опустив голову. Потом – собравшись с духом – дочитал-таки! Осилил. С Божьей помощью...

– Лэсси! Э-эй! Посмотри на меня. Ну, же! – подняла голову: грустный взгляд внимательных глаз... – Знаешь, как бы там ни было, будем верить, что не обидят... Ну, не обидят они её, слышишь, Лисёнок! Люди, они... знаешь ли...

***

А вскорее – по вине людской – не стало и её, нашей Леськи. Погибла. Нелепо и трагично. Не дожив... До многого чего – не дожив.

Но светлым пятнышком – рыжим, солнечным! – и теперь всё видится она сквозь толщу лет. Всё помнится.

ПРОЗА

Ольга ГУСЕВА

Ольга Васильевна Гусева – родилась в 1959 г. в Петрозаводске, образование высшее техническое, работает инженером в проектной организации. Стихи публиковались в литературном журнале «Север», в коллективном сборнике «Удержавшийся над бездной» (редактор-составитель карельский поэт Владимир Судаков), в местных газетах. Автор книг «Спасибо, Господи, за всё...» (2007), «Небо вечности» (2010), «Время плодов» (2014).

Живёт в Петрозаводске.

«Ко мне спускалась муза с облаков...»

***

Туман пролился белым молоком,
Кукушка вдалеке прокуковала...
Мой милый край – земля и отчий дом!
Но почему-то этого мне мало.

Ко мне спускалась муза с облаков
И душу вдохновеньем осеняла
Непостижимой вязью чудных слов...
Но почему-то этого мне мало.

Я задохнусь от нежности моей,
Укутывая маму в одеяло, –
Ведь для меня нет никого родней!
Но почему-то этого мне мало.

Я не скажу, что жизнь не удалась:
В ней есть неистребимое начало,
И нить её ещё не порвалась...
Но почему-то этого мне мало.

И только там, за гранью бытия,
Пройдя черту предвечного порога,
Быть может, наконец, постигну я:
Как много дал Ты, Господи, как много!

Ангел

*мат. Наталье Теплоуховой
для музея Ангелов*

Сияя светлой красотой,
Прекрасный, золотоволосый,
О, чистый Ангел светоносный,
Куда летишь ты надо мной?

Отправился ты в дальний путь
От Бога с важным порученьем,
Но крыл сияющих свеченьем
Меня задеть не позабудь!

И, может быть, хотя б на миг,
Я на тебя похожей стану,
Из рабства похоти восстану,
В себе увижу новый лик, —

Тот Божий образ, что забыт,
Который мне и подобает:
Душа о нём напоминает,
О нём тоскует и болит!

И Ангел свой полёт прервал
И с высоты ко мне спустился,
И тихим светом осенился
Моей головушки овал.

Крылом коснулся – и взлетел!
Я вслед ему махну рукою.
В свой час я полечу с тобою
В назначенный Творцом удел.

***

Рыбкою малой, никчёмной, смешною
Стать бы мне, Господи, перед Тобою!
Рыбкой, что плавала в тёмных глубинах,
Сетью уловленной Божия Сына, –
Сетью святою, что дарит свободу,
Благословленной простому народу.
Пусть эта рыбка да не оскудеет,
Пусть эта рыбка сердцами владеет!
Господи, стать бы смиренной и нищей...
Господи, стать бы для алчущих пищей...

***

Блажен, кто Божьим словом ранен:
Сладка ему святая боль,
А мир земной и чужд, и странен,
И жизнь его – скорбей юдоль.

Но уповающий на Бога
Вовек не будет посрамлён:
Господь порою взыщет строго,
Но и возносит тоже Он!

***

Неужели уйду, ничего не сказав,
Не оставив ни тени, ни слова, ни звука?!
Птица-день улетает на небо стремглав,
Птицу-ночь караулит старуха-разлука.

Неужели уйду, до конца не успев
Научиться любить и прощать, и прощаться?!
Сердцу слышится странный, знакомый напев,
Будто в точку возврата пора возвращаться.

В этой точке – исток и исход бытия,
И предчувствие страшной и сладостной
Встречи:
Там возьмут мою душу два белых крыла,
Возложив на бесплотные лёгкие плечи.

«Трисвятое» поют, и душа не болит,
Всё земное своё на земле оставляя.
– Хорошо мне с Тобою здесь, Господи, быть!
Я люблю Тебя, Господи, – значит, живая...

Выпал снег

Всё обновилось: выпал снег
И грязь земли закрыл,
И в чистоту меня облек
Под шорох белых крыл.

Но не от снега чистота –
Её мне дал Христос.
Она – от Божьего Креста,
От покаянных слёз.

Иду на свет Святой звезды,
К её теплу стремлюсь.
Крещенской изопью воды
И ею укреплюсь.

Чего желать?! – душа тиха;
Вот так бы и идти –
Волшебной лёгкостью стиха
Прокладывать пути,

И плыть по руслам синих рек
К Тому, Чьё имя – Бог!
...И не пятнать тот белый снег,
Что мне под ноги лёг...

Я – не «Шарли»!

Я – не «Шарли», мой друг, я – не «Шарли»,
Я маршем не пойду за них в Париже.
Меня терзает боль другой земли,
Которая роднее мне и ближе.

Она лежит под пулями сейчас,
И рвут её снарядами на части.
Я – не «Шарли», конечно, я – Донбасс,
Я – город, что когда-то звался Счастье!

Я – Горловка, я – Славянск, я – Донецк,
Фашистской хунтой брошенный на плаху!
Я – пассажир автобуса, из тех,
Расстрелянных в упор под Волновахой!

Я – те, кого хотят убить и сжечь,
Я – города твои, Донбасс, и сёла!
Мне запретить хотят родную речь!
А ты, «Шарли», – ты за свободу слова?!

Так в чём твоя «свобода», ты скажи? –
Хулить всё то, что для кого-то свято?!
А разве не хотел, «Шарли», ты жить,
Как Ваня, что лишился ног и брата?!

Мой друг, припомним сорок первый год,
Как шли тогда сражаться наши деды!
Опять встаёт за Родину народ,
И жизнь готов отдать он для победы!

Ну, что ж, сейчас другие времена,
И кто-то хочет тихо отсидеться.
Но Родина у нас на всех одна,
И за неё болеет моё сердце.

Я не хочу, чтоб чья-то кровь лилась, –
Во Франции или в Ясиноватой.
Забыли мы, что Божий образ в нас,
И за грехи нам стала кровь расплатой.

Москва, Нью-Йорк, Дамаск... Я – шар земной,
Плывущий в синей дымке на рассвете!
Я – не «Шарли», мой друг, я – ближний твой,
И перед Богом за тебя в ответе!

***

Как всё земное преходяще!..
Так почему я так люблю
Еловые густые чащи,
Шуршащую в ногах хвою?!

Есть смысл во всём: в любой травинке,
В дыханьи ветра поутру,
В бегущей по холмам тропинке
И даже в том, что я умру.

Я оглянусь из поднебесья
На вас, оставшихся внизу,
И вам своей последней песней
Пошлю весеннюю грозу.

Прольюсь дождём, благословляя,
Но к вам я больше не вернусь:
В обителях святого рая
За вас, родные, помолюсь.

Оставляю вам цветы и травы,
И всю земную красоту:
В сиянии Христовой славы
Я свыше радость обрету –

Всё то, что недоступно слуху,
Что зреньем здесь не увидать, –
Награду от Святого Духа –
Божественную благодать.

Придя к Господнему Чертогу,
Ещё сильнее хочу любить:
Любовь к земле с любовью к Богу
Я не сумею разделить...

***

Я довольствуюсь малым,
Что там не говори!
Я довольствуюсь алым
Блеском вешней зари.

Я довольствуюсь искрой
От ночного костра,
Жадным поиском смысла
Грани зла и добра,

Голоском жаворонка
Над простором родным,
Первым криком ребёнка
И последним – моим...

Только, всё же, слукавлю,
Если «Хватит!» скажу:
Всем, что здесь я оставлю,
До конца дорожу.

Мне всего бы хватало,
Но без мысли одной:
Как же этого мало,
Если Бог – не со мной!

***

Ты победил Своей Любовью
Ту нелюбовь, что есть во мне,
И исцелил святою Кровью
Те страсти, что ношу в себе.

Они коварны и однажды
Во мне проявятся опять,
Но с ними в бой вступлю отважно:
С Тобой ли мне не побеждать!

Как надо плакать и молиться,
Чтоб отступил лукавый враг!
Любовь – прекрасная царица –
Превыше всех небесных благ!

Паду ли я в борьбе неравной
Иль обрету надежды нить, –
Твоей Любовью, самой главной,
Учусь я, Господи, любить!

***

Каждый день кого-то отпевают
И уносят, плача, на погост.
Господи, никто из нас не знает:
Где он, нас соединивший мост?

В землю он одним концом упёрся,
А другим уходит в небеса.
Старый посох мой в дороге стёрся,
Мочат его дождик и роса.

Испытуя холодом и зноем,
Ты велишь мне жизни путь пройти.
Поплыву ли с праведником Ноем,
С Моисеем буду ли в пути?

Только бы одной мне не остаться,
Только бы Тебя не потерять!
Тихим Твоим светом умываться,
Обретая Божью благодать!

В час, когда луна на небе нижеет
В ожерелье за звездой звезду,
Этот странный мост вдруг станет ближе,
И легко я на него взойду.

Каждый день уходит кто-то к Богу,
И его вернуть уже нельзя,
И всё смотрят, смотрят на дорогу
В вечность заглянувшие глаза.

Молитва

Сотвори со мною чудо, Господи,
В радость преврати мою беду.
Святые за Тобою шли Апостолы,
Я, грешная, за ними вслед бреду.

Сотвори со мною чудо, Господи,
В сердце мне, как в новые мехи,
Страх всади Твой, словно жало острое,
Чтобы мне слезами смыть грехи.

Сотвори со мною чудо, Господи,
Свет Свой несказанный покажи,
Чтоб не обросла душа коростюю
Грязи, равнодушия и лжи.

Сотвори со мною чудо, Господи,
Не оставь меня в последний миг!
Дай увидеть среди звёздных россыпей
Твой любовью осиянный Лик.

Сотвори со мною чудо, Господи...

***

Не считайте меня хорошей,
Не считайте меня плохой.
Каждый будет однажды спрошен,
Как прошёл он свой путь земной.

И раскроются Книги судеб,
И узнаем мы на Суде
Всё, что было, что есть, что будет,
И за что нам гореть в огне:

За грехи свои, волю злую
Перед Богом дадим ответ...
Мне бы с Господом – одесную,
А ошуюю – желанья нет!

Не корите меня за резкость,
Не хвалите меня за лесть:
Это борется моя ветхость
С тем, что лучшее во мне есть.

Всё, что доброе, – то от Бога,
Всё худое – то семя тли.
Вы меня не судите строго,
Все мы созданы из земли.

Есть секрет один, между прочим,
Как мы сможем в согласьи жить:
И хорошую, и не очень, –
Постарайтесь меня любить...

**Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Фёдора Вострикова
с 75-летием!**

Фёдор Сергеевич Востриков – родился 21 февраля 1942 г. в посёлке зерносовхоза «Авангард» Алексеевского района ныне Самарской области. Окончил Куйбышевское культурно-просветительское училище (1966). Прослушал курс журналистики при Пермском государственном университете (1969 – 1972). Работает во Дворце творчества юных г. Перми: руководитель литературной студии «Трона». Первые творческие публикации относятся к 1960-м гг. Первый поэтический сборник вышел в 1979 г. в Перми: «Отцовское поле». Автор более двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей России (1993). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), нескольких медалей общественных организаций.

Живёт в Перми.

«Не отрекусь...»

История

История – древняя книга –
Вещает нам горькую грусть:
Татаро-монгольское иго
Терзает набегами Русь.
В крови, как в багряном тумане,
Кипела огнём круговерть.
Не плен выбирали славяне,
А битву – победа иль смерть.
Сплотились. Орду победили.
Рассеялся дым на ветрах.
Лежат в куликовской могиле
И русич хоробрый, и враг.
Но только, где русичи пали,
Воинственные мужики,
На поле из травушки встали,
Как память о них, васильки.
А там, где поганое иго,
Метущее некогда зло,
На чёрных, как туча, кулигах
Татарниками проросло.

Урал

Край уральский навеки любимый,
 Мой особенный русский уют,
 Где стучатся в окошко рябины,
 И уралочки спать не дают.
 Ты, Урал, всех добрее и проще.
 Запоёшь – и тебя не унять.
 Соловьями в берёзовых рощах
 Задушевные песни звенят.
 В самоцветах купаются горы.
 И куда ни посмотришь – леса.
 Плещет лебедем Камское море,
 Отражая в себе небеса.
 Крепость духа, влюблённость и силу
 Ты поистине в сердце вобрал,
 Милый край, – ожерелье России –
 Вечно юный и древний Урал.

Изба

Памяти матери

Свистит пурга над ветхою трубою.
 Горбатится от снега городьба.
 Не назову теперь избу избою –
 Да разве, мама, без тебя изба?!
 Не пахнет хлебом. Холодно и тихо.
 Ни лампы керосиновой в ночи.
 Не греет кости баба Кузнечиха,
 Дерюгою прикрывшись на печи.
 В углу повыщвел Николай Угодник,
 Что рисовал Колодин Геродот.
 С тобою, мама, кажется сегодня
 Остановился востриковский род.
 Хотя живут и правнуки, и внуки,
 Хотя живут на свете сыновья.
 Но как нужны твои родные руки,
 Но как нужна добриночка твоя!
 Зима сменяется весной синей.
 И снова степь полынная в цвету.
 Спасибо, мама, что любить Россию
 Учила нас, как вере в доброту.
 Иду к тебе кладбищенской тропею,
 От кашки до шалфея даль светла.
 Да разве назовёшь избу избою
 Без твоего сердечного тепла?..

Дед

Денис Михайлович – мой дед.
 За век познал немало бед:
 Крещён японскою войной,
 Контужен первой мировой.
 На стыке взорванных эпох
 Кормил в окопах вшей да блох.
 Прошёл и боль, и смерть, и страх.
 Домой вернулся – грудь в крестах!
 Пахал и жал – он труд любил.
 Он раскулачен дважды был.
 Хотя жизнь недоброю была –
 Не затаил на сердце зла.
 Лечился пляской под гармонь,
 Частушкой знойной, как огонь.
 И начинал опять с нуля.
 Давала силушку земля.
 Срубил избу среди степей.
 И сад разбил. Поднял детей.
 Когда от тяжких ран устал,
 То внукам землю передал.
 С тех пор промчалось много лет.
 Лежит в степи мой древний дед.
 Где был погост, где сад, изба –
 Теперь ерошатся хлеба.
 Из тьмы ромашкой, васильком,
 Полынью горькой, колоском
 Глядит, даруя людям свет,
 Денис Михайлович – мой дед.

На свете женщина живёт

На свете женщина живёт,
 Меня не любит и не ждёт,
 Не ждёт ни писем, ни вестей.
 Хранит очаг. Растит детей.
 Давно меня среди тревог
 Она забыла, я – не смог.
 Не смог тогда, смогу ль теперь,
 Пройдя сквозь тысячи потерь?
 Прошу прощенья у жены,
 Что не жена приходит в сны.
 Всё та приходит, вдаль маня, –
 Не полюбившая меня.

Михайловские рощи

Шумят михайловские рощи,
 Да не шумят, а даль поют.
 И чем древней они, тем проще,
 Зовут в извечный свой уют.
 Где живы графы и крестьяне,
 И перевозданны дом и двор.
 За самоваром Пушкин с няней
 Ведут о сказках разговор.
 Фольклором, песней, рукодельем
 Пленяет Пушкина она.
 А в гости едут Пуцин, Дельвиг –
 И вновь пирушка допоздна.
 В речах гудит Лицей, как пчельник.
 Друзья, какая ссылка тут,
 Когда, как прежде, в час вечерний
 В Тригорском Осиповы ждут?!
 Скорей коня! Долой волненье.
 На плечи плащ. И за порог.
 Летит он к чудному мгновенью,
 Как самый дерзостный пророк.
 В душе «Онегин» и «Цыганы»,
 «Арап Петра» в душе кипит,
 А всадник скачет сквозь туманы,
 Сквозь время вещее летит.
 Бессмертье вихрем плащ полощет,
 А Пушкин мчится, гой еси!..
 Шумят михайловские рощи,
 Да так, что слышно на Руси!

Не отрекись...

Глазами полузрячими избушек,
 Что горбятся, как бабки, у плетня,
 Глазами керосинок и коптушек
 Глядела Русь на юного меня.
 А я-то знал, что вырасту и ринусь,
 Хоть сколько ни случись в дороге бед,
 Сквозь тьму тайги и жуткий мрак равнины
 Увижу белый выстрадавший свет.
 И тяжело было, больно и жестоко.
 Кровавая душу, предков не корил.
 Узрил я Русь и Пушкина, и Блока,
 Святую Русь Есенина узрил.
 Высоко в небо птицей поднимался,
 Развенчивая подлость и покой.
 Как пахарь, в землю отчую вгрызался
 Душой и поэтической строкой...

Не отрекись от вымершей коптушки,
 От Брестской крепости не отрекись.
 Во мне, как жизнь, и Родина, и Пушкин,
 Во мне, как жизнь, есенинская Русь!

***

Суждено умереть одному
 На казённой больничной кровати,
 А другому – не в белой палате,
 А в родительском старом дому.
 Где-то мой подступает предел.
 Не хотел бы навеки забыться
 Ни в отцовском дому, ни в больнице –
 Умереть бы я в поле хотел.
 Где отец? Если спросят детей,
 И они беспечально ответят:
 «За цветами ушёл на рассвете,
 И домой не вернулся с полей».

***

Не видно ни солнца, ни сини –
 Клокастые тучи штормят.
 Гуляют дожди по России,
 Грома древнетишье громят.
 Ни спрятаться негде, ни скрыться, –
 Как в горе – душа на излом.
 И мечешься старою птицей
 С пробитым навывлет крылом.
 Но хватит ли воли и силы
 Подняться, восстать, чтоб успеть
 Для доброй и вечной России
 Последнюю песню допеть?!

Красавица

Себя несла, как призрачный кувшин.
 Природным совершенством поразила.
 С признанием дела очередь у вин
 Красавицу глазами просквозила.
 К тому ж от шаловливых сквозняков
 Волною знойной платьё завернулось.
 На комплименты липких мужиков
 Была глуха. Прошла, не обернулась.
 Не обернулась. Надо ль упрекать,
 Мол, ни один не нравится мужчина –
 Красавица боялась расплескать
 Святое целомудрие кувшина!

Купальщица

Из речки вышла. Огляделась.
 Пропахла солнышком насквозь.
 Потом тихонечко оделась –
 Цветами тело занялось.
 Прихорошилась. Прибодрилась.
 Поклон отвесила реке,
 И незаметно растворилась,
 Как птица, в синем далеке.
 Но до поры уже вечерней
 Река дышала всё ещё
 Божественным её свеченьем
 И целомудрием её.

На пляже

На пляже никого. Река пустынна.
 Хозяйничает осень. Тишина.
 И лишь тропу любовно краской дынной
 Раскрашивает сонная луна.
 Не верится, что здесь когда-то бодро
 В июльский полдень – зноен и высок –
 Красавицы впечатывали бёдра
 В разгорячённый ветренный песок.
 Подставив солнцу руки, грудь и плечи,
 Подчёркивали прелести рекой.
 По ним скользили, жаждущие встречи,
 Пожары глаз компании мужской.
 Теперь, увы! Луна тропинки пишет.
 Под осень пляж, конечно, опустел.
 Но всё-таки песок неслышно дышит
 Теплом и тайной высвеченных тел.

Родине

А время то перед глазами,
 Как степь в пучине грозовой.
 На медкомиссии сказали:
 «Не годен, парень, к строевой».
 Не знаю в чём, но виноватым
 Себя я чувствовал в пути.
 За то, что не был я солдатом,
 Меня ты, Родина, прости.
 Я эту боль землёй родною,
 Работой тяжкою лечил.

В лицо дышало солнце зноем,
 Как хлеб, что только из печи.
 Походкой твёрдою, не шаткой,
 Я мерил пашни и луга.
 И новой строчкой, новой жатвой
 Тебе, родная, присягал.

Читая Дмитриева

*Не исчезай моё село...
 Ты будто «Слово о полку» –
 В одном бесценном экземпляре...*

Читаю Дмитриева Колю,
 А с ним – и плачу, и пою.
 Его и волю, и неволю
 Воспринимаю, как свою.
 На свадьбе пляшем, пьём на тризне,
 Кричим: «Ура», презревши страх,
 За необорванные жизни
 В чехословацких клеверах.
 Погибель сёл сердца тревожит,
 Сочится кровушка меж строк.
 А он-то был меня моложе,
 Да вот себя не уберёт...
 Мне с ним пришлось в года остуды
 Встречаться, чуточку дружить.
 Теперь советует оттуда,
 Как слово чувствовать, как жить.
 За мир добра спасибо, Коля,
 Что пережил тебя – прости...
 Мы побратались русским полем,
 Чтоб в поле русское уйти.
 Судьбе, конечно, благодарен.
 Позволь, вольюсь в твою строку:
 В одном бесценном экземпляре
 Ты сам, как «Слово о полку».

Вдова

Спина, как серп, у бабы Катерины.
 Хлебнула бед за век дремучий свой:
 Из Курска муж, а сын из-под Берлина
 Вернулись похоронками домой.
 Кого угодно боль такая свалит.
 Она не помнит, как пережила.
 Лечили раны ей ржаные дали
 Да бабки-вековухи из села.

Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине – в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле,
И незаметно, как под тяжкой ношей,
Всё гнулась, гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень – вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.
Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала бельё...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на неё.

***

Обелиск поставили в деревне,
На открытые стар и млад пришёл.
Тоненькая веточка сирени
Поднялась на белый частокол.
Вспомнил каждый дорогое имя –
И зажглись рябинами венки.
И, скорбя, в молчании над ними
Головы склонили земляки.
И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна, слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

Русский солдат

Шагал солдат вперёд во имя мира,
Не кланяясь фашистскому кресту.
Когда в бою не стало командира,
Он поднял взвод – и взяли высоту.
За ним, как тень, по свету смерть бродила:
Ползла за Одер, корчилась в дыму...
Его ждала славянка и любила –
До смерти ль было, смертному, ему?!
Солдат в бою солдатом оставался.
Но прежде чем вернуться в отчий дом,
В империи Германской расписался
Российским историческим штыком.

